DUKE
UNIVERSITY

LIBRARY

Digitized by the Internet Archive
in 2021 with funding from
Duke University Libraries

https://archive.org/details/novyizhivopisets61pole

НОВЫЙ ЖИВОПИСЕЦЪ ОБЩЕСТВА И ЛИТТЕРАТУРЫ,

составленный

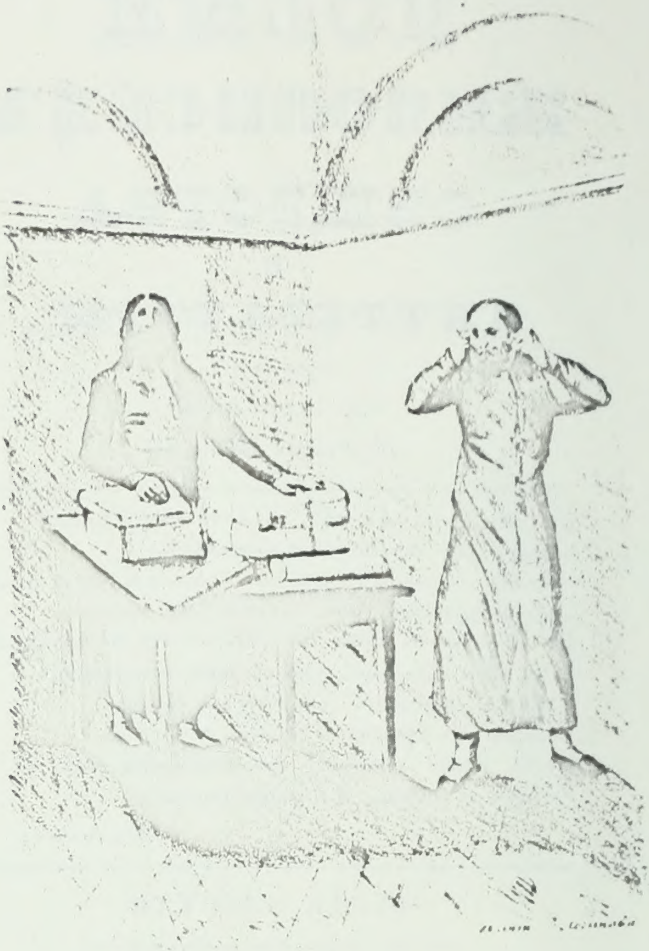
Николаемъ Полевымъ.

Смирись, разсудокъ мой, къ чему такое рвенье?
Сапира для людей худое наставленье!
Съ симъ страшнымъ ремесломъ ты будь всегда готовъ
Пріязни рушишь связь, нажвешь себѣ враговъ.
Всѣ скажутъ о тебѣ: насмѣшникъ сей несчастный,
Есть язва общества, умъ вредный и опасный;
Бѣги его, страшись! Для остраго словца,
Готовъ онъ уязвить и матерь и отца....
Нѣтъ! лучше замолчимъ, покорствовать умѣя —
До первого глупца, и первого злодѣя!

Милоновъ.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ.

МОСКВА.
Въ типографіи П. Степанова,
при Императорскомъ Театрѣ.
1832.



Сей миръ, сей миръ, сей миръ!

BRITISH
7 JUN 1
MUSEUM

О сей миръ, сей миръ, сей миръ!

НОВЫЙ ЖИВОПИСЕЦЪ ОБЩЕСТВА И ЛИТТЕРАТУРЫ,

составленный

Николаемъ Полевымъ.

Смирись, разсудокъ мой, къ чему такое рвенье?
Сатира для людей худое наставленье!
Съ симъ страшнымъ ремесломъ ты будь всегда готовъ
Пріязни рушишь связь, нажишь себѣ враговъ.
Всѣ скажутъ о тебѣ: насмѣшникъ сей несчастный,
Есть язва общества, умъ вредный и опасный;
Бѣги его, страшись! Для остраго словца,
Готовъ онъ уязвить и матерь и отца....
Нѣтъ! лучше замолчимъ, покорствовать умѣя —
До перваго глупца, и перваго злодѣя!

Миловъ.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ.

МОСКВА.
Въ типографіи Н. Степанова,
при Императорскомъ Театрѣ.
1832.

Печатать позволяется,

съ тѣмъ, чтобы, по напечатаніи, до выпуска изъ Типографіи, представлены были въ Цензурный Комитетъ *три* экземпляра. Москва, 1832 года Іюля 4 дня.

Профессоръ, Цензоръ и Кавалеръ *Иванъ Снегиревъ.*

ПОСЛАНІЕ

ОТЪ

МОИСЕЯ АБРАМОВИЧА ХАПУНЕВИЧА КЪ ЮСИФУ, ІУДѢ ГЕЙШЕЛЮ, ИЗЪ БЕРДИЧЕВА ВЪ БРОДЫ.

О вей миръ, вей миръ, вей миръ!

Удача отъ неудачи, водевиль, соч. Семенова.

ПИСЬМО ОТЪ МОИСЕЯ АБРАМОВИЧА ХАПУНЕВИЧА КЪ ІОСИФУ, ІУДѢ ГЕЙШЕЛЮ.

Да будутъ надъ тобою, любезный братъ и другъ Іосифъ, всяческія благословенія Бога отцовъ нашихъ, за ту сладостную сердцу граматку, какую получилъ я отъ тебя, на послѣднихъ дняхъ. Какъ отцы нашина прахѣ раззореннаго Святаго Града сидѣли въ скорби и унынiи, такъ, посыпавъ сердце прахомъ, и распустивъ власы висковъ моихъ, въ знакъ горести и печали, сидѣлъ я въ углу, и проливалъ слезы о бѣдствiи, постигшемъ меня и моихъ товарищей, братьевъ твоихъ по вѣрѣ, и друзей, по неизмѣнному желанiю обогащаться отъ проклятыхъ враговъ Еврейскаго народа. Сорокъ лѣтъ вѣрно и счастливо исполнялъ я клятву, данную отцу моему, сорокъ лѣтъ звонкая монета, изъ нечистыхъ рукъ, переходила въ мои Еврейскiя, чистыя длани, и въ карманы мои лилось злато и сребро

Христіанъ. И вотъ, на старости лѣтъ моихъ, пришлось мнѣ увидѣть, какъ пресѣкаются всѣ источники моихъ доходовъ, какъ истощается изъ сундуковъ моихъ— даже прежнее добро, и оплачиваются ими неудачныя дѣла мои! Говорятъ, что старость приходитъ съ лѣтами; не знаю: горесть-ли меня лишаетъ ума, или лгутъ, что сѣдина есть мудрость; но я чувствую, что на старости лѣтъ моихъ я сталъ глупѣе. Никто въ прежніе годы лучше меня не умѣлъ провезти запрещеннаго товара, сладить съ таможнею, подѣлиться, и обдѣлить. Какъ голубь, пущенный изъ Ноева ковчега, я всегда возвращался въ ковчегъ свой съ золотомъ и серебромъ. Теперь все пропало!

Простри моему сѣтованію, и повѣрь, что письмо твое оживило мои радости и надежды, уже столь давно для меня не существующія, въ сей юдоли плача и скорби, которую называютъ *міромъ*. Пишешь ты, что отправляешься нарочно въ иныя страны, дабы всюду, тщательно и вѣрно, узнать и изслѣдовать: какимъ образомъ ухищряются тамъ, для

избѣжанія надзора и когтей таможенныхъ надзирателей, истинныхъ враговъ и злодѣевъ Еврейскаго народа? Да благословитъ тебя Богъ отцовъ нашихъ, за такое великое предпріятіе, и да возвратишься ты съ успѣхомъ и удачею! Поѣзжай, любезный мой Іосифъ, развѣдай и узнай. Если Христіане ѣздятъ за бурныя моря, и Богъ знаетъ какъ далеко, чтобы привезти съ собою сушеныхъ травъ, каменьковъ, и всякой дряни, то можно-ли не поѣхать тебѣ, для того, чтобы снова открыть источники богатствъ нашему роду, когда теперь наступила для насъ година, — горьше годины Іерусалимскаго раззоренія! Будь увѣренъ, что всюду встрѣтишь ты ласку и привѣтъ отъ братьевъ нашихъ, въ Англіи, Франціи, Германіи. По всѣмъ слухамъ, они продолжаютъ быть счастливыми и благоденствовать, то есть, по прежнему *наживаютъ деньги*, а другаго благополучія нѣтъ, да и не ищи въ мірѣ. Надобно полагать, что въ другихъ земляхъ, болѣе просвѣщенныхъ, таможни должны быть еще немилостивѣе и страшнѣе. Послѣ се-

го, вѣроятно, есть тамъ у нашихъ братій изобрѣтенія и средства хитрѣе нашихъ, коими могутъ они обманывать бдительность таможенъ. Оно такъ и должно быть, ибо мѣра просвѣщенія познается мѣрою ловкости, хитрости и плутовавости народа. Гдѣ больше образованія, тамъ болѣе многолюдства, деньги крѣпче, способовъ наживаться на счетъ другихъ меньше, умъ человѣческій дѣлается хитрѣе, и плутовство восходитъ выше и выше.

Но чтобы ты имѣлъ себѣ руководство въ своемъ похвальномъ предпріятіи, и достигъ вѣрнѣе цѣли своего полезнаго путешествія, намѣренъ я изобразить тебѣ нѣсколько тѣхъ способовъ, которые— увы! употреблялись нами доныне, и были удачны и успѣшны! Сердце мое обливается при семъ кровію, но — такъ и быть! Слушай, скажи и братьямъ нашимъ, что мы не совсѣмъ были олухами; но что уже никакого средства не изобрѣтетъ умъ человѣческій, когда судьба его гонитъ и терзаетъ!

Самое простое и вѣрное средство наше

было — *ариѳметическое*. Мы употребляли правило *дѣленія* съ прежними таможенными чиновниками, *вычитали* данное имъ, *слагали* это съ барышами, и *умноженіе* являлось у насъ само собою, при передачѣ провезеннаго безъ пошлины. Теперь Ариѳметика не годится. Ты знаешь пословицу на Волыни: »*дереть коза лозу, а волкъ козу, волка мужикъ, мужика Жидъ, Жида Панъ, Пана Юристъ, а Юриста бѣсъ?*« Теперь надобно-бы ее перемѣнить, и включить, вмѣсто бѣса, *таможню*, потому, что ни *Юристъ*, ни *бѣсъ*, ни *Панъ* не раззоряютъ насъ такъ жестоко, какъ раззоряютъ таможни проклятыя, въ наше время! Что намъ Панъ сдѣлаетъ? Поколотитъ? Бѣда только пейсикамъ Еврейскимъ! Что Юристъ сдѣлаетъ? Сорветъ что нибудь, схватитъ какую нибудь бездѣлку на водку? Съ перваго мужика, и безъ двойнаго мѣлка, мы вознаградимъ себя десятерицею! Бѣса мы не боимся, съ тѣхъ поръ, какъ панъ Твердовскій обманулъ его. Но *Таможня* злая — когда она зацѣпитъ кого нибудь изъ насъ, то это бываетъ хуже плѣна

Вавилонскаго! Почти всегда дѣлается такъ, что въ десять разъ, тяжкими трудами, пріобрѣтенное, за одинъ разъ изчезаетъ, а иногда захватитъ и лежалаго, да еще и въ корень раззоритъ!

Я старался доискаться: отъ чего-бы это происходило, что таможни стали нынче такъ неприступны и гибельны для нашего брата Еврея? Отъ чего нынче дѣлежа въ таможняхъ не бываетъ, и откуда взялось такое множество щекотливыхъ на совѣсть людей, что глупыя души ихъ ничѣмъ подкупить нельзя? Причину объясню я тебѣ притчею. Въ одномъ домѣ была лѣстница, и ее мели всякій день, и всегда однакожь лѣстница эта была засорена. Отъ чего пропадалъ трудъ? Отъ того, что мели ее съ нижней ступеньки; такъ вымечутъ бывало одну ступеньку, а съ другой опять соръ падаетъ. Когда-же стали лѣстницу вымести съ верху, то лѣстница всегда оставалась чиста. — Слыхалъ-ли ты еще притчу слѣдующую? Жилъ былъ, когда-то, гдѣ-то, Царь, и выѣхалъ онъ однажды на охоту, утомился, ѣдетъ назадъ,

видишъ виноградъ, богатый всякими плодами, и говоришъ своему Визирю: »Ахъ! какъ-бы я желалъ сорвать хоть одну изъ этѣхъ ягодъ винограда, который растетъ въ этомъ саду!« — Ваше Величество! воскликнулъ Визирь — только прикажите.... — »Нѣтъ, нѣтъ!« отвѣчалъ Царь — »избави Богъ! Если я сорву себѣ хоть полъ-ягодки, то свита моя съ корнемъ выцитлетъ всѣ деревья въ этомъ саду.«—

Теперь понимаешь-ли ты причину тяжкаго для насъ состоянія таможенъ? Верхняя ступенька на этой лѣстницѣ такъ сдѣлалась чиста, что ни одной соринки не падаетъ съ нея на вторую, и отъ этого на всякой ступенькѣ, до самаго низа, пылинка упасть не можетъ, чтобы не быть замѣтною, и тотчасъ смещенною. Когда у всѣхъ солдатъ ружья вычищены, то нечищенное ружье тотчасъ видно. О братъ Іосифъ! гибнемъ мы отъ нынѣшней *верхней ступеньки таможенъ!* Подумаешь, смотря на приходѣя нашего, главнаго начальника таможенъ, что у него тысяча рукъ должна быть, и тысяча глазъ. Отъ его недобраго чутья не

ускользнетъ ни одна ниточка контрабанды, и ни одинъ грошь, который таможенный чиновникъ, хошь за уголкомъ, положитъ въ карманъ свой! Бѣда совсѣмъ! Онъ долженъ быть волхвъ, колдунъ, волшебникъ какой нибудь. Давно всѣ жалуются на неурожай добрыхъ чиновниковъ, а у него эти негодяи, что есть, такъ называемые, *добрые чиновники*, точно какъ изъ земли растутъ, подобно грибамъ послѣ дождя! И этого мало: все еще, если-бы надобны были одни *добрые* чиновники, то утомило-бы это его, хотя-бы ковалъ онъ ихъ, какъ кузнецъ на наковальнѣ гвозди куетъ. Но онъ ухитрился такъ, что и плуты-то у него не плутуютъ. Всѣ тѣ, которые прежде бывали нездоровы болѣзнію, которую по Нѣмецки называютъ Geldsuch, а по Русски: *денежная лихоманка*, теперь, по его милости, совершенно отъ нея вылечились. Не берутъ, не дѣлятся, да и только! А чуть у кого опять окажется пароксизмъ старой этой болѣзни, то опеченавка тотчасъ даетъ ему средства идти въ тѣ мѣста, и тѣ службы, которыя просто

можно назвать *богадѣльнями, для людей, одержимыхъ денежною лихорадкою.* Такихъ мѣстъ немало....

При подобномъ невзгодьѣ, оставалось намъ подниматься на хитрости, оставить Ариометику въ сторону, и перехитрить таможни своими уловками. Надобно-же быть несчастью! Съ тѣхъ поръ, какъ таможенный народъ разучился правилу дѣленія, граница Русская сдѣлалась точно заколдованнымъ кругомъ, за который, какъ ни вертись бѣсомъ, контрабанда не перескочитъ, словно, какъ черезъ Китайскую стѣну. Каково положеніе, любезный Іосифъ: видишь за границею милую контрабанду, простираешь къ ней братскія объятія, и.... *вей миръ, вей миръ!* все тщетно — никакимъ средствомъ добраться до нея невозможно....

Не говорю о средствахъ старинныхъ: мы проваживали хорошенькія вещицы въ бочкахъ со всякою дрянью: золото и серебро въ салѣ, кисею и кружева въ поташѣ и медѣ.... Нѣтъ! это уже и старо, и грубо! Щупалы таможенные тотчасъ продырятъ всякую бочку, всякій тюкъ, и не-

вольники, милые сердцу, по ихъ волѣ вылѣзутъ на свободу.

Мы поступали хитрѣе. Не въ томъ, что на возу лежитъ, а *въ самомъ возѣ*, какъ-бы небѣ это сказать, мы прятали контрабанду. На примѣръ: ѣдетъ тѣлега, и на тѣлегѣ лежитъ мука, а на мукѣ сидитъ Еврей. Пожалуй себѣ копайся въ мукѣ — тутъ нѣтъ ничего, кромѣ муки; но тѣлега-то вся пустая: и въ осяхъ, и въ оглобляхъ, все выдолблено, и вездѣ набито всякой всячиной. Что-же дѣлаютъ проклятые таможенники? Провертутъ оси и оглобли буравчикомъ.... и все пропало!

Вдругъ у одного Русскаго купца началась страшная торговля сыромъ Голландскимъ — такъ и возятъ къ нему возами! Рѣзали этотъ сыръ со всѣхъ сторонъ — ничего! Вдругъ надоумило злодѣевъ проткнуть сыръ насквозь, въ самой срединѣ— анъ тамъ лежали жестяныя, плоскія банки, и въ нихъ были Французскія блонды!

Однажды привезли наши друзья, въ банкахъ жестяныхъ, благовонныя воды. Что-бы тутъ казалось за подозрѣніе? Нѣтъ! начали стучать въ банки, вертѣть ихъ,

и открылось, что у каждой банки двойныя стѣнки и донушки, а между ими вмазана лучшая Французская помада.

Наконецъ везутъ однажды вино въ бутылкахъ, у которыхъ дно было двойное и замазано сѣрою. И это милое донушко отлетѣло, а оттуда высыпались — галантерейныя вещицы!

Скажу тебѣ, наконецъ, нѣсколько рѣшительно мастерскихъ средствъ.

Наняли мы нѣсколько лысыхъ людей, сбрили имъ остальные клочки волосовъ, сдѣлали парики, курчавые и большіе, подъ париками подкладку, а между париками и подкладкою — мѣстечки для разныхъ вещицъ. Что-же? Плѣшивые наши возвратились къ намъ въ цѣлости, съ плѣшивыми своими головами, а драгоцѣнные парики ихъ остались въ таможнѣ....

Еще лучше того было придумано. Цѣлое стадо овецъ рѣшились мы гнать изъ за границы. Таможня остановила насъ. Стали щупать овечекъ, подозрѣвать, и рѣшились — содрать съ нихъ кожу! Мы клялись, что можно стричь овецъ, а кожи драть съ нихъ нельзя, что это без-

человѣчно, и что можно драть кожу только съ должника. Насъ не послушали, кожу съ овецъ содрали, и подъ нею нашли кружева и блонды. Дивишься? Вотъ въ чемъ заключалась шпука, что мы выстригли и выбрили овецъ, обверньли ихъ блондами и кружевами, и надѣли на нихъ просто овечьи шубы, искусно зашивъ ихъ нитками.

Наконецъ вздумали было, по нашей просьбѣ, заграничные Христіане хоронить мертвецовъ своихъ въ предѣлахъ Россіи, въ извѣстныхъ мѣстахъ. И мертвымъ таможня не дала покоя: отколотили двойныя дны и бока гробовъ, мертвеца съ честію отпустили, а лишнее отберутъ.

Повадился было еще ходить черезъ границу Еврей, горбунъ: уродъ совершенный — горбы сзади и спереди! Разъ пять, шесть пропустили этого урода, а потомъ и до его горбовъ добралась таможенная стража. Лучше всякаго операторa срѣзали у него горбы, и вытаскали изъ нихъ всякую всячину.

Послѣ всѣхъ такихъ примѣровъ, надѣюсь, любезный братъ Іосифъ, не скажетъ тебѣ наша заграничная братія, чтобы

мы не ухищряли Еврейскаго нашего ума, и не старались доказать, что и мы въ просвѣщеніи отъ другихъ не отстаемъ; но, повторяю тебѣ — теперь все это извѣстно, вѣдомо, и никуда не годится!

Надобно тебѣ знать, что нѣкоторые изъ братіи нашей думали было пуститься на предпріятія обширныя, и чрезвычайно важныя. Одинъ полагалъ такъ, что можно прокопать подземельный ходъ, по тому подобію, какъ хитрецы Англичане прокопали подъ своею большою рѣкою, которая течетъ въ ихъ главномъ городѣ. Оно-бы и ладно. Но нѣтъ тайны, иже не откроется! Если уже горбы срѣзываютъ, и шкуры сдираютъ, то входы въ подземелье, пожалуй, заткнутъ съ обѣихъ сторонъ Евреями.

Другой предлагалъ открытою силою, съ оружіемъ въ рукѣ, пролагать дорогу контрабандѣ. Но нашимъ-ли Еврейскимъ сердцамъ вытерпѣть сердитый взоръ усатаго Русака? Нѣтъ, нѣтъ! это не годилось,

И третья выдумка также не была нами одобрена: предлагали возить контрабанду на воздушныхъ шарахъ. Оно-бы и

хорошо; да вѣдь съ вѣтромъ-то спорить не станешь.—Ну, если вѣтеръ понесетъ тебя прямо на таможню, и тамъ увидятъ, что въ воздухѣ плаваетъ честный Еврей? Тотчасъ, такъ тебя встрѣтятъ, что и тесниковъ не унесешь!

Говорить тебѣ, какъ мы проваживали товаръ въ товарѣ — кружева въ сукнѣ, напримѣръ — было-бы вовсе излишне, послѣ описаннаго мною. Остается у насъ теперь едва-ли не одно средство, но средство бѣдное и жалкое! Мы прибѣгаемъ къ добрымъ путешественникамъ. *Деньги и калачи долбитъ* — говорятъ Русскіе, а по сей неоспоримой пословицѣ, какой путешественникъ не согласится навертѣть на себя куска два матеріи, запеленаться во всякую всячину, и все это прикрыть дорожнымъ платьемъ? И самое платье тьемъ мы для перехода черезъ таможню особеннымъ образомъ. У иного фракъ, сюртукъ, панталоны, бываютъ такъ широки, что годились-бы покойному Голіаѳу въ водяной болѣзни. Послѣ перехода черезъ таможню, изъ одного сюртука выходитъ три. Часто путешественникъ

едва можетъ пошевелиться отъ толщины, вступая въ таможню, а перешедши ее, дѣлается легокъ, какъ Еврейская совѣсть при разсчетѣ съ Христіаниномъ. Если сказать тебѣ, любезный братъ, откровенно, то въ семъ случаѣ, кто побогаче, да познатнѣе, тотъ всего легче соглашается сдѣлаться на время складкою контрабанды. Причина понятна: на богатаго, да на знатнаго падаетъ менѣе подозрѣнія. А люди, вѣдь главное, боятся не порока, но позора, не шалостей, но бѣды, которая за шалостью слѣдуетъ. Палка для многихъ лучше совѣсти, и, право, рѣдкій отдастъ барыши за чистоту душевную. Деньги потомъ обмѣняетъ всякій, на что угодно, а чистоту души, да совѣсть — я, право, не знаю — полно мѣняютъ-ли гдѣ либо? Развѣ въ Японіи, да.... туда ѣхать далеко. Но и послѣднее наше средство почти ускользаетъ изъ рукъ нашихъ. Не то, чтобы люди стали совѣстнѣе и стыдливѣе, но таможенные приставы стали безсовѣстнѣе и безстыднѣе. »Кто исполняетъ свою должность, для того чины и знатность не

существуютъ,« говорятъ они, и нагло обыскиваютъ барынь и барышень, барчуковъ князиковъ и чиновниковъ, если замѣчаютъ въ нихъ лишнюю толщину, а въ экипажахъ ихъ особенную тяжесть. Вообрази: и къ знатности, и къ богатству уваженіе потеряно! До чего это доведетъ? Да, вѣдь это пахнетъ жупеломъ и сѣрою преступленія свѣта! Я готовъ писать книгу, и доказывать, что таможни причиною всѣхъ золъ въ здѣшнемъ мірѣ.

Разумѣется, что если, не смотря на всѣ гоненія таможенныя, горьчайшія для насъ Египетскаго рабства, и удастся намъ провезти кое-что, то — смотря на бѣдность пріобрѣтеннаго, право, слезы проливаешь, а не радуешься. Конечно, не всегда раздѣнутъ толстаго путешественника, не всякій сыръ стянутъ рѣзать, не всякій горбъ ощупаютъ, не всегда и отъ совѣсти таможеннаго смотрителя червонцы отскакивали. Изъ долговременныхъ наблюденій особенно замѣчено нами, что— повторяю, все это въ старину бывало— чиновники, и судьи вообще всего несговорчивѣе (бывали) въ срединѣ своего пот-

рица. Когда сначала приставали они къ дѣлу, то почти всегда являлись тощіе, худые, и, чтобы сколько нибудь сдѣлаться поплотнѣе, принимались, словно голодныя піявки, за доходы посторонніе. Потомъ, когда они немножко попасасывались, съ ними никакого дѣла имѣть было невозможно. Тутъ начинали они толковать о всякихъ пустякахъ, какъ-то: о совѣсти, о чести, о правдѣ, будто въ грѣшномъ мірѣ этомъ можно думать о подобныхъ, неслыханныхъ диковинкахъ! Пока все это они говорили, надобно было оставлять ихъ въ покоѣ. Оканчивалось тѣмъ, что они бывало перебѣсятся послѣ того, и настаетъ опять такое время, что не смотря на свои разговоры все таки, по немногу потаберутся, или выйдутъ изъ терпѣнія, убѣдясь, что *соловья баснями не кормятъ*, и отпускаютъ чрезвычайно. Въ томъ и другомъ случаѣ являлось у нихъ естественное человѣку желаніе мира, тишины и спокойствія, то есть, говоря просто— хотѣлось имъ, какъ медвѣдю на зиму, гдѣ нибудь залечь въ сторонкѣ и сосать лапу.

Но для этого надобны средства. И въ шутъ дѣло дѣлать съ ними весьма бывало легко, только надобно было уже дѣлать что нибудь порядочное — дать имъ средство хватить, такъ, чтобы послѣ того можно было имъ не забониться, пусть что хотятъ себѣ, то и говорятъ объ нихъ люди. Такихъ случаевъ мы ждемъ (бывало) нетерпѣливо, и иногда ловимъ ихъ удачно. Видишь-ли, мой любезный Іосифъ, что мы не только хиросиію, но и философіею работаемъ, ибо подобныя наблюденія надъ душею человѣческою стоятъ изслѣдованій о ребрѣ Адамовомъ, написанныхъ премудрымъ Раввиномъ іегудіею. *Все суета суетствій, всяческая суета* — повторю однакожъ тебѣ, ибо всѣ заботы, хлопоты, и мысли, кончатся нынѣ пустяками. Истинно, не стоило-бы и труда хлопотать, если-бы, къ счастію нашему, Русскій народъ не былъ помѣшанъ на иностранномъ.

Да, это важное обстоятельство, и Евреямъ надобно-бы установить особыя моленія, чтобы это помѣшательство Русскаго народа продлилось, сколько воз-

можно долѣе. Страсть Рускихъ къ иностранному заставляетъ насъ иногда хохотать по неволѣ. Надобно тебѣ знать тѣ ужасныя препятствія и затрудненія, какія испытываемъ мы, послѣ того, когда провеземъ уже контрабанду черезъ таможню. Пока доѣдешь до Москвы, пока сбудешь съ рукъ товаръ, и пока получишь за него деньги — о Богъ отцевъ нашихъ! чего не испытаешь, чего не настрадишься, чего не натерпишься! Съ тебя рвутъ — и казакъ на заставѣ, и маклеръ на биржѣ, и купецъ при разсчетѣ. Въ красномъ, веселомъ лицѣ полицейскаго чиновника мечтаешь видѣть лицо грознаго мстителя; въ услужливости покупателя подозрѣваешь коварство сыщика! Но все это награждаетъ страсть Русская къ чужему. Давай Рускому дрянь, проси только дороже — растаетъ Русское сердце, если увидятъ глаза что нибудь не своего произведенія! Теперь въ Москвѣ дѣлаютъ множество вещей превосходныхъ — сукна, парчи, бархаты, ленты — хоть-бы и нашимъ Еврейкамъ носить, не только Христіанкамъ. Повѣришь-ли ты однакожъ

что на половину не сбудешъ Русскій производитель, если будешъ все выдавать за свое издѣліе? Но неволѣ принуждены они отдавать въ такія мѣста, гдѣ *Русское* выдаютъ покупателю за *иностранное*. Всѣ знаютъ, что въ этихъ мѣстахъ иностранныхъ только закрашиваютъ, а основаніе всему составляетъ то, что производится Русскимъ народомъ. Но, не смотря на это, всякій идетъ въ мѣсто, гдѣ производится продажа мнимо-иностранныхъ вещей, и платитъ тамъ въ пятеро дороже, прозивъ того, что вещь въ самомъ дѣлѣ стоитъ, и за что можно купить ее у Русскаго купца. Я полагаю, что Провидѣніе удерживаетъ сіе ослѣпленіе душевное на Русскомъ народѣ для того, чтобы нашъ Еврейскій родъ не умеръ съ голода.

Сія увѣренность въ благость, милосердіе и покровительство Бога отцевъ нашихъ, заставляетъ меня думать, что и намѣреніе твое ѣхать въ чужія страны, и тамъ узнать новыя средства провоза контрабанды, внушено тебѣ Его волею. Поѣзжай, любезный Іосифъ, да сопутствую-

ешъ тебѣ наше благословеніе, да будетъ пріѣздъ твой гибеленъ таможнямъ, и да пожжетъ онъ ихъ, какъ огненный дождь, ниспадшій на беззаконные грады Содомъ и Гоморръ! Лобызаю тебя братскимъ лобзаніемъ, и вѣчно буду твой другъ и братъ,

Моисей Хапуневичъ.

СРАВНЕНІЯ,

ЗАМѢЧАНІЯ И МЕЧТАНІЯ

ПО

МОСКОВСКИМЪ УЛИЦАМЪ.

Cependant j'ai la modestie d'avouer qu'il se trouve dans mon livre quelques passages interessar .... Quelquefois, il est vrai, je cours les champs et les grands chemins sans d'autres projets, que celui de jouir des bienfaits de l'air et de la liberté; mais.... *Sterne.*

У меня достанетъ однакожъ скромности сказать, что въ моей книгѣ есть кое-что занимательное.... Правда, иногда, я бѣгаю по полямъ и большимъ дорогамъ только для того, чтобы насладиться благодѣяніями воздуха и свободою; но.... *Стернъ.*

СРАВНЕНІЯ

ЗАМѢЧАНІЯ И МЕЧТАНІЯ

НА

МОСКОВСКИХЪ УЛИЦАХЪ.

Весьма часто, дочитывая многотомное путешествіе, Богъ знаетъ какъ далеко ѣздившаго человѣка, я думаю: »*Что* ты прибавилъ къ тому, что я уже зналъ и безъ тебя?« Въ самомъ дѣлѣ: стоило-ли труда ѣздить, мыкаться по землѣ и по морю, написать три, четыре толстыя книжищи, уморить со скуки читателей, и кончить выписками изъ Кука, Лаперуза, Ванкувера, къ которымъ новый мореплаватель прибавляетъ онъ себя только: »Вѣтеръ ZW перешелъ къ NO; мѣлкій дождь; видѣли пингвиновъ?« — Но подобный упрекъ, весьма часто и смѣло, можетъ повторять и нашимъ философамъ, нашимъ моралистамъ, нашимъ.... у которыхъ бываетъ много шуму изъ пустяковъ!...

Можетъ быть, подобныя размышленія заставили меня принять противоположный образъ дѣйствій. Мнѣ вздумалось: изъ самыхъ маленькихъ вещей извлекать великіе, по крайней мѣрѣ, огромные выводы. Рекомендую мою методу, милостивые государи! Вы не повѣрите, какъ она полезна для людей — по крайней мѣрѣ, въ обыкновенной, практической жизни. Если-бы мы поменѣе задирали головы къ верху, а болѣе смотрѣли себѣ подъ ноги, да вокругъ себя, то, повѣрьте: дѣло шло-бы для каждаго изъ насъ, и для всѣхъ вообще, лучше. Много разъ случалось мнѣ слыхать, какъ съ утонченными логическими доказательствами, съ премудреными тонкостями, доказываютъ людямъ что нибудь, а тѣ, разинувъ рты, выпучивъ глаза, ничего не понимаютъ! Стоило-бы только поглядѣть вокругъ себя: доказательства передъ глазами, ларчикъ просто открывается, у того и замочка нѣтъ.... Колумбъ, Колумбъ! По мнѣ ты умный человѣкъ, сколько потому, что понялъ существованіе Америки, столько и потому, что поставилъ яйцо на та-

релкѣ! Какъ хотѣлось-бы мнѣ сдѣлать тоже со многими изъ моихъ любезныхъ соотечественниковъ, и поставить имъ яичко здравыхъ понятій на тарелочкѣ опыта! Я увѣренъ, что это было-бы полезнѣе многихъ толстыхъ книгъ, которыхъ они не понимаютъ, и понимать не учились (Х. В. *понимать* надобно учиться).

Одно изъ важнѣйшихъ приложеній моей системы философствованія есть мои *сравненія, замѣчанія и мечтанія по Московскимъ улицамъ.* Я заговорилъ сначала о безполезности многихъ длинныхъ путешествій, по морямъ и по сушѣ, для того, чтобы свести читателей на полезность моихъ небольшихъ прогулокъ по Московскимъ улицамъ. Надобно-ли говорить объ удобствѣ такого путешествованія? Надѣньте только сюртукъ, или плащъ; палка въ рукахъ — руль; табакерка съ табакомъ — дорожный запасъ; калоши — корабль, въ которомъ безопасно ѣдете вы по волнамъ грязи Московской; утесы мостовыхъ неопасны, хотя и безпокойны. Польза физическая... извольте спросить у вашего Доктора, или Ле-

каря. По крайней мѣрѣ, тысячь пять лѣтъ прошло, какъ въ этомъ дѣлѣ всѣ Докторы согласились. Кажется, они забыли и системы, и карманы свои, чтобы единогласно провозглашать: »Прогулка полезна, преполезна, лучшее лекарство!« Теперь — польза реальная, психическая, философическая, если угодно — моральная.... Боже мой! она неизмѣрима!

Прогулка по Московскимъ улицамъ — говорю опредѣленно и ясно—есть источникъ наблюденій, сравненій, замѣчаній, опытовъ, мечтаній, для души, сердца, ума, разума, и разсудка. Надобны-ли вамъ доказательства? Коцебу описалъ уже, какъ одинъ пустынникъ, не выходя изъ своей комнаты, живя только съ кошкою и собакою, извлекъ изъ жизни своей съ ними цѣлый курсъ Нравственной Философіи. Лафонтенъ нашелъ цѣлый міръ премудрости въ бесѣдѣ съ кошкою и пѣтухомъ. Я предлагаю вамъ—*Московскія улицы*, которыхъ еще въ 1784 году считалось *сто тридцать одна*, да переулковъ 471. Какой обширный міръ! Иное Нѣмецкое Княжество уляжется въ него прия-

ды. И въ этомъ мірѣ однѣхъ-ли собакъ и кошекъ встрѣтите вы? Нѣтъ! Тутъ всѣ страсти, все доброе, все худое, и все что ни добро ни худо, а такъ, середка на половинѣ, что-то такое, на что многое въ мірѣ похоже. Все это передъ вами, открыто, живо, шевелится, движется, разыгрываетъ безконечную комедію, и не думаетъ ничего просить за входъ въ Театръ, не заставляетъ васъ нѣсколько часовъ сидѣть въ запертой залѣ, гдѣ тысяча, тысячи двѣ человѣкъ собрались портить воздухъ. И какіе актеры, какой Тальма, Иффландъ, Дмитревскій, съ ними сравнятся? Какой Гонзаго расстелетъ вамъ такъ хорошо декораціи? Согласны-ли вы во всемъ этомъ, хотя въ части этого? По рукамъ, bon voyage! Гдѣ ваша шляпа, палка, калоши? Теперь у насъ грязно немного....

Мы на улицѣ. Смиренные пѣшеходы, прітснимся на тротуаръ, дадимъ дорогу этимъ великолѣпнымъ экипажамъ. Пусть мчатся они, стучатъ о каменья, сыплютъ искры копытами коней. Искръ не видно: теперь день! Хорошо блестѣть,

когда все вокругъ немно; но всѣ въ мірѣ искорки никуда не годятся при сіяніи солнца. Не завидуйте этимъ экипажамъ: они летятъ быстро и гордо; но за то ихъ *везутъ*, и везутъ *лошади*, а мы *идемъ*, идемъ сами; за то они купаются въ грязи, и въ проходящихъ кидаютъ грязь мимоѣздомъ. Смотрите: у сѣдока въ этой богатой коляскѣ пятно на лбу.... Ничего: это кусокъ грязи прилетѣлъ ему въ лобъ изъ подъ колеса. И чему-же вы шутъ дивитесь? Не уже-ли на лицахъ людей, ѣздящихъ въ экипажахъ, вамъ въ первый разъ видѣть пятна?...

Размышленія наши прерваны неудобствами тротуаровъ Московскихъ. Что за неровность, что за ухабы, что за выбоины—точно, какъ на большой столбовой дорогѣ! А что-жь дѣлать, Мм. Гг?— Вѣдь тротуары дѣлаютъ, и по тротуарамъ ходятъ люди. Люди-же, чтобы они ни дѣлали, и по чему-бы они ни ходили, вездѣ надѣлаютъ выбоинъ, ухабовъ, овраговъ, извилинъ. Помните-ли вы глубокомысленное разсужденіе о томъ: *отъ чего дороги кривы?* Отъ того, что люди

криво ходятъ — отвѣчали на этотъ вопросъ. Отъ чего-же они криво ходятъ?— Отъ чего, отъ чего! Что за странные вопросы! Не угодно-ли вамъ *прямо* пройдти? Попробуйте! Говорятъ, что прямая линія не есть линія красоты, и такъ, какъ люди любятъ, и это очень естественно, красоту болѣе всего другаго (здѣсь читатель можетъ сдѣлать вѣжливое наклоненіе головы своей красивой сосѣдкѣ), то и выходитъ, что красота, изящность, красивость, заключаясь въ кривизнѣ, заставляютъ многихъ кривить— и дорогу, и умъ, и вѣсы правосудія, и душу.

Какое важное открытіе, и какъ нечаянно сдѣлали мы его! Замѣчаете-ли вы, что послѣ этого чувствуешь себя выше на вершокъ, какъ будто прочитавъ стихъ Омира, послѣ коего, по словамъ Грековъ, человѣкъ чувствовалъ себя выше самаго себя. О умъ человѣческій! какъ возвышаешь ты человѣка, какъ возвышаешь ты меня, пѣшехода по кирпичному тротуару Московскому, противъ, противъ.... Вотъ, кстати, ѣдетъ на встрѣчу — противъ этого пустоголоваго барина, кото-

рый катится на прекрасной четверкѣ гнѣдыхъ лошадокъ! Видно, лошадки везутъ его не отъ ума, и не къ уму. Посмотрите: какая полнота лица, возвѣщающая вамъ внутреннюю худощавость черепа! Отъ этого процессъ мыслей долженъ быть въ ней особливый: мысли входятъ тутъ не въ голову, но вползаютъ въ одутловатыя щеки, и отъ того скулы и зубы должны быть дѣятельности необыкновенной, и отъ частаго движенія крѣпки и ловки необыкновенно. Этотъ пустоголовый не кусаетъ, а только жуетъ, и изжевалъ, кажется, уже всю свою умственную дѣятельность....

»Тьфу! какая невѣжливость!« Вотъ восклицаніе, которое вырвалось нечаянно отъ сильнаго толчка въ бокъ. Что за толчокъ? Отъ чего толчокъ? И не уже-ли такъ людямъ суждено, что если они сами не толкаютъ, то ихъ толкаютъ? Дѣло предосадное; вся Философія моя разлетѣлась досадою на людей, которые меня, мирнаго философа, толкаютъ на тротуарѣ! Помилуйте: развѣ мало мѣста, развѣ нѣтъ дороги? Тутъ четверо, пятеро

пройдутъ рядомъ, а мы шли двое и столкнулись! Развѣ мы шли другъ противъ друга? Совсѣмъ нѣтъ: меня догналъ кто-то и толкнулъ, точно, такъ какъ при Дворѣ, гдѣ задніе, когда догонятъ переднихъ, всегда толкнутъ, и столкнутъ ихъ, если передніе не успѣютъ оттолкнуть ихъ назадъ, или столкнуть съ тротуара въ грязь, или увернуться, и пустить впередъ, чтобы приготовить имъ порядочный толчокъ сзади. Разсмотримъ мой толчокъ на Московскомъ тротуарѣ — *мой*, потому, что его получили мои бока. Это шелъ человѣкъ, небольшой и нетолстый, но въ рукахъ у него былъ какой-то коробъ, который занялъ весь тротуаръ — и коробъ-то былъ еще пустой! Пусть-бы хоть что нибудь было положено въ него.... То-то и бѣда, что всего чаще люди не хотѣли-бы, и не думали-бы толкать другихъ, не только на тротуарахъ Московскихъ улицъ, но и на всѣхъ возможныхъ тротуарахъ въ свѣтѣ, но эти проклятые коробья, которые люди таскаютъ въ рукахъ, эти картоны, въ которыхъ лежитъ иногда дрянной чеп-

чикъ, заставляютъ ихъ толкаться по неволѣ.... Довольно, пойдемъ далѣе, и спаси насъ, путеводительная звѣзда Кастора и Поллукса! онъ встрѣчи людей, которые таскаютъ съ собою большіе коробья — съ чѣмъ-бы они ни были, эти коробья, пустые, или съ прихотями, съ честолюбіемъ, съ мѣлкими и крупными страстями и страстишками, сплетнями, глупостями, и съ прочимъ, прочимъ, прочимъ, начиная съ пузырей, которыми былъ набитъ *баринъ возъ* Хемницера, до блондовыхъ чепчиковъ и Турецкихъ шалей — этого рая и ада нашихъ дамъ!

Впередъ! Но не задумывайтесь, сдѣлайте милость, не натыкайтесь на этотъ фонарный столбъ, такъ мирно вкопанный посреди тротуара. Онъ ни съ мѣста, добрый просвѣститель уличный, забота будочника, который обязанъ его вычистить и выхолить, для того, что если онъ и не свѣтитъ, такъ, по крайней мѣрѣ, пусть будетъ свѣтелъ и чистъ своимъ фонаремъ и красивъ своею наружностью!... Пріятно смотрѣть на пусъ-

лый свѣтъ фонарей, въ темныя, грязныя ночи осени, когда онъ отражается въ сумракѣ, на жидкой грязи; пріятно и въ свѣтлый день, когда на негорящемъ фонарѣ блестятъ лучи далекаго солнца. Тамъ, высоко и далеко, оно катится по свѣтлому небу, а къ намъ лучи его отражаются въ свѣтлой мѣди фонаря, вычищеннаго грязною тряпицею полицейскаго сторожа. Добрые, чуть не сказалъ— умные столбы! Спасибо вамъ, что вы не бѣгаете по бѣлому свѣту, а стоите смирно, на томъ мѣстѣ, гдѣ васъ поставили, свѣтите, когда вамъ велятъ свѣтить, не свѣтите, когда не велятъ! Я слыхалъ, что есть огоньки, бѣгающіе по простору долинъ и полей; но эти огоньки заводятъ, какъ сказываютъ физики, въ болото, а вы, огоньки фонарныхъ столбовъ, свѣтите, чтобы мы не утонули въ грязи! Хвала вамъ! Стойте, друзья мои, свѣтите или не свѣтите, но не думайте о томъ, что мимо васъ идутъ цѣлыя толпы народа, и обходятъ васъ; не давайте только толкать себя, и горделиво награждайте шишками каждаго, кто объ васъ стукнет-

ся! Придетъ ваше время, вы подгніете, и шопоръ будочника мирно свалитъ васъ на дрова и на гнилье....

Будочникъ! Сколько идей развиваетъ это имя въ умѣ путешественника — мечтателя, замѣчателя, сравнивающаго наблюдателя! Не говорю уже о томъ, что философски разсматривая будочника, видимъ въ немъ доказательство удивительныхъ дѣйствій просвѣщенія и образованности. Цѣлое народонаселеніе будочниковъ осуждено стоять статуйками, подлѣ маленькихъ хижинокъ, на перекресткахъ улицъ, для того, чтобы всѣ остальные жители города спокойно могли ходить и ѣздить. Злые люди, утверждая, что каждый замокъ есть сатира на честность человѣка, конечно, назовутъ будочника *живою сатирою на Человѣчество.* Нѣтъ! заступимся за будочниковъ, и скажемъ, что стратистическо-физическо-моральное разсмотрѣніе будочниковъ покажетъ торжество природы человѣческой. Безсмертная душа человѣческая, не находившая себѣ предѣловъ на землѣ въ тѣлѣ Наполеона, Данте, Гёте, въ тѣлѣ будочника доволь-

ствуется кропечною хижинкою, занимаетъ себя дреманьемъ на аллебардѣ во время дня, и хриповатымъ окликомъ проходящихъ во время ночи. Здѣсь также должно удивляться безконечности малаго въ человѣкѣ, какъ удивляемся мы, разсматривая въ микроскопъ безконечно малые предметы природы. Красное, одутлованое лицо, укромный бытъ, сѣрая шинель будочника также не чужды ощущеній человѣческихъ. И здѣсь, и въ этомъ мірѣ кипятъ страсти. Честь, слава, любовь, дружба волнуютъ человѣка. Посмотрите: какое дружеское участіе видно въ этихъ двухъ лицахъ, которыя чистятъ фонарь и меншутъ площадку будки, и въ этомъ торгашѣ табачной лавочки, который даромъ даетъ будочнику горстевую порцію табаку. Вотъ и любовь, въ образѣ жены будочника, которую съ торжествомъ ведетъ онъ нынѣ часъ въ ближней харчевнѣ!... Все заключено въ различіи именъ. Развѣ купецъ, цѣлый день торчащій подлѣ своей лавочки, не такой-же будочникъ? Развѣ швейцаръ, въ золотомъ своемъ кафтанѣ зѣвающій цѣ-

лья сутки на дежурствѣ, не будочникъ?

Сними съ него кафтанъ—куда-бъ онъ былъ пригоденъ?

Излишество прихотей перемѣшало у людей все, и раздѣлило швейцаровъ отъ будочниковъ. Излишество губитъ и смиренный родъ будочниковъ — да, оно! Не употребляй они съ галликомъ вина, и они слѣдовали-бы за непремѣннымъ закономъ усовершенствованія Человѣчества, вѣрно доказаннаго новыми философами. Мечта прекрасная! Будочники грядущихъ поколѣній стали-бы уже на высшую степень передъ нашими будочниками....

Будетъ, будетъ это время для васъ, *воины въ бронѣ серпяжной!* Природа и Человѣкъ живутъ, идутъ впередъ, не останавливаясь; ждите, дремлите: не для однихъ васъ, но для многихъ не сльтно и незамѣтно, какъ страшно качается маятникъ въ часахъ вселенной, какъ безмѣрная стрѣлка времени переходитъ отъ одного часа къ другому, на циферблатѣ, означенномъ мірами, какъ время становится

пространствомъ и пространство временемъ. И горе тому, кто *услышитъ* стукъ колеса Времени, и не заглушитъ его звуками Поэзіи и голосомъ Любви! Смертные изумляются, какъ иногда, внезапно для нихъ, раздается *часъ судебъ*, въ ударѣ, потрясающемъ основы царствъ, и колеблющемъ поль-міра. Бѣдные! они не чувствуютъ безпрерывнаго біенія пульса вселенной — ни въ червякѣ, подтачивающемъ великолѣпныя ихъ палаты, ни въ каплѣ дождя, медленно проникающей въ каменные своды огромныхъ зданій, и разбирающей, лучше всякаго анатомика, слѣпленные вмѣстѣ кусочки глины, извести, песку, камней, что мы называемъ домами и чертогами! Человѣкъ забываетъ, что на могилахъ построилъ онъ домъ свой, хладнокровно смотритъ на оставливающуюся отъ стѣнъ дома штукатурку, и на вѣтхія кости, вырытыя изъ погреба, при постройкѣ этѣхъ стѣнъ: тамъ *начало*, здѣсь *конецъ* разрушенія.... Что я говорю: *конецъ!*... едва-ли и *начало*....

Не срывайте разцвѣченной маски, ни съ Природы, ни съ Человѣка, или — спраши-

несь испугаться ужасной дѣйствительности, физической и нравственной! Къ счастію, мысль смерти и разрушенія такъ далека отъ жизни и рожденія, что человѣкъ не можетъ даже себѣ представить въ одно время двухъ противоположностей, двухъ крайнихъ полюсовъ своего поприща. *Колыбель* и *гробъ* суть двѣ линіи, пересѣкающія одна другую съ противныхъ сторонъ. Философъ только смотритъ на точкѣ пересѣченія ихъ, и видитъ, какъ матерняя грудь грѣетъ ребенка въ колыбели, какъ лоно матери природы также грѣетъ, усыпленное пѣснью міра, дитя свое, въ нѣдрахъ земли. И то и другое спитъ тихо, до радостнаго *пробужденія*. Что *смерть?* Сонъ безъ сновидѣній. Что *жизнь?* Сновидѣніе безъ сна.

Хорошо. Начнемъ-же наше сновидѣніе, *которое въ то-же время совсѣмъ не сонъ*— прибавимъ мы, по Байроновски. „Да, и кто назначитъ предѣлъ истинной безсонницы отъ сна?

Стукъ каретъ и экипажей, крикъ разноцциковъ, уличныхъ, домовыхъ, наряжен-

ныхъ, шумъ дѣтей, маленькихъ и большихъ, съ побрякушками всякаго рода, въ рукахъ, на рукахъ, на шеѣ, на груди, на головѣ—все это не даетъ намъ средства подслушать, какъ время гложетъ насъ, наши одежды, наши домы, нашу землю. Заставимъ могущимъ голосомъ мечты все это умолкнуть передъ нами, и съ улицы станемъ наблюдать за перемѣною внѣшнихъ декорацій. Вотъ домъ, новый, красивый, великолѣпный; стекла, паркеты, мраморъ, лакъ, блестятъ въ немъ. Богатые экипажи гремятъ въ его ворота. Смотрите неподвижно на него: вотъ въ окна его видны погребальныя свѣчи, стоитъ гробъ, люди плачутъ, изъ воротъ выносятъ хозяина, черный трауръ обвѣсилъ домашнихъ. Вотъ *новый* его хозяинъ — молодой, блестящій — въ домѣ шумъ, сильная музыка—онъ женится. Вотъ опять гробъ—домъ опустѣлъ, ставни его закрыты, ворота заперты, стѣны закоптѣли; дождь, стекая съ крышки, кажется слезами, которыми оплакиваетъ онъ свое запустѣніе. Еще перемѣна—двери, ворота настежь — въ комнатахъ

шумъ, споръ — люди ходятъ съ бумагами въ рукахъ, что-то пишутъ, считаютъ деньги. Новый хозяинъ заботливо велитъ починивать домъ, выбивать изъ него старую пыль. Изъ оконъ глядитъ молоденькое личико, и вокругъ его толпа дѣтей. Ихъ уже нѣтъ, и опять они появляются, уже *постарѣлые*. Еще нѣсколько гробовъ, еще нѣсколько свадебъ! По сторонамъ дома все измѣнилось. Къ дому подходятъ люди, говорятъ, что онъ *ветхъ*. Онъ *опустѣлъ* уже. Опять его починиваютъ, опять женятся, умираютъ, попеременно играютъ и плачутъ въ немъ, пляшутъ и хоронятъ, качаютъ люльки и носятъ гробы. Наконецъ — *нѣтъ жильцовъ!* Домъ покривился, окна вибиты, полы изтерты, крыша сгнила, трубы обвалились, дворъ заросъ полынью! Домъ *ломаютъ*, и строятъ на мѣстѣ его *новый*. Мы неподвижно стояли противъ него, и смотрѣли. Великій Боже! оглядываемся кругомъ — и *ничего узнать не можемъ!* Протекло *девяти* лѣтъ; все измѣнилось; нѣсколько поколѣній пережило передъ нами. Гдѣ была улица, тамъ до-

мы, гдѣ домы, тамъ улица. Колоколъ гремитъ, гдѣ играло веселье свѣтское; люди, какъ муравьи, толпятся тамъ, гдѣ гремѣлъ [illegible] колоколъ, и гдѣ нѣтъ теперь слѣда сборища благочестивыхъ. Тотъ-ли это *городъ*? Взойдемъ выше и далѣе: та ли это *земля*, гдѣ мы, въ одномъ изъ ея городовъ, и въ одной изъ улицъ города, наблюдали *одинъ домъ*? Та, но не узнаваема, послѣ того, какъ въ теченіе двухъ сотъ лѣтъ смерть и жизнь попеременно торжествовали надъ людьми, домами, улицами, городами.... *Дѣйствительность*! что ты, если-бы могли мы взглянуть на тебя свыше земли, свыше лѣтъ, изъ того предѣла, гдѣ жизнь и смерть, время и мѣстность — все слито въ единый клубокъ, съ котораго нить развивается, касается земли нашей, кажется намъ *дѣйствительною жизнью*, свитая изъ жизни и смерти, изъ прошедшаго и будущаго?

Не срывайте разцвѣченной маски, ни съ Природы, ни съ Человѣка, или спрашитесь: каждая капля дождя будетъ капать на васъ мыслью разрушенія, каждый ударъ часовъ послышится вамъ голосомъ

времени, и — горе вамъ! если вы не вѣрите въ неумолкающую пѣснь *безсмертія*, и взоры ваши не могутъ отвлечься отъ *земнаго*!

Ты правъ, Гюго: obscuritate rerum verba saepè obscurantur!

»Друзья! не ройте бездны вашими задумчивыми мечтами, не копывайте подъ стопами вашими живой почвы, и когда передъ вашими взорами сияющій океанъ, плывите только по его поверхности, или играйте только на его берегу! Мысль мрачная бездна! Нечувствительнымъ уклономъ, отъ міра видимаго, вы перейдете къ міру невидимому. *Спираль* мысли глубока, и когда по ней сходишь, безпрестанно продолжаясь, она расширяется, и иногда, коснувшись края роковой загадки, вы пускаетесь въ безконечный путь, и возвращаетесь изъ него блѣдные и трепещущіе!

»Однажды, время было сумрачное, въ перемѣнчивомъ годѣ, и золото-лучистый Май казался подъ маскою Апрѣля, то плачущею, то смѣющеюся. Я поднялъ темную штору моего окна, растворилъ

его, глядѣлъ на дальнія деревья, на ближніе цвѣты, на солнце, игравшее въ водномъ потокѣ, и въ растворенное окно летѣли къ моей веселой мысли клики рѣзвившихся дѣтей, и пѣніе влюбленной птички. Городъ, съ его деревьями, домами, колокольнями, хижинами, плавалъ передъ моими взорами въ богатомъ свѣтѣ Майскаго созвѣздія, которое на каждой былинкѣ зажигаетъ брильянты своими лучами. Три гармоніи — *весна, утро, дѣтство*, соединенныя въ моемъ уединеніи, увлекли меня. Вдали рѣка безпечно катила свои волны между берегами, такъ, какъ безпечно текли мои мысли по своему лону, и, казалось, что солнце также испаряетъ въ туманъ воды ея, какъ улетали мысли мои въ мечтанія....

Тогда, въ мечтѣ моей, увидѣлъ я вокругъ себя друзей, не въ смѣшенной толпѣ, но такими, какъ я вижу ихъ всегда, въ дѣйствительной жизни, когда вечеромъ приходятъ они въ уединенную бесѣду мою, вѣрная, дышущая умомъ и весельемъ дружина моя. Одинъ съ кистью и карандашемъ, другой

съ пламенными стихами, и всѣ мы садимся въ кружокъ, внимающіе, или созерцающіе. Они были всѣ со мною, *всѣ*, даже и тѣ, которые отсутствовали въ далекихъ странствованіяхъ, даже и тѣ, которыхъ — давно уже не было на землѣ, и всѣ являлись, какъ живые, съ яркимъ взоромъ жизни! Но когда нѣсколько времени взиралъ я на нихъ очами мыслей моихъ — я увидѣлъ черты лицъ ихъ дрожащими, постепенно блѣднѣющими, изглаживающимися, и все, какъ ручьи въ отдаленномъ озерѣ — потерялось для меня въ безобразной толпѣ.

Она увеличивалась, эта несмѣтная толпа — безчисленное множество голосовъ, очей, шаговъ, тѣхъ людей, которыхъ мы знали и видѣли, и тѣхъ, кого мы не знали и никогда не видали — всѣ они двигались живые — народонаселеніе, поражавшее слухъ шумомъ своимъ, болѣе нежели лѣсъ Американскій, или ульи пчелъ, караваны, разбившіе шатры на знойныхъ степяхъ Аравіи, мореходцы, разбросанные по Божіему Океану, и,

какъ дерзкій мостъ, пролагающіе по волнамъ, отъ одного міра къ другому, рѣзкіе слѣды кораблей своихъ, какъ паукъ, между двумя огромными дубами, и развѣшиваетъ серебристую, колеблемую вѣтромъ нить свою.

» Оба полюса, цѣлый міръ, море, земля, Альпы, съ снѣжными ихъ главами, Этна, съ горящимъ, почернѣлымъ челомъ своимъ, все вдругъ — осень, лѣто, весна, зима, долины, нисходящія отъ земли въ море и превращенныя въ заливы, моря, обращенныя въ долины, мысы, возвышающіеся цѣпями горъ, и огромные материки, сѣрые, золотые, зеленые, безпрестанно пожираемые волнами морей, все, какъ пестрая смѣсь красокъ, отразилось во мнѣ, съ своими водными чешуями, своими земляными волнами, своими прохожими народами, своими туманами, летающими, какъ пухъ, по воздуху — все, во мракѣ души моей, летѣло, мчалось, жило! Тогда, обхватывая, безпрерывно болѣе внимательными взорами и думами, тысячи перспективъ, которыя порывъ вѣтра, или теченіе временъ, открывали ежеми-

пущно передо мною, въ тысячахъ горизонтовъ, я видѣлъ грады, вдругъ возстававшіе изъ нѣдръ моря, подлѣ существующихъ на землѣ градовъ, Стараго и Новаго свѣта. Эти *другіе города*, страннаго, безвѣстнаго намъ вида, разрушенныя гробницы изчезнувшихъ временъ, полныя зданій, башенъ, пирамидъ, съ водами, омывающими ихъ подножія, съ облаками, увлажающими главы ихъ, появлялись предо мною даже изъ-подъ городовъ, на нихъ воздвигнутыхъ, гдѣ все кипѣло и гремѣло *жизнью настоящаго*. Переходя изъ вѣка въ вѣкъ, я видѣлъ, какъ вышли изъ земли три этажа Рима. И въ то время когда, возвышая смятенные голоса, *живые города* отзывались вдругъ шумомъ народа и топотомъ войскъ — *города прошедшаго*, нѣмые, затворенные, безъ дыма на кровляхъ, безъ голоса на стогнахъ, молчали, и казались безчисленными ульями.

» Я ждалъ. Великій шумъ раздался. Умершія поколѣнія, въ погребальныхъ одеждахъ, отворили врата городовъ своихъ, и я увидѣлъ ихъ, идущихъ наряду съ живыми, и только болѣе пыли и бре-

нія спряхивалось съ одеждъ ихъ. Тогда, среди башенъ, водопроводовъ, пирамидъ и обелисковъ, видѣлъ я древніе Вавилоны, Карѳагены, Тиры, Сидоны, Ниивы, Іерусалимы — многоплодный Востокъ, съ безпрерывно роившимися изъ него поколѣніями!

» Такъ *все* объялъ я: новую землю и древнюю Цибеллу, ликъ прошедшаго и ликъ настоящаго, былое и нынѣшнее, живое и мертвое. Весь человѣческій родъ, какъ въ день раскаянія, говорилъ, и все можно было понять—Пелазга Орфеева и Этруска Эвандрова, руну Ирмензула и Сфинкса Египетскаго, голосъ Новаго Свѣта, столь-же старый, какъ и голосъ Стараго Свѣта.

» И.... Нѣтъ!... не описать мнѣ того, что я видѣлъ: это было безмѣрное зданіе, основанное на вѣкахъ и пространствахъ, въ которомъ не льзя было отыскать ни краевъ, ни срединъ. И на всякой высотѣ его, народы, поколѣнія, тысячи ремесленниковъ человѣческихъ, повсюду на землѣ оставлявшихъ слѣды труда, денной и нощной работы, ходящихъ, стал-

кивающихся, говорящихъ каждый по своему, не понимающихъ другъ друга. И я бродилъ по этому привидѣнію, спускался и подымался по ступенямъ его, ища *человѣка*, который разгадалъ-бы мнѣ загадку этого всемірнаго Вавилона!

» Ночь налегала мракомъ на мое безобразное видѣніе, и толпы увеличивались, и въ этой области, недовѣдомой взору, чѣмъ многочисленнѣе была толпа, тѣмъ гуснѣе тѣнь. Все дѣлалось невѣрнымъ, неопредѣленнымъ. Только духъ бури, пролетая мгновеніями, какъ будто показывая мнѣ глубь этого муравейника, открывалъ въ дали ночи свѣтлыя искры. Такъ вѣтеръ бѣлитъ пѣною края возмущенныхъ волнъ, или роетъ волнами засѣянное хлѣбомъ поле.

» И вскорѣ сгустились тѣни и мраки, потерялся горизонтъ, изчезли образы; я не видалъ ни человѣка, ни предмета, ни бытія, ни духа, и трепетъ проникъ въ грудь мою — я былъ *одинъ*, одинъ — все убѣгало — все облеглось мракомъ!—Только сквозь мракъ, сквозь черныя волны Океана

вѣковъ, блистали предо мною таинственныя числа времени и пространства.

» Да! я хотѣлъ измѣрить мыслью это двойное море времени и пространства, гдѣ безпрерывно рѣетъ корабль бытія человѣческаго; я хотѣлъ достать то, что лежитъ на днѣ его — можетъ быть, богатство безвѣстное — и, погруженный въ безвѣстныя волны его, мой умъ плылъ отъ *неизгладимаго* къ невидимому, и онъ возвратился, всплылъ на поверхность, съ воплемъ безсилія, ослѣпленный, едва дышущій, оглушенный, ужаснувшійся: во глубинѣ онъ нашелъ — *Вѣчность!...*«

И кто-бы могъ подумать, что въ душѣ моей, бѣднаго пѣшехода по Московскимъ улицамъ, съ палкою въ рукѣ, съ ветхою шляпою на головѣ, таились въ эту минуту мысли, которымъ было душно въ видимомъ мірѣ, что прошедшее и настоящее, міръ и вѣчность, жизнь и смерть сжались тогда.

Sous ce crâne, où le monde en silence est couvé?

Что мысли мои летѣли, стремились одна за другою, и что этотъ *человѣкъ*, на котораго, можетъ быть, съ презри-

тельною улыбкою взглядывали изъ огромныхъ палатъ, осторожно переходящій черезъ грязь улицы, могъ сказать въ эту минуту:

Mon pied infatigable est plus fort que l'espace.

Да, да, ММ. ГГ., наружность обманчива! Гдѣ шутка, тамъ жди горя; гдѣ горе, тамъ жди радости. Ничего нѣтъ забавнѣе, какъ наморщенный лобъ Философа, въ его кабинетѣ; ничего нѣтъ поучительнѣе, какъ человѣкъ, во всѣхъ его положеніяхъ и состояніяхъ! И почему вы знаете, что вотъ эти лохмотья на старикѣ не закрываютъ души великой, а эта рука, едва опирающаяся на костыль, не моглабы владѣть мечемъ, и прорѣзать имъ яркую черту на граниѣ вѣковъ?

Но вы, можетъ быть, устали? Не угодно-ли вамъ отдохнуть? Сядемъ на этомъ бульварѣ, на этой лавочкѣ — здѣсь всегдашнее мое отдохновеніе. Спасибо, теперь вездѣ бульвары, вездѣ можете вы присѣсть, успокоить ноги, повеселить взоръ зеленью. Но эту лавочку я люблю особенно. Вѣрно воспоминаніе? Да, что дѣлать! Наступаетъ вечеръ моей жизни, и

шолько *воспоминаніемъ живетъ душа моя!* Но цвѣтъ Памяти, ММ. ГГ., душистѣе цвѣта Надежды, ярче цвѣта Наслажденія, и поэтому....—Позвольте, позвольте! Какъ: ярче цвѣта Наслажденія, душистѣе цвѣта Надежды? Не можетъ быть! — Точно такъ, и я вамъ готовъ доказать. . . . .

. . . . . .

(Продолженія сей статьи въ бумагахъ покойнаго Живописца не отыскано).

ОБЩЕСТВО
БЕЗЗУБЫХЪ
ЛИТТЕРАТОРОВЪ.

Многіе ученые грызутъ шелуху, забывая о зернѣ.

ЭККАРТСГАУЗЕНЪ.

ОБЩЕСТВО

БЕЗЗУБЫХЪ ЛИТТЕРАТОРОВЪ.

Зная, съ какою ревностію, М. Г., занимаетесь вы описаніемъ любопытныхъ и достопримѣчательныхъ событій въ нашей Литтературѣ, я спѣшу препроводить къ вамъ извѣстіе о новомъ, ученомъ и литтературномъ Обществѣ, которое, съ недавняго времени, составилось въ нашемъ уѣздномъ городѣ. Можетъ быть, не скоро дойдетъ до столицъ извѣстіе объ этомъ, по пословицѣ: *добрая слава лежитъ, а худая бѣжитъ.* Это и побуждаетъ меня сказать вамъ, М. Г., о замѣчательномъ для нашего края событіи поскорѣе.

Уже издавна просвѣщеніе распространялось въ нашемъ уѣздѣ, съ быстротою неописанною. Въ крестьянскихъ тяжбахъ съ мѣлкими помѣщиками мы видѣли доказательство, какъ отлично пишутъ наши уѣздные юристы. Извѣстно, что до-

сиошисиво приказной бумаги состоишь въ иномъ, чиобы ее, какъ можно меньше понимали. Многіе здѣшніе юрисиы довели сіе искусиво до иого, чиो ихъ бумагъ вовсе не иоимаюиъ, ни Судьи, ни Секреиари, ни проси ители, ни оиивѣиичики, ни сами писавиіе сіи бумаги, при совершенномъ оисуиисивіи знаковъ преиинанія и кудрявомъ иочеркѣ. Другой признакъ образованиосии — *страсть къ чтенію*, иакже издавна оиличала наиъ уѣздъ. Ревниители просвѣщенія, Суздальскіе хозяевицики, издавна не могли для насъ иапасиись книгъ и эсиамиовъ. Въ рѣдкомъ кресиьяискомъ домѣ не найдеиі вы каринииъ, какъ-иो: иогребеніе коиа, биива Савоськи съ Парамоиикою, иовѣсиь о иосѣ и о сильномъ морозѣ, съ иолиымъ оиисаніемъ, виизу каринины, содержанія оной. Въ дворяискихъ-же домахъ просвѣщеніе возвьшено гораздо далѣе. У многихъ дворяиъ найдеиі библіоиеки, изъ романовъ, ученыхъ и разнаго содержанія книгъ. Новѣйшія иворенія Русскихъ, и иностраиныхъ авторовъ (въ переводахъ) промѣниваюися на масло, сыръ, яица,

муку, крупу, и разливаютъ умственное образованіе между читателями. Многіе изъ помѣщиковъ складываются и выписываютъ *Московскія Вѣдомости*, *Молву*, *Литтературныя Прибавленія къ Инвалиду*. Между Купечествомъ охота къ ученію менѣе, но и тутъ совсѣмъ не диво встрѣтить иногда просвѣщеннаго бородача, который, сидя подлѣ своей лавочки, читаетъ *Исторію Ваньки Каина*, *Похожденіе Совѣстдрала большаго носа*, *Путь ко спасенію*, О. Эмина, или *Сказку о женскихъ уверткахъ и непостоянныхъ документахъ*.

На отчужденіе отъ роднаго намъ жаловаться также не должно. Правда, что у нѣкоторыхъ дворянъ содержатся и здѣсь учители, Французы и Нѣмцы, вообще извѣстные подъ именемъ *мусьёвъ*; но они не имѣютъ никакого вліянія на образованіе тѣхъ, кто ихъ содержитъ. Большею частію, это бѣдняки, жалкіе старичишки, въ родѣ дядекъ, отличные тѣмъ только отъ слугъ и дворецкихъ, что ходятъ въ рыжихъ парикахъ, и сидятъ за господскимъ столомъ, на послѣд-

нихъ однакожъ мѣстахъ. Обязанность ихъ учить дѣтей по Французски и по Нѣмецки. Успѣхи учениковъ бываютъ немалые. Во многихъ домахъ встрѣтишь молодыхъ людей, которые за столомъ спрашиваютъ хлѣба, соли, горчицы по Французски, по утрамъ здороваются съ отцомъ и съ матерью по Французски, и въ дни именинъ и рожденій, когда даются *сюрпризы*, говорятъ стихи Французскіе.

Послѣ всего этого, вы не удивитесь, М. Г., что въ нашемъ городѣ явилась смѣлая мысль: составить литтературно-ученое Общество, и что эта мысль приведена въ исполненіе.

Впрочемъ, хотя способствовали сему добрая воля и желаніе многихъ, или, лучше сказать, вообще всѣхъ, но должно отдать справедливость настоящимъ начинщикамъ, или заводчикамъ нашего Общества. Правда, что если есть уже общая мысль о чемъ нибудь, то смѣлыя головы явятся для исполненія; но вѣдь опять и то правда, что безъ такихъ смѣлыхъ головъ весьма часто самыя луч-

шія предпріятія и мысли остаются неисполненными.

Одинъ изъ зачинщиковъ нашего Общества есть нѣкто *Гуръ Филатовичъ Стиходушинъ*. Онъ былъ нѣкогда Студентомъ Университетскимъ, и, имѣя порядочное состояніе, не рѣшился требовать аттестата о своемъ ученіи, потому, что въ службу вступить онъ не хотѣлъ. А безъ этого, скажите, сдѣлайте милость: на чтобы нуженъ ему былъ студенческій аттестатъ, или даже высшая ученая степень? Что ему въ золотомъ Университетскомъ мундирѣ? Развѣ свою дворню пугать по праздникамъ?

Возвратясь во свояси, Гуръ Филатовичъ привезъ съ собою множество книгъ — томовъ до ста, какъ я слышалъ. Всякій годъ также тратилъ онъ рублей по сотнѣ на книги и Журналы. Но что всего важнѣе, онъ самъ занимался и занимается Литтературою, и особенно Изящною Словесностью, и въ теченіе лѣтъ десятковъ двухъ написалъ онъ весьма много. Большой будучи охотникъ читать свои сочиненія, уже много лѣтъ старал-

ся Гуръ Филапычъ собирать у себя людей, которые могли у него обѣдать, пить чай, завтракать, ужинать, были угощаемы пуншемъ, и даже *ренскимъ* виномъ, а за это должны были слушать стихи угощавшаго ихъ хозяина, а также и прозу его.

Все это не имѣло-бы дальнихъ послѣдствій, хотя у Гура Филапыча было издавна нѣсколько постоянныхъ посѣтителей, какъ-то: бывшій Секретарь Уѣзднаго Суда, Яковъ Петровичъ Пивковскій, Уѣздный Землемѣръ, Сидоръ Пафнутьевичъ Голобрюховъ, купецъ (подвинтесь охотѣ къ просвѣщенію) Филипъ Ареѳьевичъ Потивохинъ, и проч. Но вдругъ поселился у насъ въ городѣ просвѣщенный чиновникъ, Аѳенъ Пасоновичъ Грамоѣдовъ, опредѣленный къ намъ Почтмейстеромъ. Онъ привезъ съ собою разныя ученыя орудія, какъ-то: глобусъ, электрическую машину, магнитъ, микроскопъ, телескопъ, а также и обширную библіотеку. Вскорѣ весь городъ заговорилъ, что Почтмейстеръ человѣкъ весьма ученый, потому, что у него три полки книгъ, и онъ дѣлаетъ такія чуде-

са и шпуки, Химическія и Физическія, что удивляться надобно. Вскорѣ загонялъ онъ всѣхъ нашихъ астрономовъ; учитель Уѣзднаго Училища не смѣлъ уже передъ нимъ рта раскрывать; просто людины начали даже его прибаиваться, почитая колдуномъ.

Какъ у Гура Филатыча, начало и у Афета Насоновича собираться общество, потому, что онъ также поилъ и кормилъ, требуя за то, чтобы гости слушали ученыя его разсужденія, и смотрѣли на его ученые опыты. Многія изъ особъ, посѣщавшихъ Г-на Спиходушина, перешли было уже къ Г-ну Грамоѣдову, потому что, кромѣ ренскаго, онъ подчивалъ Горскимъ, и даже иногда полушампанскимъ.

Можно-бы подумать, что Гуръ Филатычъ оскорбится измѣною своихъ собесѣдниковъ, и будетъ сердиться на Афета Насоновича. Но, М. Г., просвѣщеніе ведетъ къ миру, тишинѣ, и общему благу. Напротивъ, не только не завраждовалъ Гуръ Филатычъ, но постарался сблизиться съ Афетомъ Насоновичемъ; вско-

рѣ они подружились, извлекши взаимную пользу, и наконецъ это произвело славу, пользу и удовольствіе цѣлаго города. Удовольствіе уже мы вкушаемъ; о пользѣ и спорить нѣчего, ибо просвѣщеніе польется теперь волнами океана по нашему городу и уѣзду. А слава, М. Г., слава несомнительна.... Надобно сперва думать о пользѣ — слава гонится за тѣми, кто онъ ея убѣгаетъ, а бѣжитъ онъ тѣхъ, кто за нею гонится.

Вскорѣ послѣ начала знакомства двухъ ученыхъ мецадоровъ и Меценатовъ просвѣщенія нашего города, послѣдовало соединеніе гостей Гура Филатыча съ гостями Афона Насоновича. Всѣ стали собираться вкупѣ. Чтеніе и ученыя разсужденія смѣшивались; время проводилось въ бесѣдахъ непримѣтно. И не правду-ли говорятъ, что въ природѣ у насъ, Русскихъ людей, есть вообще свойство барановъ? Извѣстно-ли вамъ это свойство, М. Г., или нѣтъ? Спрашиваю потому, что вы человѣкъ, какъ полагаю, *ученый*, ведущій жизнь *кабинетную*, а ученые, при такой жизни, часто знаютъ, что въ небѣ дѣ-

лается, а не знаютъ, какъ хлѣбы пекутъ въ ихъ кухнѣ. Вотъ, извольте видѣть: если гонятъ стадо барановъ, то всегда надобно пастухамъ имѣть барана передоваго, и гнать его — всѣ остальные сами идутъ за нимъ. Не пойдетъ этотъ баранъ — и ни одинъ изъ слѣдующихъ не подвинется съ мѣста; пойдетъ онъ, и всѣ пойдутъ, въ огонь и въ воду. Да, М. Г., и въ воду: когда надобно переправлять стадо черезъ рѣку, то стоитъ только за рога вытащить въ рѣку передоваго барана, и палкою гнать его черезъ воду — за нимъ поплывутъ всѣ другіе, хоть тысяча ихъ будетъ. Такъ и у насъ — по крайней мѣрѣ, въ нашемъ городѣ. Къ собранію двухъ Меценатовъ — откуда взялись — начали безпрерывно приставать новые члены и гости. Правда, что Меценаты и не жалѣли всякихъ средствъ, чтобы обольстить и привлечь согражданъ къ просвѣщенію. Такъ однихъ увлекало угощеніе, другихъ интересъ, третьихъ польза, четвертыхъ удовольствіе. Напримѣръ, о пользахъ: Афетъ Пасоновичъ добродушно открывалъ желающимъ

тайны наукъ — училъ дѣлать разные фокусы картами, показывалъ секреты симпатическихъ чернилъ, давалъ рецепты для настоекъ, позволялъ дѣлать всякія штучки съ электрическою машиною, заставляя плясать куколокъ, звенѣть колокольчики, производя удары банкою; также каждому давалъ читать книги, хотя самъ признавался, что читатели ужасно истрепываютъ книги, рвутъ картинки, маракютъ листочки, пишутъ на переплетахъ: »читалъ сію книгу *такой-то*,« и—даже, просто, теряютъ книги (такъ у него пропали: 3-й томъ *Матильды*, соч. Г-жи Коттенъ, одна изъ частей *Открытыхъ тайнъ древнихъ магиковъ и чародѣевъ*, и два тома *Всеобщей Исторіи*, Кайданова). Въ примѣръ интереса скажу, что между прочимъ посѣтителямъ своимъ давалъ онъ почтовыхъ лошадей безъ подорожныхъ, позволялъ безъ платы очищать на огороды почтовой дворъ, училъ умножать число яицъ у куръ, и открылъ даже секретъ изобрѣтенныхъ имъ мышеловокъ, и особаго рода хлопушекъ для мухъ, и проч. и проч., а все для того только, чтобы при-

ходили къ нему, учились, слушали и просвѣщались.

Словомъ: такъ и сякъ, трудами, стараніями, ловкостью, искусствомъ, собраніе любителей просвѣщенія умножалось. Явились наконецъ и безкорыстные любители и охотники, появились геніи, таланты, многіе стали изъ деревень съѣзжаться. Самый городъ нашъ отъ этого оживился. Стали вездѣ читать, писать, учиться. Появились и партіи литтературныя, и споры ученые. Идеи Европейскія, извлекаемыя изъ старыхъ Журналовъ, которые скупали въ разницу ѣздившіе изъ нашего города въ Москву, находя ихъ подлѣ Ильинскихъ воротъ, въ книжныхъ лавочкахъ на Толкучемъ рынкѣ, загремѣли и запумѣли повсюду. *Классицизмъ*, *Романтизмъ*, *Идентитетъ*, *Тождество*, *Торговый балансъ*, *Оріентализмъ*, и проч. и проч., сдѣлались словами весьма знакомыми.

Всего болѣе начала дѣлать успѣхи, по всѣмъ наукамъ, знаніямъ, а особенно въ литтературѣ, наша молодежь, головы смѣлыя, пламенныя, жадныя къ нововведеніямъ и ученію. Дошло до того, что

въ одномъ изъ своихъ ученыхъ собраній насчитали Гуръ Филатычъ и Афонъ Насоновичъ, бывшихъ на лицѣ — 14 поэтовъ (9 романтиковъ и 5 классиковъ,) 6 прозаиковъ (въ томъ числѣ 4 романтика,) 7 математиковъ, 2 физиковъ, и проч. — Шумъ и споры дошли до того, тѣснота въ комнатѣ была такая, что это породило мысль — составить учено-литературное Общество, во 1-хъ, потому, что въ другихъ городахъ *есть* такія общества, *слѣдовательно*, и нашему городу *надобно имѣть ихъ*; во 2-хъ, потому, чтобы Гуръ Филатычъ могъ свободно читать стихи свои, а Афонъ Насоновичъ свои ученыя разсужденія; въ 3-хъ, потому, что Обществу можно нанять помѣщеніе просторное; въ 4-хъ, потому, что при умноженіи числа собесѣдниковъ утощеніе ихъ становилось уже и въ немалую тягость. Ученый народъ и стихотворцы ѣдятъ ужасно, пьютъ также довольно. Въ Обществѣ все это должно дѣлаться изъ складочныхъ суммъ. Думали было наши Меценаты распредѣлить дни у разныхъ особъ; но всѣ имъ отвѣчали:

»Нѣтъ, Афенъ Насоновичъ и Гуръ Филатычъ! *Къ вамъ* ѣздить мы рады, а *у себя* заводить ученость, да угощать вашу ученую брань — извините, не можемъ!« — Наконецъ, 5-я, и — главная причина учрежденія Общества была та, что супруга Городничаго, свѣтская дама, воспитанная въ Москвѣ, въ Пансіонѣ, пожелала видѣть ученыхъ. Cela doit être très-intéressant — сказала она. Къ ея голосу присвала супруга Исправника, двѣ дочери помѣщика Вислоухова, которыя сами артистки: одна играетъ на фортепіано, другая рисуетъ, и особливо Мароа Пименовна Картотелина, которая пишетъ стихи, и прекрасные.

Слыша общій голосъ, желаніе дамъ, одобрительное мнѣніе самого Г-на Городничаго, Гуръ Филатычъ и Афенъ Насоновичъ засѣли дома недѣли на двѣ, думали, писали, написали планъ и проэктъ Общества, и сочинили Уставъ. Онъ былъ сообщенъ Г-ну Городничему и другимъ любителямъ. Нашли домъ, сложились, составили сумму для расходовъ Общества, и пять дней по-

му, какъ торжественно было открыто наше Общество литературно-ученое.

Описаніе сего великаго и замѣчательнаго событія, я сообщу вамъ, М. Г., во всей подробности. Но прежде позвольте мнѣ изложить сущность дѣла, и нѣсколько отрывковъ изъ Устава.

Общество составляется изъ неопредѣленнаго числа *Дѣйствительныхъ Членовъ*. Въ избѣжаніе того, чтобы молодежь не вздумала кутить и мутить, Дѣйствительный Членъ долженъ быть такихъ лѣтъ, чтобы отъ старости вывалился у него хотя одинъ зубъ. Отъ сего происходитъ названіе Общества *беззубыхъ* литераторовъ. Члены садятся въ собраніяхъ по старшинству лѣтъ, наблюдая однакожъ ариѳметическаго чиновъ, такъ, что старшій по чину, напримѣръ, Титулярный Совѣтникъ, долженъ сидѣть выше Коллежскаго Секретаря, хотя-бы и былъ его моложе, и не досчитывался только трехъ зубовъ, когда у Коллежскаго Секретаря нѣтъ уже пяти. — Зубатые литераторы принимаются только въ *Сотрудники*, и поступаютъ въ Члены только съ потерею зубовъ.—Обще-

сиво имѣетъ *Почетныхъ Членовъ*, принимая въ число ихъ такихъ людей, которые достойны его уваженія, хотя-бы они ни читать, ни писать не умѣли, и не знали различія между азомъ и ижицею, а ученые термины считали за шарабарскую грамоту. — Люди, жертвующіе деньгами, или вещами, для содержанія и поддержанія Общества, именуются *Благотворителями*, и наравнѣ съ Членами и Сотрудниками допускаются въ засѣданія. Изъ Членовъ избираются: *Президентъ*, *Вице-Президентъ*, *Директоръ*, *Вице-Директоръ*, *Секретарь*, *Экономъ*, *Библіотекарь*, *Вице-Библіотекарь*, *Субъ-библіотекарь*, *Цензоръ*, *Вице-Цензоръ*, *Казначей*, *Архиваріусъ*, *Экзекуторъ*, *Смотритель Музея*, и его *Помощникъ*.

Общество собирается еженедѣльно, садится по порядку и распредѣленію за столъ, покрытый сукномъ, на которомъ стоятъ шесть чернилицъ, съ потребнымъ количествомъ перьевъ и бумаги. — Послѣ сего начинается угощеніе чаемъ, кофе, шоколатомъ, оршадомъ, лимонадомъ, пуншемъ, мороженымъ, апельсинами, яблоками, вареньемъ, конфектами. Должны

бынь подаваемы, ad libitum, орѣхи, пряники пуншъ, кислыя щи и вино.—Травнику и кусокъ хлѣба позволяется попросить только по окончаніи засѣданія.

Собранія бываютъ по вечерамъ, и потому подаются восковыя свѣчи, въ большихъ подсвѣчникахъ.

Общество основывается съ цѣлью — распространять своими трудами просвѣщеніе и образованность, и умножать любовь къ тому и другому своимъ примѣромъ.

Для сего должно оно постараться собрать *Библіотеку*, *Музей*, и *Кабинетъ рѣдкостей*, что прежде называлось *Куншъ-камерою*. Все это должно быть хранимо подъ замкомъ и печатью, и никто туда не допускается, кромѣ опредѣленныхъ къ смотрѣнію чиновниковъ, выбранныхъ изъ Членовъ Общества.

Въ засѣданія Общества допускаются посторонніе посѣтители. Но ихъ ни чѣмъ не угощаютъ. Изъ сего исключаются торжественныя собранія, бывающія одинъ разъ въ годъ. Тогда всѣхъ кормятъ и поятъ, наравнѣ съ Членами Общества.

Общество не исключаетъ изъ предметовъ своего вниманія никакой Науки, никакого Знанія, хотя преимущественно занимается Словесностью, то есть: Члены его пишутъ прозу и стихи, и читаютъ ихъ въ своихъ собраніяхъ, вслухъ. Изъ сего составляется потомъ собраніе сианій, и печатается, если денегъ на это достанетъ.

Изъ сихъ краткихъ выписокъ, можете вы составить себѣ, М. Г., идею, о томъ, съ какою ясностію и подробностію составленъ Уставъ Общества Беззубыхъ Литтераторовъ почтенными Меценатами и основателями его, Гуромъ Филатычемъ и Афеномъ Пасоновичемъ. Все было ими предусмотрѣно, все придумано, каждая статья дышетъ чистою любовью къ просвѣщенію, и показываетъ ревность къ образованію и глубокую опытность писавшихъ Уставъ.

День открытія Общества, и первое торжественное засѣданіе, показали еще болѣе, до какой степени простерлись труды и пожертвованія Гура Филатыча и Афена Пасоновича, а съ тѣмъ вмѣстѣ

усердіе всѣхъ другихъ участниковъ, и охоту къ просвѣщенію жителей нашего города.

Начало назначено было въ шесть часовъ, но любопытные стали являться въ четыре. Пріятно было слышать разговоры, стекавшихся отвсюду, любителей просвѣщенія. »Какъ? И вы здѣсь?« — Да, и я. Говорятъ, будетъ что-то веселое: музыка, будутъ пѣть, плясать — »Какъ: и плясать?« — Да, я слышалъ. — »О, нѣтъ, господа! Только пѣть будутъ, да читать. — »Читать? Вотъ ужь это скучно!« — Что вы? Это-то и весело; да притомъ, вѣдь будутъ подавать чай, кофе. — »Я слышалъ, и закуску?« — Именно! — »Пойдемъ-же, пойдемъ!« — И толпа тѣснилась въ двери.

Ударило шесть часовъ. Все было готово; Члены собрались; ряды стульевъ были заняты посѣтителями. Мы видѣли тутъ смѣшеніе *племенъ*, *партій*, *состояній*, лучшую знать нашего города, и богатѣйшее Купечество. Столъ накрытъ былъ сукномъ; чернилицы, перья, бумага, книги, разложены и разставлены. Изъ дверей

другой компаньы видны были басъ, скрыпки, флейты, и пѣвчіе, съ разинутыми ртами, и капельмейстеръ, съ поднятою рукою, въ совершенной готовности — грянуть по данному знаку. Съ другой стороны, сквозь неплотно затворенныя двери, зрители замѣчали суету и хлопоты угостителей. Всѣ ждали нетерпѣливо прибытія господина Городничаго и его супруги. Какъ люди свѣтскіе, большаго свѣта и лучшаго тона, Городничій и супруга его, всегда и всюду пріѣзжаютъ позднѣе другихъ, и заставляютъ ждать себя.

Лишь только крытыя дрожки Г-на Городничаго показались на углу улицы, люди, стоявшіе на сторожѣ, дали знать Гуру Филатычу и Афету Насоновичу. Они, съ другими Членами, отправились встрѣчать знаменитаго посѣтителя у крыльца, и торжественно ввели его, и супругу его, въ залу. При первомъ шагѣ ихъ, капельмейстеръ ударилъ линейкою, и страшно заревѣли трубы, литавры, басы, скрыпки. Игранъ былъ прелестный Польскій, Верстовскаго: *Что если-бы однакожъ я, и точно дѣвчонкой родился.* Къ

музыкѣ присвали голоса, и хоръ запѣлъ слѣдующія слова, сочиненныя Гуромъ Филаньичемъ:

Польскій.

О Музы! вознесите глась —
Грядешь, грядешь вашь покровитель,
Грядешь обрадовать онъ насъ,
Въ сію ученія обитель!

—⁂—

Съ нимъ Музы пляшуть и поютъ,
И громко, громко восклицаютъ,
Ему вѣнки лавровы вьютъ,
Супругѣ счастія желаютъ.

—⁂—

Ликуй, ликуй, нашъ славный градъ,
И рѣки радостно шелкните!
Насталь часъ славы и отрадъ,
Наукъ, ученія зацвѣтъ.

—⁂—

Мы рады всѣ читать, писать,
Другіе жертвовать готовы,
И станемъ градъ нашъ просвѣщать,
Честь, славу тѣмъ получимъ новы!

—⁂—

Всѣ присутствовавшіе были чрезвычайно довольны, ибо, замѣтьте, Гуръ Филатычъ въ стихахъ своихъ искусно умѣлъ польстить самолюбію каждаго. Во время пѣнія понесли на подносахъ чай, кофе, и проч. — Это угощеніе касалось однако же только первыхъ рядовъ собранія, не потому, чтобы скупились, и не хотѣли угощать всѣхъ бывшихъ въ залѣ, да и по Уставу положено угощать всѣхъ безъ различія; но до заднихъ рядовъ не могли никакъ и ничего донести: сидѣвшіе въ первыхъ рядахъ все съѣдали, выпивали, и, кромѣ того, прятали еще въ карманы и ридикюли конфекты и фрукты. Это, говорятъ, и въ столицѣ, на большихъ торжественныхъ праздникахъ, бываетъ. Подумаешь, что гости ничего сроду въ глаза не видывали: такъ рвутъ они съ подносовъ, что желая донести подносъ до главныхъ гостей, обыкновенно сидящихъ впереди, служитель принужденъ поднимать его выше головы. Впрочемъ, у насъ всѣ остались довольны: и сидѣвшимъ назади досталось по чашкѣ чаю, хотя уже стылаго и жидкаго, а также по конфет-

кѣ. Объ этомъ заботилось нѣсколько молодыхъ Сотрудниковъ, которые за то и приняты въ Общество, что у нихъ есть бѣлые, шелковые чулки, башмаки, и *шапо-клаки*. Имъ въ обязанность поставлено угощать посѣтителей въ торжественныхъ собраніяхъ.

Пока играла музыка, пѣли пѣвчіе, и ѣли и пили посѣтители и Члены, сѣвшіе вокругъ стола, пріятно было разсмотрѣть собраніе.

Впереди представлялся намъ длинный столъ, покрытый сукномъ, на которомъ стояли великолѣпные, бронзовые подсвѣчники, съ восковыми свѣчами, и чернилицы, съ перьями, а также лежали книги и бумаги. Вокругъ него сидѣло болѣе 20-ти почтенныхъ Членовъ, сѣдыхъ и полусѣдыхъ, въ мундирахъ, фракахъ, съ разнообразными физіогноміями, на которыхъ однакожъ одинаково были начертаны важность, глубокомысліе, умъ. — Яркое освѣщеніе залы, музыка, пѣніе, служители и Сотрудники, угощавшіе публику, и пестрая толпа посѣтителей, увеличивали важность и великолѣпіе. Тутъ въ пер-

выхъ рядахъ, въ полныхъ мундирахъ, сидѣли чиновники, Г-нъ Городничій, также дамы; за ними торчали бороды купцовъ, подлѣ шляпокъ дамъ; тамъ видѣнъ былъ пучокъ семинариста, подлѣ кудрей на головѣ франта, и длинныхъ косицъ и нестриженной головы студента. Испанская бородка и закрученные усы отставнаго гусара, въ венгеркѣ, являлись рядомъ съ тоненькими бакенбардами, ниночкою протянутыми отъ ушей ко рту приказнаго, одѣтаго въ виц-мундиръ, и плѣшивою головою сельскаго дворянина, въ панковомъ фракѣ, или густыми, растрепанными бакенбардами, сюртучкомъ и палочкою проѣзжаго изъ Москвы помѣщика. Смотря на все это, невольно приходила въ голову мысль, что собраніе наше есть настоящее изображеніе Русскаго общества.

Наконецъ, музыка и пѣніе умолкли. Громкія рукоплесканія раздались въ залѣ. И они пролетѣли, какъ все пролетаетъ въ здѣшнемъ мірѣ. Тогда Секретарь началъ чтеніе протокола обыкновеннаго собранія Общества, бывшаго предварительно. Вотъ онъ:

» 18.... года,... дня, *Общество Беззубыхъ Литтераторовъ* имѣло свое первое, предварительное, обыкновенное собраніе, въ которомъ,

1, былъ прочитанъ и подписанъ Членами Уставъ Общества.

2, Членъ А. О. Подляковъ предложилъ изъявить Гуру Филановичу Сиходуншину и Афену Насоновичу Грамоѣдову благодарность, за труды, подъятые ими при составленіи Устава. Положено: Секретарю приговорить прожить сей благодарности, и разсмотрѣть оный въ особомъ Комитетѣ.

3, Избранъ балотированіемъ въ Президенты Общества Гуръ Филановичъ Сиходуншинъ (слѣдуетъ реэстръ всѣхъ другихъ чиновниковъ, избранныхъ изъ Членовъ Общества).

4, Президентъ Общества предложилъ, что покровительство просвѣщенію и любовь къ наукамъ почтеннаго Г-на Городничаго обязываютъ Общество покорнѣйше просить Его Благородіе принять на себя званіе Почетнаго Члена. Положено: предоставить Президенту заговорить

бумагу по сему дѣлу, и войдши въ надлежащія сношенія съ Его Благородіемъ.

5, Представлены пожертвованные купцомъ Долгосумовымъ 15 рублей, Тугоумовымъ 2 рубля серебромъ, неизвѣстною особою дюжина стульевъ, съ кожаными подушками, помѣщицею Громкокриковою щепка и пара щипцовъ, а мѣщаниномъ Усердовымъ 100 рублей. Положено: Г-дъ Долгосумова и Тугоухова причислить къ Благотворителямъ Общества, на что и заготовить имъ дипломы; Г-жѣ Громкокриковой и неизвѣстной особѣ изъявить (и изъявлена) благодарность; а мѣщанина Усердова, хотя и слѣдовало-бы причислить къ Благотворителямъ, но такъ, какъ онъ мѣщанинъ, то Общество сего сдѣлать не можетъ, допустивъ его въ среду сословія, гдѣ участвуетъ лучшее Дворянство и богатое Купечество. Потому деньги его взять, а ему предоставить право, если онъ выйдетъ въ купцы, искать тогда званія *Благотворителя* Общества.

6, Библіотекарь представилъ пожертвованныя отъ разныхъ особъ книги, а именно: *Похожденія Мирамонда;* Альмана-

хи: *Цефей*, *Вѣнокъ Грацій*, *Альбомъ Сѣверныхъ Музъ*, *Улыбка весны*, *Майскій листокъ*, *Грація*, *Сиріусъ*, *Зилшерла*, *Сѣверная Лира*; книги: *Способъ, извѣданный опытомъ*, превращаніе вѣтреную и упрямую жену въ постоянную и послушную; *Сказка о двѣнадцати бутылкахъ*, о вѣдьмѣ, прохожемъ мальчикѣ, купцѣ, и прохожемъ солдатѣ; *Нравственная соль*, то есть: случаи, мысли и изрѣченія, изъясненныя политически, юридически, и нидѣ исторически, но съ нѣкоторою умѣренною критикою, при чемъ помѣщено 36 стихотвореній для любопытства; *Цитаты Цицероновы*; *Студентъ Клаусъ кандидатъ*; *Котъ во адъ*; Трагедіи: *Пьянство*, *Храбрые повара*, *Эдипъ Царь*; Комедіи: *Дворянинъ-сидъ купецъ*; *Рогоносецъ по воображенію*; *Женихъ битъ и доволенъ*; *Кто въ кого родится*, *тому на толъ жениться*; *Мошенники*; *Прибытіе Наполеона во адъ*, и другія. Положено: изъявить (и изъявлена) пожертвовавшимъ благодарность.

7, Секретарь представилъ о необходимости имѣть для Общества Адресъ-Календарь. Положили: выдать Секретарю

сумму, сколько потребно на покупку, и деньги записать въ расходъ.

8, Президентъ объявилъ, что Казначей представилъ ему о сдѣланіи крючковъ къ книжнымъ шкапамъ; но какъ отъ призываннихъ къ торгу мастеровъ объявлена цѣна высокая, то и просилъ онъ сдѣлать окончательное распоряженіе. Положено: уполномочить Казначея сдѣлать переторжку, и о послѣдующемъ представить Обществу.

9, Представлены пожертвованные: бюстъ Сократа и чучела мыши. Положено: чучелу препроводить въ Музей, а бюстъ поставить въ залѣ собранія; но какъ у сего бюста отбитъ носъ, то, предварительно, призвать хорошаго лѣпщика, и носъ Сократу придѣлать.

10, Президентъ предложилъ, что такъ какъ, по неосторожности служителей, при метеніи комнатъ легко можетъ быть что нибудь въ залѣ собранія повреждено, то не должно-ли отряжать Экзекутора, дабы онъ всегда при метеніи находился? Положено: имѣть о семъ сужденіе въ слѣдующемъ засѣданіи Общества.«

По прочтеніи сего протокола, читано было письмо Гура Филаныча къ Г-ну Городничему, и отвѣтъ на оное. Прилагаю при семъ вѣрные списки съ того и другаго.

Письмо.

Позвольте мнѣ начать прошеніемъ прощенія Вашего Благородія, что я отвлекаю васъ отъ важнѣйшихъ занятій и дѣлъ; но, въ увѣренности на снисходительное и благосклонное ваше благоволеніе, осмѣливаюсь я дерзнуть имѣть счастіе представить вашему благоусмотрѣнію, какъ-то изъ послѣдствій честь имѣть буду всепреданнѣйше изъяснить.

Милость и покровительство, коими всегда ознаменовывалось великое поприще вашей достославной, и чести, и пользѣ отечества посвященной жизни, преисполняютъ сердце высокими помышленіями о снисхожденіи вашемъ. Посему и дерзость моя, то есть, чтобы вы сдѣлали честь Обществу Беззубыхъ Лиштераторовъ, такъ-же, какъ я всепокорнѣйше Вашему Благородію объяснилъ уже, и за

симъ въ крѣпкой надеждѣ обрадованъ почтенныхъ моихъ сочленовъ. — Съ истиннымъ, наиглубочайшимъ почтеніемъ, и высокою, совершенною преданностію, имѣю счастіе пребыть навсегда, В. Б. и проч.

Отвѣтъ.

Отношеніе ваше, отъ.... числа, полученное мною того-же числа, имѣвъ удовольствіе прочесть, и очень пріятно, милостивый государь мой, чтобъ быть Членомъ Общества, каковое вы устроили, и тѣмъ наипаче, что сіе очень лестно, чтобы быть въ такомъ обществѣ, поелику находиться въ собраніи почтенныхъ людей, съ каковымъ чувствомъ я навсегда въ совершенномъ удовольствіи воспріемлю. Съ ист. почтеніемъ, и проч.

По прочтеніи сихъ писемъ, всѣ Члены встали изъ-за стола, и поспѣли принести личную благодарность Г-ну Городничему, и поцѣловать ручку его супругѣ. Все сіе сопровождалось рукоплесканіями зрителей, и было принято весьма благосклон-

но. За нѣмъ всѣ сѣли прежнимъ порядкомъ, и Гуръ Филаньичъ началъ приготовляться чинить Рѣчь, на открытіе Общества. Пока онъ кашлялъ, откашливывался и отсмаркивался, зрители толковали о томъ, какъ искусно, кратко, и ясно сочинены были письма, и старались узнать: кто ихъ составилъ? Гуръ Филаньичъ мастеръ на Риторику, стихи и прозу литературную; но дѣловыя и учитывыя бумаги совсѣмъ не его дѣло. А также и Г-нъ Городничій — чиновникъ и судья отличный, но до грамоты небольшой охотникъ. Вамъ, М. Г., должно быть извѣстно, что иное дѣло писать стихи и прозу, иное быть чиновникомъ и судьею, и опять иной иное *бумаги писать*. Въ нашемъ Училищѣ, скажу для примѣра, превосходно сочиняютъ ученики (не говорю уже объ учителяхъ) стихи и прозу, въ какомъ угодно родѣ. Дайте имъ только *тему*, какую хотите: описать пріятности весны; изобразить чувства умирающаго, добродѣтельнаго человѣка; изложить прелести прогулки; сочинить похвальное слово кому нибудь, или чему нибудь; по-

казать славу Россіи, или доказать необходимость добродѣтели — все это мигомъ сдѣлаютъ, и прекрасно. О стихахъ я не говорю, потому, что тутъ немного и требуется смысла и учености. Обыкновенно, ставятъ сперва лѣсенкою риѳмы, подъ рядъ: *радость, мечта, сладость, красота.* Разумѣется, что послѣ того прибрать строчки къ риѳмамъ бездѣлка. Но, самый лучшій ученикъ, вышедши изъ Училища, не умѣетъ написать простой не-лицинерарурной записочки, не знаетъ даже правописанія, и письменно, умѣя разложить и сложить рѣчь Цицерона, не сумѣетъ выпросить себѣ хлѣба порядочно. — Но Гуръ Филатычъ наконецъ крякнулъ, все умолкло, сопли ушей вытянулись, и онъ провозгласилъ:

» Великое было-бы сіе величественное и купно достойное умиленія зрѣлище, если-бы я могъ, сердца ваши, Мм. Гг., собравши, и души ваши соединивъ во едино, не только взору вашему васъ самихъ представить, но и изъясненіемъ оное дополнивъ, словами вамъ изобразить! Явилось-бы тогда усердіе ваше къ пользѣ и сла-

въ отечества; показалось-бы тогда участіе ваше въ просвѣщеніи; означилось-бы соревнованіе быть сподвижниками добра; ознаменовалась-бы радость ваша, что въ стѣнахъ благословенной отчизны начинаютъ процвѣтать Науки и Искусства, гремятъ лиры поэтовъ, раздаются звуки гимновъ, сливается учености посвященныя бесѣды, и услаждается взоръ, слухъ, вкусъ, осязаніе и обоняніе Изящными Искусствами и Художествами.

» Великое открылся, и преславное, для потомковъ нашихъ дѣло: довершать начатое нами, и сѣмыя нами сѣмена просвѣщенія собирая, въ житницы ума складывать, и себя обогащать! Но славно и намъ, Мм. Гг., быть дѣлателями, на томъ великомъ поприщѣ, которое открываетъ Наука, озаряетъ умъ, устроиваетъ Искусство, созерцаетъ потомство, покровительствуетъ Начальникъ нашего города и его почтенные Сотоварищи, освѣщаетъ слава, облегчаетъ пожертвованіе, и утучняетъ, оплодотворяетъ, взрываетъ, увлажаетъ, и благословляетъ наше и ваше усердіе.

» Нѣтъ сомнѣнія, что великое отечество, или, лучше сказать, отчизна, то есть, городъ нашъ, цвѣтетъ, благоденствуетъ, красуется славою и просвѣщеніемъ. Кто сталь-бы въ этомъ сомнѣваться, того, да причислитъ общій гласъ къ измѣнникамъ, отчизно-ненавистникамъ и злодѣямъ. Только отвергнувшій нравы благіе и добродѣтели праотеческія осмѣлится сказать, что мы не перегнали, не опередили всѣхъ народовъ въ мірѣ; что есть народы просвѣщеннѣе, богатѣе, добродѣтельнѣе, славнѣе насъ; что Европейскіе народы, въ сравненіи съ нами, не нищіе, не буяны, не безбожники, не невѣжды. Я даже сомнѣваюсь: явятъ-ли будущіе вѣка что-либо намъ подобное! Раскроемъ-ли лѣтописи минувшаго: мы съ незапамятуемыхъ временъ блистали славою, богатствомъ и просвѣщеніемъ. Доказано, что языкъ Славянскій былъ тотъ самый языкъ, коимъ говорилъ Адамъ. Предки наши, копьемъ и мечемъ вписавшіе имя свое въ Исторію, какъ говоритъ Г-нъ Тапищевъ, переписывались съ побѣдителемъ свѣта, Александромъ

Македонскимъ, и, вѣроятно, тогда уже обладали литтературою, богатою и великою. Въ Холмоградѣ, гдѣ нынѣ почтовая станція Бронницы, на Петербургской дорогѣ, находилась главная библіотека, или книгохранилище Славянское. При Владимірѣ были уже у насъ Академіи; при Ярославѣ недоставало мѣста для книгъ въ Княжескихъ теремахъ. Возмемъ-ли послѣ того нашу Литтературу — чего не находимъ? Исчислимъ-ли Пиѳиновъ, Ораторовъ, Историковъ, Любословов, Любомудрцевъ нашихъ, отъ Симеона Полоцкаго до Трилуннаго, отъ Лазаря Барановича до Толмачева, отъ Поликарпова до Руссова, отъ Лызлова до Вознесенскаго, отъ Епифанія Славенецкаго до Меморскаго — колико именъ великихъ, коликое сіяніе витійства, любознанія, мудровѣдѣнія!

» Честолюбиво было-бы себя назвать достойными послѣдователями таковыхъ мужей на поприщѣ Россійскаго слова, но если мы умолчимъ, то каменіе возопіютъ. Здѣсь, Мм. Гг., вижу я цвѣтъ нашего Дворянства, Купечества, Разночинства,

и радостно вопію: Се сыны твои, возлюбленная отчизна! се сыны твои!

» Сказалъ Сенека: Nulli præclusa virtus est. Такъ и мы не исключимъ себя — поревнуемъ, подѣйствуемъ, не стерпимъ, вырвемся, уйдемъ, убѣжимъ изъ предѣловъ молчанія. Возложимъ нашъ онміамъ на алтарь Просвѣщенія и Словесности, Наукъ и Образованности.

» Вашего покровительства требуемъ мы только, почтенный и знаменитый Начальникъ града, вашей благосклонности, Мм. Гг., вашего усердія, Благотворители! Безъ наградъ, безъ почестей ничего не льзя создать. Такъ, какъ безъ дождя безплодствуютъ нивы, безъ поощренія скудѣетъ Поэзія, тупѣетъ Наука, косноязычествуетъ Проза, молчитъ Исторія, заблуждается Философія, и — даже умираетъ Грамматика. «

Гуръ Филатычъ низко поклонился; музыка грянула; рукоплесканія потрясли стѣны залы. Въ заднихъ рядахъ даже кто-то закричалъ: *фора!* Тотчасъ Квартальный пошелъ отыскивать шалуна: это былъ Коллежскій Регистраторъ Пе-

рогрызовъ, очень умный и дѣловый человѣкъ, но зашибается хмѣлькомъ. Его увели. Чтобы утишить непріятное впечатлѣніе сего событія, Членъ Недоноткинъ началъ читать своего сочиненія басню: *Гора въ родахъ.* Къ сожалѣнію, онъ заикается. Самое эффектное слово, въ послѣднемъ стихѣ, послѣ вопроса:

Но что родилось, мнѣ скажите поскорѣе,
И поотважнѣе, и поострѣе,
Не мучьте только лишь?

»*Мышь!*« надобно было произнести сильно, насмѣшливо — а онъ заикнулся, и тщетно старался выговорить. Мы слышали только: *лы... лы... лъ...* и видѣли усилія мускуловъ лица его, пока съ трудомъ вылетѣло изъ его рта роковое слово — *мышь!*

Слѣдующая за тѣмъ пьеса: *Ода, на заложеніе дома помѣщикомъ Золотохвостовымъ*, также *Переводъ Горацієвой оды* утѣшили за неудачу. Потомъ читано было ученое разсужденіе Афеня Насоновича, о *томъ, что дважды два точно четыре, а не пять.* Оно было прекрасно, но

немножко длинновато, и довольно таки надоѣло.

Потомъ, какъ будто желая доказать, что Общество соединяетъ въ себѣ всякаго рода дарованія, молодой Сотрудникъ Грошевиковъ читалъ свою пьесу: *Воспоминанія* — самую романтическую. Особливо понравилась строфа:

Безумства юнаго безкрылыя желанья,
Мечта минувшаго, тяжелый думы слѣдъ,
Мои бывалыя, живыя волненья,
Страстей и призраковъ давно заглохшій цвѣтъ,
Обманъ надеждъ моихъ, и славы обольщенья,
Любви, вина и слезъ живыя наслажденья —
Васъ нѣтъ, давно васъ нѣтъ!

Тутъ приготовился было читать свое *Изслѣдованіе о различіи комара отъ мошки*, Членъ Носоклюевъ. Но Общество не разочло, что собраніе продолжалось уже часа три, все было выпито и съѣдено, зрителей большая часть зѣвала, и тихонько уходила. Когда-же Г-нъ Носоклюевъ началъ, то Г-жа Городничиха поднялась, за нею всталъ Г-нъ Городничій, и всѣ вдругъ вскочили, загремѣли стуль-

ями. Гуръ Филапычь велѣлъ замолчать Г-ну Носоклюеву, и со всѣмъ Обществомъ спѣшилъ провожать знаменитыхъ гостей.

Въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ было изъявлено отъ Г-на Городничаго, и другихъ почетныхъ посѣтителей, ихъ удовольствіе. На другой день Гуръ Филапычь, съ нѣсколькими Членами, ѣздилъ всѣхъ ихъ благодарить, и сдѣлалъ у себя обѣдъ, гдѣ пито было здоровье Общества. Теперь во всемъ городѣ только и разговоровъ, что объ Обществѣ.

Вотъ, М. Г., описаніе знаменитаго событія, доказывающаго любовь къ просвѣщенію, и успѣхъ его въ нашемъ городѣ. Если вамъ угодно будетъ помѣстить въ Камеръ-Обскурѣ это описаніе, то я не премину доставлять вамъ извѣстія о дальнѣйшихъ успѣхахъ Общества. Они несомнительны, послѣ того, что я имѣлъ честь изобразить вамъ, и сказать, какъ о цѣли, такъ и о трудахъ Общества. —

ТРУДОЛЮБИВЫЙ

МУРАВЕЙ.

ОБРАЗЧИКИ ИСТОРИЧЕСКО-ПОЛИТИЧЕСКО-ЛИТТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ, ИЗДАВАЕМОЙ ВЪ ГОРОДѢ N. N., ЯКОВОМЪ РОТОЗѢЕВЫМЪ И ООМОЮ НИЗКОПОКЛОННЫМЪ.

»Не уже-ли,« спросятъ читатели, »въ самомъ дѣлѣ издается, или издавалась подобная Газета?« — Отвѣтомъ моимъ будетъ слово, которое Монтань называлъ сокращеніемъ всей человѣческой мудрости: »*Не знаю!*« — Впрочемъ, люди спрашиваютъ весьма часто о томъ, что могли-бы они рѣшить сами, если-бы оглянулись вокругъ себя попристальнѣе. Sat sapienti.

ТРУДОЛЮБИВЫЙ

МУРАВЕЙ.

КЪ ВЕСНѢ.

Опять лазурными лучами
Взошло на вешній небосклонъ,
Опять привычными мечтами
Тобой разсѣянъ зимній сонъ,
Природы баловень могучій,
Любовникъ осени пахучей,
Женихъ весны, зимы супругъ
И лѣта благодатный другъ!
Нѣтъ, нѣтъ! не развѣвай унылыя,
Не трѣй чела, и не лови
Въ глазахъ обманчивой любви
Мои слезы. . . . . .
Убитый рокомъ — я опять
Посхимленъ горестью на вѣкъ —
Моя судьба судьбѣ упрекъ,
Упрекъ безжалостной судьбинѣ...
Надежды свѣтъ мнѣ не блиститъ
Бывалой прелестью долины,
Не золотитъ весны картины

И солнцемъ счастья не горишь...
Я — мертвеца живаго видъ,
Пугаю всѣхъ моей мечтою,
Разстался съ дѣвой не-земною,
И погубилъ свой идеалъ!
Подай мнѣ нѣжки свои фіалъ,
Моя знакомая, привѣтомъ
Меня мертвецкая со свѣтомъ
И съ благодатью нѣжкихъ мукъ —
Ты исцѣли мнѣ мой недугъ,
Ты, мой сопутникъ неизмѣнной,
Отрада горестной блаженной,
Косилявый тѣнь моей весны!
Мой кончень пиръ, отточнены
Мгновенья радости живыя
И сны надежды золотые!

П. Пр. . . нъ.

Политическія новости.

Англія. Говорятъ, что Лордъ Норфолькъ вчера обѣдалъ у Лорда Пальмерстона; но другіе увѣряютъ, что Его Свѣтлость только позавтракалъ, а обѣдать изволилъ у себя дома.

Бельгія. Вчера проѣхалъ черезъ Брессель курьеръ, съ важными депешами.

Египетъ. Мегеммедъ-Али, съ нѣкотораго времени, куритъ по одной линнеи трубкѣ табаку, каждые послѣ обѣда.

Португаллія. Донъ Мигуэль недавно осматривалъ укрѣпленія Лиссабона, и готовится къ отпору флота Донъ Педро, который до сихъ поръ не вышелъ еще изъ Терцейры.

Новости не-политическія.

20 ч. сего мѣсяца, съ утра была у насъ прекрасная погода, но потомъ сталъ накрапывать дождикъ; хотя-же и скоро онъ пересталъ, но многія дамы побоялись нарядиться на бывшее въ этотъ день гулянье, и потому публика, весьма многочисленная, не отличалась нарядами.

— Пишутъ, что Г-нъ Мансонжъ сдѣлалъ новыя, важныя усовершенствованія въ паровыхъ машинахъ.

— Одинъ Ліонскій фабрикантъ изобрѣлъ машину, замѣняющую руки для нюханья табаку. Онъ намѣренъ просить привиллегіи. Недавно выдана тамъ привиллегія на

вѣтряную мѣльницу, которая, особенно устроенными на крыльяхъ ея бритвами, брѣетъ, весьма чисто и ловко, въ двѣ минуты. Стоитъ только подойдти къ крылу ея, и подставить рыло.

Что дѣлать съ дѣтьми?

Въ No 7-мъ 1832-го *Телескопа*, издаваемаго въ Москвѣ Г-мъ Надеждинымъ, помѣщенъ превосходный разборъ *Статистической записки о Москвѣ*, соч. Г-мъ Андроссовымъ. Съ изумленіемъ видѣли мы въ этомъ разборѣ глубокія соображенія Рецензента, подписавшагося буквами: N. N., видѣли *много предметовъ для размышленія, до котораго рѣдко могутъ доводить* инскуція (?) *бумаги*, и проч. и проч.—Намъ особенно понравились наполеоническія выходки Рецензента: »Такого сатаническаго сочиненія, въ духѣ *Дюпеноли*« — говоритъ Г-нъ N. N. о книгѣ Г-на Андроссова — »не бывало еще у насъ въ Россіи, не исключая *Французскихъ* разсужденій о смертности, самоубійствахъ, и про-

чемъ, Г-на Германа, лѣтъ тридцать, кажется, *сидящаго на почетныхъ Академическихъ креслахъ*, и начальствующаго Статистическимъ Отдѣленіемъ въ Петербургѣ.« Поразивъ такимъ образомъ тоненькою книжечкою Г-на Андроссова *тридцати-лѣтніе труды старца*, котораго, не только мы, невѣжды, но и Европа почитали однимъ изъ первыхъ современныхъ Статистиковъ, Рецензентъ, само по себѣ разумѣется, уже безъ всякой жалости убиваетъ Кирилова, за котораго нѣкогда заступился Г-нъ Погодинъ, Вирсна, Шторха, и проч. и проч. — Но этого мало: Рецензентъ грозно наступаетъ на самую СПбургскую Академію Наукъ, и подсказываетъ ей, что она должна дать Г-ну Андроссову 5,000 рублей за его книгу. »Дай Богъ« — говоритъ онъ — »чтобы Академія Наукъ, *пишущая и читающая до сихъ поръ*, къ стыду нашему, *только по Французски и по Нѣмецки*, оцѣнила по достоинству это *Русское сочиненіе*, и увѣнчала его Демидовскою наградою!«

Все это довольно скромно, прекрасно, превосходно. Но верхъ всего составля-

ютъ мечты Рецензента, *мечты пылкія и сладостныя*, какъ онъ называетъ ихъ (1832-й *Телескопъ*, стр. 388). Сіи мечты показываютъ, сколь высоко можетъ залетѣть воображеніе въ жару филаниропическихъ мечтаній. Со слезами радости, видимъ мы въ достойномъ нашемъ соотечественникѣ соперника басурману Мальтусу, и другимъ невѣждамъ-чужеземцамъ, которые ломали голову, но никакъ не могли рѣшить важнаго вопроса Политической Экономіи, о соразмѣрности народонаселенія съ способами прокормленія и воспитанія народнаго.

Слава Богу! Г-нъ N. N. совершенно разрѣшилъ этотъ вопросъ. Онъ привелъ его въ крайчайшее и простѣйшее значеніе. *Что дѣлать съ дѣтьми?* спрашиваетъ онъ. Да, Мм. Гг., извѣстное дѣло: всякій-бы радъ жениться, да чѣмъ дѣтей кормить, и какъ воспитать ихъ? — Не безпокойтесь-же объ этомъ болѣе — дѣло кончено! Внимайте рѣшеніе вопроса:

Съ тѣхъ поръ, какъ учрежденъ Воспитательный Домъ, число родящихся увеличилось въ Москвѣ *почти третью*, а чи-

сло браковъ *третью* уменьшилось (Телеск. стр. 388). Это доказываетъ, что при открывшемся удобствѣ сбывать дѣтей, стали родить ихъ свободнѣе. Чего-же тутъ думать? Г-нъ Андроссовъ предложилъ первый — учредить Воспитательный Домъ для законно-раждающихся, а Г-нъ N. N. распространяетъ и поясняетъ эту истинно Платоновскую мысль.

Надобно, говоритъ онъ — 1-е, учредить дѣтскія кассы въ каждомъ городѣ. Кто не станетъ жертвовать на такое прекрасное дѣло? »Клянусь Богомъ,« восклицаетъ Г-нъ N. N., »что я, бѣдный человѣкъ, получающій въ годъ 1000 рублей жалованья, прибѣжалъ-бы съ нею, безъ памяти отъ радости, при первомъ извѣстіи о такомъ учрежденіи«...

2-е, На сіи деньги, продолжаетъ Г-нъ N. N., должно устроить Воспитательные Домы, въ которые всякій бѣднякъ могъ-бы отдавать своихъ дѣтей.

Какова мысль, Мм. Гг.? Я, признаюсь, три раза снялъ калпакъ съ головы моей, и заочно поклонился трижды Г-ну N. N.

»[illegible],

были учреждены Воспитательные Домы для законнорожденныхъ дѣтей, куда всякій гражданинъ, безъ малѣйшаго затрудненія, могъ-бы отдавать дѣтей на воспитаніе, какого-бы возраста они ни были, то довольство, спокойствіе, благоденствіе гражданъ вдругъ увеличилось-бы въ нѣсколько кратъ. Слѣдствія нестерпимыя...«

Г-нъ N. N. исчисляетъ сіи слѣдствія:

1, касательно *нравственности*, ибо всякій-бы женился, не думая о томъ, чѣмъ содержать дѣтей;

2, касательно *народонаселенія*, ибо отъ усиленія браковъ усилилось-бы рожденіе дѣтей;

3, касательно *промышленности*, ибо каждый тогда занимался-бы работою для себя и жены, копилъ денежки, пускалъ ихъ въ торгъ, или проживалъ, а не раззорялся на дѣтей; а отъ сего,

4-е, обращеніе денегъ сдѣлалось-бы живѣе, и умножилось-бы *народное богатство;* а сверхъ того,

5-е, усилилось-бы самое *просвѣщеніе*, ибо всѣ дѣти получали-бы надлежащее воспитаніе, и, само по себѣ разумѣется,

6-е, явилось-бы тогда *общее благоденствіе* какъ »результатъ вышеписанныхъ факторовъ« (1832-*й Телескопъ*, стр. 390).

Великая мысль, великое предпріятіе! Такъ нѣкогда одному помѣщику доносилъ управитель: куда прикажетъ онъ дѣвать мусоръ, скопившійся горами, послѣ построенія огромныхъ его палатъ? — »Выкопай, братецъ, большую яму, и свали въ нее мусоръ.« — Но куда-же прикажете положить землю, изъ ямы вынутую? — спросилъ управитель. — »Ахъ! какъ ты глупъ!« возразилъ помѣщикъ — разумѣется, положить ее въ ту-же яму!«

Восхищенный глубокими свѣдѣніями въ Политической Экономіи нашихъ соотечественниковъ, искренно благодаря Г-на N. N., я осмѣлюсь прибавить, что также пишу прозкитъ. Г-нъ N. N., вѣроятно, еще не женатъ, а потому не знаетъ, что не только боясь дѣтей, но и не зная чѣмъ жену содержать, многіе не женятся. Можетъ быть, это остановитъ и его отъ вступленія въ супружество — но, не бойтесь, Г-нъ N. N., не бойтесь — средства мною найдены! Я хочу предло-

жить слѣдующее: учредить заведеніе, куда всякій-бы долженъ былъ отдать свою жену, гдѣ станутъ ее кормить, поить, содержать, и упражнять въ работѣ. Мужья могутъ къ женамъ приходить иногда, но жить должны дома, на квартирѣ, или тамъ, кто гдѣ занятъ. Слѣдствія неисчислимыя! Жены не станутъ шалить, ссориться и драться съ мужьями, видясь съ ними, какъ съ любовниками; дѣтей прямо передавать въ Воспитательные Домы будетъ легче; жены не будутъ стоить расходовъ ни одного гроша, и еще скопятъ капиталы своею работою, народное богатство умножится, промышленность оживится, просвѣщеніе усилится (ибо въ часы досуга жень нашихъ станутъ учить), и общее благоденствіе явится — какъ *результатъ вышеписанныхъ фактовъ.* — Меня останавливаютъ въ моемъ проэктѣ маленькія затрудненія. Желалъ-бы я посовѣтоваться объ нихъ съ великимъ Г-мъ N. N., который смѣло можетъ теперь назваться — *Русскій Анти-Мальтусъ.*

Русскій Неженатый.

Библіографія.

— *Сокольники*, или поколебаніе владычества Татаръ надъ Россіею. Историческій романъ XIV вѣка. Эпизодъ изъ княженія Димитрія Донскаго. Сочиненіе Сергѣя.... каго. Часть I. М. 1832 года, въ Универ. т., in-12, VIII и 168 стр., съ картинкою, изображающею, какъ Русскій витязь, Всеславъ, сѣченъ плетью Татарскаго витязя, Бетара.

Въ то время, когда вся просвѣщенная Европа, не могши отнять у гордой Британіи трезубца, устремилась обрывать лавры литтературные съ смѣлыхъ сыновъ ея, мы, Русскіе, не отстаемъ отъ другихъ народовъ въ семъ подвигѣ, патріотическомъ и отважномъ. И когда-же отставали мы отъ другихъ, шла-ли рѣчь о томъ, чтобы колотить надмѣннаго Наполеона, или о томъ, чтобы вмѣсто париковъ носить волосы *à la* Titus, или о томъ, чтобы писать стихи à l'eau de rose, или à la Byron?

Такъ и нынѣ. Шотландскій монополистъ *Историческихъ романовъ* едва-ли не

съ горя умираетъ, а не отъ паралича, какъ писали въ новѣйшихъ извѣстіяхъ. И можно-ли не горевать ему, видя, что при жизни еще его, повсюду его преслѣдовали, догоняли, и перегнали? Но если-бы зналъ В. Скопинъ, съ какою честію стали отличаться на поприщѣ Историческаго романа наши Русскіе Липператоры, онъ, конечно, давно-бы умеръ съ досады.

Вновь вышедшій романъ: *Сокольники*, блестящимъ образомъ подтверждаетъ истину словъ нашихъ. Юный Авторъ умѣлъ соединить съ истиною Исторіи занимательность Романа, въ такой высокой степени, что читая его книгу, сомнѣваешься, и спрашиваешь сами себя: что это — *Наталья Боярская дочь*, или *Исторія Государства Россійскаго?* Слогъ романа, роскошью выраженій и нѣжностью чувствъ, напоминаетъ первое, а силою мыслей, патріотизмомъ и идеальностью героевъ второе. Проникнутый любовью къ отечественной славѣ, Авторъ изображаетъ намъ каждаго Русскаго старца мудрымъ, каждаго юношу героемъ, каждую дѣву Русскую образцомъ красоты.

Въ противоположность сему, Татары представлены у него истинными чудовищами, которыя душатъ, грабятъ, рѣжутъ, жгутъ, распутничаютъ, какъ сумасшедшіе. Русскіе безпрерывно бьютъ ихъ, ругаютъ, побѣждаютъ, и читатель соглашается, что они достойны этого за свои злодѣйства, свою подлость, развратъ и грубость.

Въ первой части еще ничего *Историческаго* нѣтъ, хотя глубокія познанія Автора въ Русской Археографіи видны уже изъ словъ: *охобень*, *баскакъ*, *гридница*, *пулы*, и проч., что встрѣчаемъ мы безпрестанно. — Вся первая часть состоитъ изъ слѣдующаго: прелестная Марія хотѣла *любить кого нибудь*, увидѣла и полюбила Всеслава. Сердце ея сказало: *это онъ*. Всеславъ взаимно полюбилъ Марію. — Въ это время, въ Москву пріѣхалъ Баскакъ Татарскій, извергъ, который убилъ двухъ своихъ женъ, брата и отца, готовъ отдать душу чорту, и при всемъ этомъ страшный волокита. Описывается драка Москвичей съ его свитою; по-

шомъ Великій Князь угощаетъ Баскака обѣдомъ, и дѣлаетъ для него *каруселъ* (?), на которой герой романа, Всеславъ, не только сбиваетъ съ коня Татарскаго богатыря, но еще и сѣчетъ его, очень больно, плетью. Потомъ слѣдуетъ охота, и разговоръ охотниковъ, о предполагаемомъ походѣ Великаго Князя на Татаръ. За симъ описывается гулянье въ Троицынъ день въ Сокольникахъ, гдѣ Марія играетъ въ горѣлки съ подругами. Вдругъ страшный дождь и громъ! Марія бѣжитъ спасаться въ лѣсъ. Тутъ она находитъ Всеслава. »Ты-ли это, милое созданіе прекрасной природы? Громъ и бури даютъ мнѣ тебя!« кричитъ онъ. — »Ахъ! это ты, тотъ незнакомецъ, знакомый мнѣ давно!« отвѣчаетъ Марія. Они цѣлуются, обнимаются, клянутся въ любви. — Слѣдуетъ ночь. Татары тихонько собираются въ Сокольникахъ. Баскакъ — извергъ — хочетъ убить Всеслава и похитить Марію; онъ влюбился въ нее смертельно. Съ нимъ сговаривается другой извергъ, Елисей колдунъ, и этою ужасающею, Микель-Анджеловскою сценою кон-

чена *первая* часть. Съ нетерпѣніемъ ждемъ слѣдующихъ.

Ни одинъ изъ Русскихъ Историческихъ романовъ не отличался еще такою прелестью слога, какъ *Сокольники*. Вотъ начало: »*Отерянная* слава временъ минувшихъ должна быть священна и въ *безбрежномъ хаосѣ будущности!* Сколько столѣтій канула въ вѣчность послѣ того, которое *я вызываю* изъ праха забвенія, *чтобъ оно основало незыблемое владычество въ памяти Руских*ъ, *не подобно молніи*, которая мгновенно вспыхнетъ, *зарѣетъ* на небѣ — и угаснетъ. *Дѣла знаменитыя не тронетъ время*; все разрушающая коса его *не соскоблитъ* съ *души патріотизма* мечты умиленія,« и проч. — Описываетъ-ли Авторъ Марію, вотъ какъ говоритъ онъ: »Вся она облечена была въ формы небесныя, вся она была прекрасна, вся она сіяла, какъ въ лучахъ.« — Но, вотъ идетъ братъ ея: »Природа отмѣтила характеръ его врожденною *флегмою*.« Здѣсь строгій критикъ замѣтилъ-бы, что *флегма* значитъ вообще мокроту, *слюну*, и *отмѣтить*

флегмою что нибудь, значитъ, говоря просто, *плюнуть на тотъ предметъ*; но кто не забудетъ сей непочтости выраженій, читая далѣе, что »привѣты самой души его были ничто иное, какъ лобзаніе могильнаго основа.« — Хотите-ли *наивной* прелести? Вотъ разговоръ Маріи съ сестрою: Милая Надежда! какъ назвать это чувство.... что, вотъ такъ шевелитъ сердце, такъ двигаетъ душу.... такъ *будитъ* взглянуть.... быть вмѣстѣ— *поближе*....« — *Да, къ чему*, къ кому это, мой другъ? спросила ее Надежда. — « *Къ мужчинѣ*«—отвѣчала Марія, запинаясь.«..— Но не думайте, чтобы Авторъ не умѣлъ быть ужаснымъ. Вотъ, какъ говоритъ у него извергъ-Баскакъ: »Полно, сперва! Да разлетится языкъ твой въ дребезги! Что-жъ ты, подлый рабъ, не заколилъ ему ножа въ горло? Дьяволъ! все зарево ада раздулъ онъ въ душѣ моей своими разсказами! — Залилъ-бы тебѣ глотку свинцомъ! О сю пору ужъ дьяволъ называетъ меня своимъ.... я твой! Говори, требуй смѣло — я не боюсь тебя, со всѣмъ адскимъ причетомъ твоимъ! Чего хочешь:

души что-ли?«... Какой мерзавецъ! Настоящій Тартаринъ!

Поздравляемъ Русскую публику съ этимъ прекраснымъ литературнымъ явленіемъ, и нетерпѣливо ждемъ окончанія.

Библіографическія новости.

Много блестящихъ надеждъ могутъ имѣть читатели Русскіе для наступающей осени. Мы *слышали*, что извѣстный поэтъ и критикъ, Сергѣй Тимоѳеевичъ Аксаковъ готовитъ новое изданіе, переведеннаго, имъ *Филоктета*, Трагедіи Лагарпа; Александръ Анонмовичъ Орловъ хочетъ издать литературную переписку свою съ А. С. Пушкинымъ, и другими Русскими литераторами; нашъ Русскій Омиръ, Г-нъ Свѣчинъ, оканчиваетъ новую эпическую поэму, а Г-нъ Пуговочниковъ рѣшается издать къ святкамъ новый Альманахъ. Даруй Фебъ, чтобы все это не сбылось, и слухи оказались ложными!

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

1. Вчерашняго числа, изъ квартиры одного Повышчика, неизвѣстно кѣмъ, покрадены разныя вещи, составлявшія небольшое движимое его имущество, скопленное изъ маленькаго, получаемаго имъ жалованья, по 350 рублей въ годъ. Оныя вещи суть: трои часы золотые, одни съ репетиціею, и трои часы серебряные, два фрака Англійскаго сукна, плащь альмавива Голландскаго сукна, полдюжины табакерокъ серебряныхъ и золотыхъ, четыре дюжины ложекъ столовыхъ, двѣ дюжины чайныхъ ложечекъ, одна позолоченая, два перстня съ брильянтами, одинъ съ бирюзою, чайный приборъ Саксонскаго фарфора, и другія мѣлочи, а всего не упомнишь. Да сверхъ того украдены еще 4 билета, на сумму, внесенную, на имя неизвѣстнаго, въ разное время, въ Сохранную Казну Воспитательнаго Дома, каждый въ 5,000 рублей, и наличными деньгами около 2,000 рублей.

2. Одинъ изъ обывателей, ѣхавши третьяго дня по улицѣ, обронилъ сви-

сокъ именинъ и дней рожденія почтенныхъ своихъ друзей, пріятелей, и родственниковъ, составляющій 120 страницъ, и переплетенный въ сафьянъ, съ бѣлыми листами, для записки вновь прибывающихъ друзей и родни, съ ихъ дядьками, тетушками, бабушками, дѣдушками, племянниками, племянницами, кумами и кумами, сватьями и сватами, благодѣтелями и покровителями. А какъ обронившій имѣетъ крайнюю надобность въ сей драгоцѣнной росписи, по случаю наступающихъ праздниковъ, то покорнѣйше проситъ нашедшаго оную принесть къ нему, за что получитъ, кромѣ благодарности, пятьдесятъ увѣреній въ искренней дружбѣ.

8 На Городскомъ Театрѣ представлена будетъ завтрашній день: *Окровавленная рука, или палачъ самаго себя*, романтическая мелодрама въ 3-хъ дѣйствіяхъ, съ хорами, балетами, похоронною процессіею, сраженіями, военными маршами, и изображеніемъ казни преступника. За оною послѣдуетъ: *Балакиревъ въ гостяхъ*, Историческій водевиль, въ 5-ти актахъ,

съ Русскими, Готтентотскими, Казацкими, Калмыцкими, Исландскими, Эскимосскими и Турецкими танцами. Передъ началомъ спектакля дана будетъ: *Оплеуха*, анекдотическая шутка, въ одномъ актѣ, а въ заключеніе спектакля: *Венеціянскіе гондольеры*, дивертисманъ, въ которомъ представленъ будетъ бѣгъ въ гондолахъ; дѣвица Пискунова будетъ пѣть стихи Козлова: *Тихо Брента протекала, серебримая луной*; Г-нъ Безголосовъ прочитаетъ стихи Пушкина: *Ночной зефиръ струитъ эѳиръ*; серенада, составленная изъ Русскихъ пѣсенъ Г-мъ Безуховымъ, заключаетъ дивертисманъ. Спектакль начнется въ 5-ть часовъ по полудни, и продолжится, считая половину времени на антракъ-акты, до 4-часовъ по полуночи.

4. Господа, занимающіеся переводами симъ извѣщаются, что новое сочиненіе Г-на Бальзака: *Les cent contes drolatiques*, colligez ès abbaies de Touraine, et mis en lumière par le sieur de Balzac (Парижъ, 1832 года), переведенное для постыдности въ шесть рукъ, скоро поступитъ въ печать. Переводъ украсится картин-

кою, изображающею пажа Рене и Бланку, какъ представлены онъ и она въ 4-й главѣ повѣсти: Le péché vesniel. Переводчики надѣются, что почтенная публика поблагодаритъ ихъ за поспѣшность, съ какою постарались они представить ей это прекрасное, нравственное сочиненіе.

5. Въ книжной лавкѣ Амоса Курносова принимается подписка на новую книгу, подъ названіемъ: *Сорванная маска съ Философа-самозванца, или Кузенъ предъ судомъ Аристарха Никодимовича Недоумки*, филологико-критико-историческо-иррипабильно-сатирическое изслѣдованіе, въ 3-хъ томахъ, сочиненное Иваномъ Бѣлоомутовымъ, съ эпиграфомъ изъ повѣсти М. П. Погодина: »*Гдѣ я? Въ вертепѣ нищихъ, воровъ, площадныхъ мошенниковъ.... И вотъ какія происшествія, другъ мой, не производятъ во мнѣ никакого болѣзненнаго ощущенія. Удивительное явленіе!* (*Телескопъ* 1832 года, No 7, стр. 362). Въ семъ новомъ, достойномъ особеннаго вниманія твореніи Г-на Бѣлоомутова, доказывается явно, что Кузенъ есть шарлатанъ и обманщикъ; что онъ обокралъ Нѣмец-

кихъ Философовъ, не понялъ ихъ, перевралъ, и только гнуснымъ краснорѣчіемъ своимъ заставилъ Европу думать, будто и онъ не послѣдняя спица въ колесницѣ современнаго мышленія. Ясно также доказывается, и подтверждается опытъ, что каждый Русскій спудеинъ смышленъ Философію лучше Кузена, и что Руские давно уже проникали умыслы этого революціонёра, обманщика и мыслекрада. — Цѣна за три тома, содержащіе въ себѣ не менѣе 8-ми печатныхъ листовъ, полагается самая умѣренная — по *два двугривенныхъ*. Вырученныя деньги обращаются въ пользу одного бѣднаго семейства, которое пятьдесятъ разъ объявляло о своей бѣдности въ Газетахъ.

6. Смотритель Тюремнаго Замка симъ объявляетъ, что доставлено было къ нему, для выкупа бѣдныхъ, за долги въ тюрьму посаженныхъ, 300 рублей, на которые и выкупленъ мѣщанинъ Осипъ Лохмотьевъ, отецъ девятерыхъ маленькихъ дѣтей, и единственный кормилецъ дряхлой старухи матери, и больной жены. Онъ содержался полтора го-

да, за долгъ здѣшнему первостатейному купцу, и заводчику, Фокѣ Ѳомичу Обдиралову. И хотя претензія, съ процентами и рекамбіо, составляла 302 р. 79¾ коп, но, желая оказать христіанское милосердіе, Г-нъ Обдираловъ уступилъ 2 р. 79¾ коп., и согласился взять только 300 рублей ровно. О таковомъ благодѣтельномъ поступкѣ Г-на Обдиралова, симъ доводится до свѣдѣнія публики. — Въ то-же время Г-нъ Обдираловъ пожертвовалъ въ тюремную кружку 10 коп. серебромъ, составляющихъ съ лажемъ 42 коп.—*Доброхотнаго дателя любитъ Богъ.*

7. Вновь пріѣхавшій въ сей городъ портной, учившійся у иностранныхъ мастеровъ, честь имѣетъ извѣстить почтенныхъ охотниковъ, что онъ шьетъ разное платье, по новѣйшимъ моднымъ картинкамъ, которыхъ привезъ онъ съ собою до 100. Живетъ онъ въ Шарлатанской улицѣ, подъ вывѣскою: »*Матвѣй Сукнокрадовъ, Лондонскій, военный и пратикулярный портъ-ной.*

ТРУДОЛЮБИВЫЙ

МУРАВЕЙ.

РИМЪ.

Какъ тѣнь сѣдаго великана,
Въ могильномъ саванѣ, какъ дымъ
Подъ ледяной корой волкана,
Такъ ты, великій, дивный Римъ,
Временъ минувшихъ окликъ дикій,
Костьми безсмертныхъ помощенъ,
Какъ твой пустынный Пантеонъ,
Стоишь, въ развалинахъ великій!
Не говори, не повторяй
Твоихъ совѣтовъ и преданій,
Не возбуждай воспоминаній,
Души поэта не смущай!
Пускай безсмертнаго могила
Не произноситъ мѣлкихъ словъ,
Пока тебѣ языкъ боговъ,
Моей угрюмой Музы сила

Упрямыхъ, сѣверныхъ стиховъ
Въ завѣтъ потомку не дарила!
Молчи, краснорѣчивый Римъ....

. . . . . .

Твои развалины святыя,
Твои останки гробовые,
Я оживлю моимъ стихомъ!
Какъ-бы на Нифи треножникъ,
Съ поникшимъ сяду я челомъ
На тѣ мѣста, гдѣ Скиѳъ-безбожникъ
Съ огнемъ являлся и съ мечемъ;
Стадами думы зароятся
Въ душѣ поэта: смѣло онъ
Глянетъ на міръ, когда тѣснятся
Къ нему стихи со всѣхъ сторонъ!
Онъ обнятъ выспреннимъ пожаромъ,
Онъ презираетъ вкусъ и умъ,
Воспламененный чуднымъ даромъ,
Онъ дикъ, онъ смѣлъ, какъ бури шумъ!
Себѣ единому понятенъ,
Для черни смыслъ онъ потерялъ —
И черни гласъ ему невнятенъ,
И ей не знать, что онъ писалъ!

Картофелинъ.

Римъ,
1832 *г. Марта* 5 *д.*

Иностранныя извѣстія.

Лейпцигъ. Вчера скончался здѣсь, извѣстный въ ученомъ свѣтѣ своими филологическими изслѣдованіями о Гренландской азбукѣ, Г-нъ Докторъ Философіи, Городовой Совѣтникъ, Іоаннъ Фридрихъ Клаусъ, на 87-мъ году.

Пишутъ, что въ Нюренбергѣ шелъ дождь, а въ Мадритѣ выпалъ снѣгъ.

Князь Рейсъ-Лобенштейнскій, Генрихъ LXXII-й, изволилъ отправиться на охоту.

Лондонъ. На биржѣ носятся слухи, что кофе нынѣшній годъ подорожаетъ. По другимъ извѣстіямъ, это совершенно несправедливо.

Новости не-политическія.

Паганини давалъ въ Парижѣ концертъ; но сборъ его не сравнялся однакожъ съ сборами прежнихъ его концертовъ.

Г-нъ Арнольдъ, нарочно путешествовавшій по всѣмъ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ, какъ полагали донынѣ, Арминій разбилъ Вара,

занимается теперь сочиненіемъ о семъ любопытнѣйшемъ предметѣ. Онъ хочетъ доказать, что всѣ извѣстныя до нынѣ догадки о мѣстѣ разбитія Вара были невѣрны.

Въ Англіи полагаютъ до 16 милльоновъ жителей, а по другимъ извѣстіямъ 15, или 17.

Славный Ахардъ утверждалъ, что выжимки свекловицы (betterave) рѣшительно могутъ замѣнять кофе, если ихъ поджарить, и пить, въ твердомъ увѣреніи, что вкусъ этѣхъ поджаренныхъ выжимокъ совершенно сходенъ со вкусомъ кофе (см. его Traité sur le sucre européen de betterave, пер. Г-на Дерона). Можно-бы не повѣрить Ахарду, потому, что онъ также былъ помѣшанъ на свекловицѣ, какъ одинъ ихъ нашихъ ученыхъ влюбился въ Исландскій мохъ, и дѣлалъ изъ него сахаръ, пирожное, хлѣбъ, шоколатъ, и проч. Но Г-нъ Дейё, въ Instruction sur l'extraction du sucre de betterave, подтверждаетъ то-же; въ Шампенуазскомъ Альманахѣ 1812 года тоже говорится. Г-нъ Дюбрюнфо, въ Agriculteur manufacturier,

Т. I, Май, 1830 г., увѣряетъ, что въ Валансьеннѣ всю негодную свекловицу обращаютъ нынѣ въ кофе. Въ *Экономическомъ Журналѣ*, Г-на Кукольника, Т. 2, No 3, стр. 210, 1807 года, подтверждается извѣстіе о вкусѣ и здоровости свекловичнаго кофе, а въ Annales des manufactures, 1813 г. № 144, стр. 280 и 281, Издатели смѣло говорятъ, что свекловичный кофе Мокскому не уступаетъ. Читатели наши могутъ сказать, что извѣстія о предметѣ, подобномъ свекловичному кофе, безполезны, а свидѣтельства, приведенныя нами, можно назвать *промышленными сплетнями* (commérage industrielle), потому, что всѣ писатели, о которыхъ мы упомянули, *слышали*, но никто изъ нихъ не испытывалъ самъ, а испытавшій не замѣнилъ для себя свекловицею настоящаго кофе. Тогда-бы повѣрили мы — прибавятъ къ этому наши читатели — когда-бы Г-да Ахардъ, Дюбрюнфо, Кукольникъ, или кто нибудь другой, сказалъ: Мм. Гг., я узналъ на опытѣ, и теперь самъ пью этотъ кофе. Безъ этого, ссылки на нихъ не похожи-ли

на ссылки Кутейкина, который то-же видѣлъ въ большой Псалтири, что напечатано въ маленькой, замѣченной имъ у отца Протопопа? Но мы возразимъ, что наше дѣло только *сообщать новости* по части Промышленности, и обращать вниманіе читателей на новыя вѣтви современной фабрикаціи. А въ самомъ-ли дѣлѣ, гадкія выжимки свекловичныя на кофе походятъ — читатели, если имъ угодно, могутъ испытать сами. Это уже не наше дѣло!

Ученыя извѣстія.

Одинъ изъ знаменитыхъ Литтераторовъ нашего города недавно ѣздилъ въ Москву. Онъ *говоритъ*, что былъ тамъ въ обществѣ многихъ почтеннѣйшихъ Литтераторовъ, видѣлъ многія созрѣвшія и зрѣющія надежды нашей Литтературы. Этотъ путешественникъ сообщилъ намъ, между прочимъ, что нѣкто изъ Литтераторовъ Московскихъ занимается составленіемъ *Словаря риѳмъ*. Пособіе, необходимое для поэтовъ, дѣло важное и

обширное! Что такое *стихи*? Слова, которыя поставлены въ извѣстномъ порядкѣ, и заострены на концѣ строчекъ рифмою. О механизмѣ стиховъ писано уже было довольно. Язвицкіе, Меморскіе, Буновскіе, Вербинскіе, Кавецкіе, Орловскіе, Орнатовскіе, и другіе великіе филологи Русскіе, уже многократно толковали, что такое *ямбъ* и *хорей*; что такое рифма женская, мужеская; что такое цезура, и проч. Впрочемъ, многіе, какъ-то, Г-нъ ***, доказали, что въ наше время можно писать стихи, и не знать всей этой дряни. Но *рифма* необходима, и весьма часто дѣлается она мучительницею поэта, уничтожаетъ его восторгъ....

Повторимъ: *Словарь рифмъ необходимъ.* Однакожъ виноваты сами поэты наши, если они не знаютъ, что Словарь рифмъ давнымъ давно, и именно — 32 года тому назадъ, былъ изданъ. Предпріятіе Московскаго Литтератора показываетъ, что этотъ прежній Словарь не всѣмъ извѣстенъ. Такое небреженіе тѣмъ непростительнѣе, что старинный Словарь этотъ есть твореніе оригинальное, удивитель-

ное, стоившее сочинителю труда ужаснаго. Мы долгомъ почитаемъ представить читателямъ извѣстіе о сей превосходной книгѣ.

Вотъ названіе оной: *»Риомальный Лексиконъ, или Славено-Россійскаго витійства Словарь,* содержащій въ себѣ всѣ части Грамматической рѣчи, и миѳологическія названія, извращенныя по всѣмъ Славено-Россійской Грамматики измѣненіямъ, приведенныя къ одинаковымъ, однотоннымъ слово-кончаніямъ, на ямбъ, или хорей исходящимъ, и расположенныя по обыкновенному алфавиту. Сочиненъ, для употребленія и благоуспѣшества желающимъ упражняться въ стихотвореніи, Секретаремъ Иваномъ Тодорскимъ, а напечатанъ иждивеніемъ желающихъ (М. 1800 г. въ т. В. Окорокова, in-4, 107 стр.).

Не знаемъ: писалъ-ли что нибудь еще Г-нъ Тодорскій? Но, уже одно заглавіе сего труда показываетъ, что это былъ человѣкъ, какъ говаривалъ Тредьяковскій, *весьма острый, и въ знаніи Риторики зѣло искусный.* Но дабы вполнѣ могли читатели оцѣнить его вкусъ, умъ и дарови-

тость, предлагаемъ здѣсь посвященіе книги его Хераскову, бывшему тогда Кураторомъ Московскаго Университета. Вотъ оно:

»Бывъ нѣкогда всеобщаго Наукъ собрица обитатель, имѣлъ честь и я пользоваться Вашимъ надо мною начальствомъ, гдѣ находясь покоился въ прохладной тѣни покровительства, и наслаждался частію всѣхъ и на вся богато изливаемыхъ Вами щедротъ и милостей, каковыми и доднесь сопребывающіе тутъ Музолюбцы обилуютъ. — Сіе вѣрно потому, что гласъ упоминаемаго народа, сущій гласъ Божій, съ благодарнымъ къ своему попечителю сердцемъ, отъ преизбыточествованія онаго, нелестными устами вопіетъ всюду, любя имя, хваля свойства, и величая доброту души Твоея. — Сей пріятный слухъ поражаетъ уши, и плѣняя духъ во всевозможное къ Вашему Превосходительству, яко истинному учености любителю, благоговѣніе, нудитъ меня къ изъявленію толь благотворной и добродушной Особѣ приличнаго почитанія, дабы исполнить долгъ, на благоговѣйной душѣ лежащій, или, по

крайней мѣрѣ, засвидѣтельствовать признательность Вашимъ добротамъ. — Ибо отнюдь то, что Ваше Превосходительство, во слѣдъ знатнаго, Россійскаго языка Возродителя, Исправителя и гладкіе пути къ двоякому, въ Прозѣ и Стихахъ, преподаніемъ потомству нѣкоторыхъ правилъ, и превосходныхъ для подражанія примѣровъ, Витійству положившаго, достойно и праведно въ памяти ученыхъ оставшагося Господина Ломоносова, грядете, и не только шествуете по проторенымъ стезямъ его, но будучи Самъ усердный благородныхъ наукъ любитель, а потому учащихся недремлющій попечитель, Свои оказывать изволите опыты въ красотѣ Славено-Россійскаго слова, котораго вкусомъ довольно сердца наши услаждаете. — Не говоря о прочихъ, привлекающихъ сочтическое вниманіе, твореніяхъ, одни только, пусть скажу, несравненные Ваши, въ стихахъ Россіяда и Возрожденный Владиміръ, а въ прозѣ Кадмъ и Гармонія, услаждая слухъ, восхищая мысль, и духъ плѣняя, всѣхъ читающихъ и разумѣющихъ оныя къ себѣ от-

влекаютъ. Слава Богу, показавшему намъ ревнителей по Славено-Россійскомъ Витійствѣ, что есть за кѣмъ во слѣдъ идти охотникамъ до онаго! Я, далекій послѣдователь въ пути семъ, мысленно взирая на лицо Ваше, душевно-жъ почитая имя, съ восхищеніемъ чту сіи творенія. — Удивляясь-же остротѣ мыслей, глубинѣ замысловъ, чистотѣ витія, краткому, но ясному и полному выраженію, и, во всѣхъ частяхъ, вольному и гладкому словотеченію, съ жадностію пріемлю на себя о всѣхъ и за вся долгъ благоговѣнія, соединеннаго съ чистою Вашему Превосходительству благодарностію, хотя, какую принести, недоумѣваю. Но, какъ вѣрно то, что всякому свое прилично, на примѣръ: Богу вѣра и поклоненіе, Царю дань и вѣрность, священнику оміамъ, воину мечъ, купцу злато, земледѣльцу плугъ, а стихотворцу нужна риома. Извѣстно-жъ и то, что въ Особѣ Вашей есть съ преизбыточествомъ высокопарный и глубокомысленный духъ Славено-Россійскаго Стихотворства, и способность, сопряженная съ навыкомъ,

къ выраженію толикихъ твореній, каковымъ многіе ревнуя, да, такъ скажу, завидуютъ. Желая-жъ уравниться въ оныхъ, но не имѣя въ себѣ чего нибудь изъ сихъ талантовъ, не только въ мысляхъ уподобиться, но иногда, за недостаткомъ въ скопѣ риѳмъ, ниже гладкаго, складнаго и сходнопоннаго одного другому словоокончанія, приличнаго матеріи, приложить не могутъ; нерѣдко-жъ, съ немалымъ умовращеніемъ, или головоломаніемъ, сыскавъ понравившуюся себѣ по тону только риѳму, прикладываютъ оную со всѣмъ неприлично матеріи, чрезъ что и отъ предмета своего удаляются, и заходятъ въ неизвѣстность, чѣмъ кончить свое предпріятіе. А дабы таковые до стихотворенія охотники, наипаче-жъ начинающіе еще писать стихи, могли имѣть изобиліе приличныхъ для нихъ риѳмъ, и дабы всѣ оныя, какія только есть и быть могутъ въ Славено-Россійскомъ нашемъ языкѣ, какъ-бы въ зеркалѣ предъ глазами своими видѣть, и изъ числа оныхъ одну, по приличію къ матеріи соотвѣтствующую тономъ предыдущей,

прилагали къ другой строчкѣ стиха, изъ любви къ соотчичамъ, и изъ усердія, елико могъ, услужить новымъ стихослагателямъ (ибо старый, и навыкшій въ стихотканіи творецъ, каковъ есть въ витіеватой и замысловатой Особѣ Вашей, такой, говорю, не имѣетъ большой нужды въ риѳмѣ, поелику сей не за риѳмою гоняется, но углубляется паче въ мысляхъ, и выражая свой предметъ кратко, но ясно, не мысли къ риѳмѣ, но риѳму къ мыслямъ приклоняетъ), для таковыхъ-то стихотворцовъ, или, лучше сказать, для начинающихъ только писать стихи, и ради удобнѣйшаго плодоприношенія въ ихъ начинаніяхъ, сочинилъ я, съ Божіею помощію, выбравъ однотонныя изъ Россійскихъ Грамматическихъ Словарей рѣченія по одинакимъ гласоударенiямъ и окончаніямъ, риѳмальный, не бывалый еще доселѣ на Россійскомъ Парнасѣ, Лексиконъ, или Славено-Россійскаго Витійства Словарь, который, по превосходству существующаго въ Вашей Особѣ витійственнаго духа, и по преклоненіи моей къ почитанію оной, усерд-

нѣйше Тебѣ посвящаю. При чемъ ласкаю себя, что оный трудъ, яко посвященный Главѣ Вишайшева, и не отринутый ею, можетъ тѣмъ болѣе приносить пользы желающимъ упражняться въ стихосложеніи. — Но, успѣль-ли я въ своемъ благонамѣреніи, или нѣтъ, отдаю то на разсужденіе безпристрастнаго о будущемъ гаданія. Впрочемъ, дабы пользующіеся сею книгою, могли изъ собраннаго въ ней многаго выбирать, каждый для себя немногое, но нужное и лучшее, а притомъ готовое, сей мой трудъ, съ глубочайшимъ моимъ почитаніемъ, вдаю въ руки Твоя, съ преданіемъ и самаго сочинителя во благоволеніе.«

Въ *Предисловіи* объясняетъ послѣ сего Авторъ, что, какъ воинъ запасается оружіемъ, а экономъ, прежде постройки дома, матеріялами, »равнымъ образомъ и тотъ, кто желаетъ приводить въ совершенство мысленное свое зданіе, или писать стихи,« долженъ знать механизмъ стиховъ, и имѣть запасъ риѳмъ. Риѳма, говоритъ онъ, »немалую придаетъ красоту, пріятность и важность творенію

на подобіе, какъ сановитую, статную и складную женщину красивый уборъ творитъ болѣе на нее взираемою. А дабы ты, читатель, не имѣлъ нужды, при сочиненіи, въ выдумкѣ и пріисканіи нужныхъ риѳмъ, и тѣмъ-бы головы своей не ломалъ понапрасну, вотъ тебѣ цѣлое поле предлежитъ здѣсь оныхъ.« Изъяснивъ, какъ пріискивать надобно риѳмы въ Словарѣ его, Авторъ заключаетъ: »Усерднѣйше желаю тебѣ, любезный соотчичъ, пользоваться сею книгою, и успѣвать въ витійственныхъ твореніяхъ, съ употребленіемъ богатыхъ риѳмъ,« и проч.

Если все это прелестно, какъ, вѣроятно, всякій согласится, то мы прибавимъ, что самый Словарь Г-на Тодорскаго есть прелесть, ни съ чѣмъ несравнимая! Подлинно — поле красотъ, гдѣ ни разверзнешь. Взглянешь, на примѣръ, на слѣдующій рядъ созвучій: *ворона*, *грочона*, *икона*, *корона*, *оборона*, *персона*, *попона*, *трепона*, *алвона*, *звона*, *трезвона*, *козогона*, *погона*, *евфилона*, *макарона*, *учона*; или на этотъ: *блаже*, *глаже*, *даже*, *лаже*, *млаже*, *раже*, *таже*; или на слѣдующій: *вскоска*, *всска*,

занозка, засоска, кривоноска, лососка, относка, толстоноска, тезка—ведролитра, гофъ-фурьера, живодера, канонера, штабъ офицера, фузелера—червяка, черствяка, шелудяка, голяка, зелляка, киляка, мерзляка, сопляка, обиняка, дубняка, и — наконецъ— такого *ка*, которое никогда не случалось намъ видать ни въ прозѣ, ни въ стихахъ, и которое, съ непонятнымъ добродушіемъ, Г-нъ Тодорскій напечаталъ на 8-й стран., въ 4-й колоннѣ словъ.

Явленіе, любопытное для всякаго читателя, столько-же, сколь поучительное и полезное для поэта. Порадуемся, если статья наша исхититъ Словарь Г-на Тодорскаго изъ мрака забвенія.

Объявленія.

1. На Городскомъ Театрѣ завтрашній день представлена будетъ, по возобновленіи сальныхъ огарковъ въ оркестрѣ въ первый, а въ теченіе года въ 32-й разъ: *Азинусъ азинумъ фрикатъ, или оселъ осла дурачитъ*, водевиль, соч. Князя А. А. Ша-

ховскаго; за онымъ послѣдуетъ: *Скупой*, комедія Мольера, пер. С. Т. Аксакова. Въ заключеніе спектакля данъ будетъ: *Филатка въ плѣну у Алжирцевъ*, большой, герои-комическій балетъ, съ новыми декораціями, бурями, полетами, превращеніями, пушечною пальбою и колокольнымъ звономъ. Во второмъ актѣ, Г-нъ Пискуновъ будетъ пѣть Русскую пѣсню: *Не бѣлы-то снѣга во чистомъ полѣ*, а Г-нъ Безголосовъ прочитаетъ стихи А. С. Пушкина: *Прощай, свободная стихія!* Разбитіе корабля, въ 3-мъ дѣйствіи, изобрѣтеніе Г-на Фирюлькина; буря и туча съ молніею Г-на Кисточкина; свистъ вѣтра будетъ производить ртомъ, и особеннаго рода дудочкою, Г-нъ ***; въ концѣ балета — всеобщій пожаръ истребляетъ Алжиръ, гора Атласъ падаетъ, и Филатка ѣдетъ шехардою на Алжирскомъ Деѣ. — Многіе изъ зрителей изъявили свое мнѣніе, что *Азиусъ*, *Скупой*, *Благородный театръ*, и другія пьесы, безпрестанно играемыя на нашемъ театрѣ, чрезвычайно всѣмъ надоѣли. Но зѣвать никому въ театрѣ не запрещается, и зрители мо-

гутъ приходить къ началу балета. Вычитать-же деньги за пьесы, которыхъ зрители смотрѣть не хотятъ, какъ предлагали многіе, содержатель театра не можетъ, для того, чтобы избѣжать мѣлочныхъ разсчетовъ и споровъ, необходимыхъ при подобномъ случаѣ.

2. Судьѣ Городовому потребно исправить починкою, пришедшую въ ветхость отъ времени, совѣсть, и вновь перемостить разсохшіяся, нравственныя его правила. Желающіе подрядиться на сіи работы, могутъ являться къ торгамъ ежедневно.

3. Г-жа Эмилія Гёзъ симъ честь имѣетъ извѣстить, что она открыла въ семъ городѣ пансіонъ, для благородныхъ дѣвицъ. Имѣя цѣлію доставить изящное и полное воспитаніе, она предположила исключить изъ курса ученія всѣ ненужные для дамъ предметы, и тѣмъ болѣе заняться немногими, важнѣйшими предметами, кои суть: танцованье, Французскій языкъ, музыка, и пѣніе. Воспитанницы будутъ изучать, не только всѣ лучшіе общественные танцы, но и при-

учаться къ балетнымъ и характернымъ танцамъ, такъ, чтобы въ случаѣ нужды могли онѣ на домашнихъ театрахъ танцовать балеты. Французскій языкъ будетъ преподаваться наиболѣе изъ разговоровъ, такъ, чтобы воспитанницы, съ трудомъ понимая двѣ строки въ книгѣ, могли узнать всѣ каламбуры и тонкости Французскаго разговора. Музыка и пѣніе преподаваемы будутъ въ высокой степени, до того, чтобы воспитанницы могли, не только разобрать аккомпаньеманъ къ каждому романсу, но и пропѣть самый романсъ. Кромѣ того, Г-жа Гёзъ постарается внушать воспитанницамъ вкусъ къ изящнымъ нарядамъ, всегда будетъ водить ихъ въ узкихъ корсетахъ и маленькихъ башмачкахъ, пріучитъ мило кланяться, кстати краснѣть, потуплять и подымать глаза съ возможною выразительностію, и вообще науку нравиться преподастъ имъ въ самомъ обширномъ и полномъ объемѣ, такъ, чтобы вышедши изъ ея пансіона, дѣвушка не засидѣлась долго въ домѣ родительскомъ, и за всѣмъ тѣмъ успѣла-бы по-

кружить головы многимъ женихамъ. Объ условіяхъ узнать у самой Г-жи Гёзъ.

4. Поступило въ продажу недавно напечатанное, новое сочиненіе: *Историческія изслѣдованія, касательно Русской Исторіи*, изданныя Баккалавромъ Т. И. Желтяковымъ. Въ сей книгѣ содержатся слѣдующія статьи: »Неоспоримыя доказательства, что Рускіе происходятъ »отъ Хазаръ. — Разысканія о хохлѣ Святослава Игоревича, какъ доказательствѣ »Восточнаго происхожденія Руссовъ. — »Изысканія о перенесеніи въ Россію Нѣмецкаго Городоваго Уложенія, названнаго »въ переводѣ *Русскою Правдою*. — О судебныхъ поединкахъ въ Россіи.« — Цѣна »5 рублей.

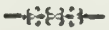
5. Нижеподписавшійся, съ истиннымъ, сердечнымъ прискорбіемъ, объявляетъ о кончинѣ родителя своего, Луки Сидоровича Промонаева, послѣ коего остался онъ единственнымъ законнымъ наслѣдникомъ. А такъ, какъ всѣ деревни покойнаго въ закладѣ, денегъ наличныхъ не найдено, да и вещей движимыхъ не оказалось почти никакихъ, въ похищеніи коихъ

сильно подозрѣвается дочь покойнаго, сестра нижеподписавшагося, Оскла Лукина, по мужѣ Царапаева, о чемъ и явочное прошеніе подано, но и рѣшается онъ, нижеподписавшійся, продать разное поношенное покойнаго родителя платье. Желающіе могутъ явиться для покупки къ нему немедленно, въ деревню Безхлѣбову.

Полицмейстеръ, отставной Канцеляристъ, Филетъ Лукинъ сынъ Глупоголововъ.

6. Вновь пріѣхавшій Химикъ, Физикъ и Косметикъ симъ извѣщаетъ почтенную публику, что онъ имѣетъ съ собою разные секреты, какъ-то: можетъ выращать волосы на головѣ, голой, какъ ладонь; починиваетъ гнилые зубы, такъ что они пойдутъ за-новс; обначиваетъ стеклы для очковъ, такъ что слѣпой увидитъ; сверхъ того умѣетъ: выгонять мухъ, тараканов, мышей; стонять веснушки; лица старухъ дѣлать свѣжими и розовыми, какъ у 15-ти лѣтнихъ дѣвушекъ; унимать кашель у стариковъ

душистыми лепешками; выправлять кривыя ноги; красить волосы въ прелестный русый цвѣтъ; возвращать блѣднымъ румянецъ, утомленнымъ свѣжесть, и проч. и проч. Полагаясь на то, что публика до сихъ поръ вѣрила Макассарскому маслу, Одезальнъ, Іерусалимскому бальзаму, Жизненной эссенціи, мозольнымъ пилочкамъ, красотѣ дамъ на балѣ, честности карпежныхъ игроковъ, водѣ Грацій, и проч., онъ надѣется, что и ему повѣритъ публика, и что онъ будетъ еще не послѣдній, кому повѣритъ она.



ТРУДОЛЮБИВЫЙ МУРАВЕЙ,

ПОЭТЪ.

(посвящено о. о. мотылькову).

» Самовластительный губитель
Забавъ и доблестей своихъ,
То добрый геній, то мучитель,
Мертвецъ средь радостей земныхъ
И гость веселый на кладбищѣ,
Поэтъ! скажи мнѣ: гдѣ жилище,
Гдѣ домъ твой, дивный чародѣй?
Небрежной лирою своей,
Ты насъ то мучишь, то терзаешь,
То радуешь, то веселишь;
Къ ногамъ порока упадаешь,
Добро презрѣніемъ даришь:
То надъ неопытною дѣвой,
Какъ старый грѣшникъ, шутишь ты
И тратишь дикія мечты

. . . . . .

Скажи: за чѣмъ твои сомнѣнья,
Твои безумныя волненья,

За чѣмъ въ тебѣ порокъ и зло
Блестящимъ даромъ облекло
Судьбы счастливой заблужденье?
За чѣмъ къ тебѣ — суетъ дитя,
Вползли, взгнѣздилися пороки:
Лжи, лести, низости уроки,
Ты проповѣдуешь шутя?
Съ твоимъ божественнымъ искусствомъ,
За чѣмъ, презрѣнной славы льстецъ,
За чѣмъ предательскимъ ты чувствомъ
Мрачишь лавровый свой вѣнецъ?«
Такъ говорила чернь слѣпая,
Поэту дивному внимая;
Онъ горделиво посмотрѣлъ
На вопль и клики черни дикой;
Не дорожа ея уликой,
Какъ юный, бодрственный орелъ,
Ударилъ въ струны золотыя,
Съ земли далеко улетѣлъ,
Въ передней у вельможи сѣлъ,
И пѣсни дивныя, живыя,
Въ восторгѣ радости запѣлъ.

Безсмыслосъ.

СПб., 1832.

Новости политическія.

По причинѣ поздняго полученія иностранной почты, мы ничего не можемъ сообщить нашимъ читателямъ.

Афоризмы (*).

Изобрѣтательность человѣческая *торсватье* природы на выдумки, особенно, когда все дѣло зависитъ отъ одного навыка *пускать гусиное перо* по *широкому полю бумаги*. Нуженъ только чичероне, который-бы умѣлъ, не только *назвать имена*, но и *растолковать по родимымъ пятнамъ курьезныя свойства* всѣхъ многочисленныхъ и многоразличныхъ *издѣлій* пишущаго Человѣчества (*Телескопъ*, 1831, Т. I, стр. 115).

(*) Мы рѣшились собирать и вписывать въ нашу Газету всѣ рѣзкія, прекрасныя идеи, которыя найдемъ въ сочиненіяхъ современныхъ Русскихъ писателей. Такимъ образомъ составимъ мы для потомковъ, да и для тѣхъ современниковъ, которые лѣнятся читать много, *духъ* и современнаго намъ просвѣщенія образованности. *Изд. Муравья.*

Что хорошаго въ поэмѣ Козлова: *Безумная?* — »Безумная, *какъ идеальное лицо*, изображена прекрасно. *Фантастическое скитаніе* разстроенныхъ мыслей, *порываемыхъ бурною силою клокочущей страсти*, представлено также мастерски (*Телескопъ*, Т. I. стр. 117).

Кажется, будто Поэзія наша нѣсколько дремлетъ; но сія *дремота прерывается* нерѣдко пламенными *грезами*. Жизнь поэтическая *просіяваетъ* въ нихъ, болѣе или менѣе яркими *блестками*.... *Прозѣ Изящной* сооруженъ величественный памятникъ въ *Исторіи* Государства Россійскаго, памятникъ, *объ* который время изломаетъ *свою косу!*... Для насъ *зачинается* эра *живой* народной Словесности, ибо мы имѣемъ — *Басни Крылова* и *Юрія Милославскаго* (Телеск. Т. I, стр. 45).

Характеристическая черта 1830 года *отличится* въ лѣтописяхъ нашей Литтературы, не какъ начало новой жизни,

но какъ послѣдняя, высшая степень *лихорадочнаго пароксизма*, долженствовавшаго *приготовить переходъ* нашей *младенчествующей* Словесности къ *зрѣлой возмужалости*. Природа физическая *возобновляетъ себя* бурями и землетрясеніями: для *природы* нашей *литтературной* необходимы также періоды бурь и *сотрясеній*, чрезъ *посредство коихъ* всѣ *тлетворныя нечистоты, накопившіяся въ ея недрахъ*, должны *отдѣлиться, развѣяться*, и облегчить тѣмъ ей *путь къ дальнѣйшему преспѣянію*. Такъ и было въ послѣднія времена нашей Словесности. Лихорадка, *схваченная* ею въ неосторожныхъ прогулкахъ по чужеземной *слякоти, истрепала ее до горячечнаго сумасбродства*. Лютая желчь разлилась у ней во всѣхъ суставахъ, и только *судорожныя конвульсіи и дикіе вопли* были признаками ея жизни. Въ началѣ 1830 г. это болѣзненное разстройство находилось въ своемъ *апогеѣ* (*Телеск.* Т. I, стр. 578).

НОВОСТИ,

по части промышленности и торговли.

Въ то время, когда просвѣщеніе и образованность распространяютъ побѣды Промышленности и Торговли на всѣ царства природы, и на всѣ части свѣта, мы не отстаемъ отъ другихъ издателей Газетъ и Журналовъ, даже и такихъ, которые посвящены исключительно торговлѣ и промышленности. Постоянно сообщаемъ мы извѣстія о ходѣ и положеніи всемірной торговли, и важнѣйшихъ успѣхахъ по части фабрикъ и заводовъ. Въ то время, когда Англичане пролагаютъ новые пути среди льдовъ Сѣверной Америки, заселяютъ цѣлыя царства въ Австраліи, роютъ пути подъ рѣками, захватываютъ торговлю Леванта, проникаютъ въ Африканскія пустыни пароходами по Нигеру, пробиваютъ горы чугунными дорогами, и перекидываютъ сіи дороги сверхъ долинъ — мы соревнуемъ ихъ подвигамъ, и прилагаемъ силы къ силамъ, чтобы га-

зенными извѣстіями поставить нашу промышленность и торговлю на ряду съ другими Европейскими промышленностями и торговлями. Такъ въ прошедшихъ нумерахъ нашего *Муравья*, мы сообщили читателямъ важныя извѣстія о просѣваніи сора на волочильныхъ фабрикахъ, новыми, механическими снарами; объ употребленіи соломы, вмѣсто тренья, для бумаги; о новоизобрѣтенномъ способѣ наводить на фарфоровыхъ чашкахъ золотыя полоски; о новомъ способѣ смачивать табакъ въ табакеркѣ, когда онъ очень высохъ, и о машинкѣ, которою качать можетъ высморкать носъ, не оставляя своей работы. Не менѣе важны и полезны для нашихъ соотечественниковъ извѣстія о торговлѣ рогожами между Лаосомъ и Сіамомъ; о числѣ кораблей, ежегодно приходящихъ изъ Японіи въ Новую Зеландію; о количествѣ чая, ежегодно потребляемаго Канпонскимъ Губернаторомъ, и о синей краскѣ, которую извлекаютъ на островѣ Еимео, изъ кореньевъ растѣнія, называемаго: *Австралійный пырей*. Не наша вина, если промыш-

лешники и торговцы не читаютъ нашего *Муравья*, и не пользуются свѣдѣніями и извѣстіями, въ немъ помѣщаемыми.

Теперь получили мы, съ послѣдней Лейпцигской ярмарки, десять маленькихъ брошюрокъ, по части торговли и промышленности, написанныхъ отъ нѣчего дѣлать, или за нѣсколько грошей, разными Нѣмецкими студентами, и постараемся передать содержаніе ихъ читателямъ нашимъ.

Сѣнтимъ извѣстить также, что одинъ почтенный литтераторъ, сотрудникъ нашъ, занимается переводомъ съ Французскаго книги: *Руководство, какъ держать сапожнику шило, при строчкѣ сапоговъ въ рантъ*, и съ Нѣмецкаго языка переводитъ онъ драгоцѣнное и любопытное Руководство, какъ выдувать разноцвѣтные, мыльные пузыри.

Мангеймскій корреспондентъ пишетъ къ Издателю Аугсбургской Газеты, о вновь открывшемся предметѣ потребленія на Востокѣ. Турецкіе щеголи вздумали чистить зубы, послѣ купанья, особеннаго рода деревянными крючками. Такихъ крюч-

ковъ отправлено было въ прошломъ году изъ одного Мангейма болѣе 2,000, и сотня ихъ продавалась въ Смирнѣ по 4 шалера и 2 гроша, когда въ Смирну обходящися они, съ провозомъ, не дороже 2 шалеровъ. Знаменитый Мангеймскій механикъ, Товія Іаковъ Цуккеръ, приготовляетъ теперь болѣе 100 дюжинъ такихъ крючковъ, по заказу Вѣнскаго торговаго дома, І. Х. Лейба-Гериковича.

Желательно, чтобы наши фабриканты воспользовались сею важною, и совершенно новою отраслью торговли. Они имѣютъ всѣ удобства дѣлать и отправлять зубочистки для Музульманскихъ щеголей. Къ одному изъ слѣдующихъ № *Муравья*, мы приложимъ рисунки оныхъ.

(*Продолженіе впредь*).

Отечественныя извѣстія.

По извѣстіямъ изъ Москвы, на тамошнемъ театрѣ вновь играли, давно невиданныя пьесы: *Мужъ и любовникъ*, комедія; *Актеръ на родинѣ*, водевиль; *Гулянье перваго Мая въ Сокольникахъ*, диверти-

сманъ, и *Зефиръ, или вѣтренникъ, сдѣлавшійся (?) постояннымъ*, баленъ. Пишутъ, что едва доставало билетовъ, для всѣхъ тѣхъ, кто желалъ видѣть этѣ прекрасныя новости.

На Петербургскомъ театрѣ недавно давали новое, превосходное драматическое произведеніе: *Сальваторъ, атаманъ братьевъ невидимокъ, или разбойники въ скалахъ Мадонны* — ужасную драму! Воображаемъ себѣ восторгъ зрителей, при этомъ необыкновенномъ произведеніи. — Также не забыли тамъ вновь дать прелестный дивертисманъ: *Митавская ярмарка, или Филатка въ маскарадѣ.*

Вотъ новыя, замѣчательныя библіографическія явленія, поступившія въ продажу, въ разныхъ Московскихъ книжныхъ лавкахъ:

— *Обзоръ главнѣйшихъ происшествій въ Россіи*, съ кончины Петра Великаго, до вступленія на престолъ Елисаветы Петровны. Соч. Александра Вейдемейера. *Изданіе второе, исправленное и дополненное*, 8 части. СПб. 1832 года, въ т. Плюшара; цѣна на вел. бумагѣ 11 рублей.

Робертсоны и Гиббоны, Гизо и Тьерри — бездѣлки противъ сего великаго историческаго сочиненія: стыдно читать ихъ послѣ этой книги. Пусть читатели наши судятъ о достоинствѣ книги Г-на Вейдемейера потому, что менѣе нежели въ годъ вышло оной цѣлое изданіе, и напечатано уже второе.

— *Подарокъ матерямъ*, или искусство пособлять одолѣнному малюткѣ правильно и въ скоромъ времени говорить, а двухъ-лѣтняго учить читать по слуху. Соч. А. Гуслистаго. М. 1832 г. въ т. Кн. Львова. Цѣна 5 рублей.

Если нѣмыхъ учатъ говорить, то, какъ не пособить натурѣ-дурѣ, и не поучить говорящаго говорить скоро и правильно? *Читать по слуху* — намъ кажется, изобрѣтеніе очень остроумное. Не льзя-ли теперь придумать, какъ-бы *писать по обонянію*? Вотъ предметъ, который осмѣливаемся мы рекомендовать для новыхъ занятій Г-на Гуслистаго.

Ученыя извѣстія.

Г-нъ Шпудіусъ, Докторъ и Профессоръ Вирцбургскаго Университета, рѣшился наконецъ напечатать вторымъ изданіемъ свою небольшую книгу о достовѣрности твореній Петронія. Увѣряютъ, что книгопродавецъ Арнольдъ, въ Дрезденѣ, взялъ изданіе это на свой счетъ. Когда дождемся мы подобныхъ трудовъ отъ нашихъ Писателей? Когда и книгопродавцы наши станутъ отваживаться на изданіе подобныхъ книгъ, которыхъ хотя никто не читаетъ, но которыя, не смотря на то, сотнями выходятъ въ Германіи? Подобно товару, дорогому и малотребуемому, сіи книги составляютъ прочную литтературную славу народа. Пора, пора намъ ревновать сей славѣ, и показать свѣту своихъ Шпудіусовъ!

»Покажи мнѣ записную книгу твоихъ приходовъ и расходовъ, и я скажу, кто ты, и каковъ ты.« Такъ говорилъ одинъ умный человѣкъ. Бюджетъ Франціи на 1832 годъ невольно заставляетъ повторить

сіи слова. Изъ доходовъ Франціи, на Министерство Военное предположено истраститъ въ 1832 году, 107½ милльоновъ; на содержаніе Католическаго Духовенства около 34-хъ милльоновъ, а на воспитаніе народное — только *два съ половиною* милліона. Между тѣмъ Министерство Финансовъ истратитъ около 23-хъ милльоновъ, а на полученіе и сборъ 1000 милльоновъ дохода отдѣлено у Французскаго Правительства около 120 милльоновъ франковъ.

Объявленія.

1. Нижеподписавшійся, Русскій Литтераторъ, симъ честь имѣетъ извѣстить, что по заказу принимаетъ онъ на себя поставку оригинальныхъ Историческихъ романовъ, Романтическихъ трагедій, и передѣланныхъ на Русскіе нравы водевилей, романовъ, переведенныхъ съ Французскаго, и проч. За оригинальный Историческій романъ, въ 4-хъ томахъ, съ любовью, Русскими и мужицкими фразами, множествомъ собственныхъ именъ, и, по

крайней мѣрѣ, пятьюдесятью выписками изъ Исторіи Карамзина, и двадцатью описаніями нравовъ, обычаевъ и одеждъ, взятыми изъ книги Успенскаго — цѣна 300 *рублей ассигнаціями.* За Романтическую трагедію, съ совершеннымъ несоблюденіемъ единства дѣйствія, времени и мѣста, въ пятистопныхъ стихахъ, безъ риѳмъ— 100 рублей. За передѣланный водевиль, онъ доволенъ будетъ хорошимъ обѣдомъ и бутылкою Шампанскаго, а за переводъ романа съ Французскаго возметъ, съ перепискою его на бѣло, по 25 рублей за томъ. Онъ ручается, что все это поставитъ скоро, исправно, и въ самомъ новомъ, современномъ вкусѣ. У него-же продаются, по мѣлочи, разные Романтическіе стихи, какъ-то: отрывки изъ Трагедій, Комедій, Поэмъ, весьма годные въ Альманахи, и могущіе составить порядочную литтературную извѣстность; куплены для водевилей, гдѣ помѣщены совершенно новыя насмѣшки надъ судьями, женщинами и Журналистами; цѣлыя стихотворныя пьески, отъ 10 до 50 стиховъ, съ риѳмами, гдѣ изъясняются

разныя воспоминанія объ утраченной молодости, о бываломъ весельи, о глазахъ, рукахъ и ногахъ дѣвъ, о кипящемъ винѣ, о студенческой жизни, и проч. — Имѣетъ онъ также готовыя пьесы, писанныя къ разнымъ людямъ, въ разныя мѣста и по разнымъ дѣламъ, съ пробѣлами, гдѣ можно вставлять собственныя имена, и потому весьма удобно примѣнять и подносить ихъ, кому слѣдуетъ, или кому угодно. Спросить у нашего городскаго Ладвока, Г-на Вздорпортуева, или въ шракширѣ, подлѣ находящемся.

С. Рюлоскрытовъ.

2. Потребны въ отъѣздъ кучеръ, порядочнаго поведенія, садовникъ, знающій свое дѣло, *мусье* гувернёръ, изъ Нѣмцовъ, для хожденія гулять съ дѣтьми, и развлеченія ихъ чѣмъ нибудь дома, въ сырую и пасмурную погоду, а также *мадамъ*, или, по нуждѣ, *мамзель*, немолодыхъ лѣтъ, которая знала-бы Французскій языкъ, и могла говорить на немъ съ дѣтьми. Нѣжные и попечительные родители не пожалѣютъ денегъ, и готовы за-

платить Мусье рублей 300, а Мадамѣ даже до 500 рублей въ годъ. Адресоваться въ деревню Чадолюбову, къ тамошнему помѣщику Пустозвонскому.

3. Симъ вызываются подрядчики, на перепряжку трехъ перинъ и 6 подушекъ, и перебивку полудюжины стульевъ, новою кожею, съ мѣдными гвоздями; также потребны 2 палочки сургучу, дюжина перьевъ, и кусочекъ резиноласнику, для канцеляріи. Желающіе взять на себя сей подрядъ и сію поставку, могутъ являться къ торгамъ, первые 7, 14 и 21 числъ, и къ переторжкѣ 22 числа, а послѣдніе 8, 15, 23-го, и къ переторжкѣ 24 числъ текущаго мѣсяца.

4. Продаются обрывки старыхъ веревокъ, обломки колесъ, каретный, ветхій кузовъ, нѣсколько пучковъ мочалъ, или остатковъ рогожъ, что все опредѣлено, для сбереженія интереса, за излишествомъ, продать съ публичнаго торга. Торги назначаются, 1, 7 и 14-го числъ, въ присутствіи.

5 Въ книжной лавкѣ И. О. Шилобрит-

вина продаются слѣдующія, вновь отпечатанныя книги:

— *Новѣйшій, самый полный, подробный и самовѣрнѣйшій лекарь, хозяинъ, садовникъ, прачка, поваръ, сурчникъ, цырюльникъ, птицеловъ и землеудѣлецъ*, или энциклопедическое собраніе всѣхъ донынѣ неизвѣстныхъ секретовъ, по части городскаго и сельскаго хозяйства, извлеченный изъ сочиненій самолучшихъ и извѣстнѣйшихъ хозяевъ и агрономовъ, и расположенный удобнѣйшимъ образомъ, для употребленія помѣщиковъ, хозяевъ, поваровъ, прачекъ, цырюльниковъ, и проч. — Цѣна, за два тома, содержащіе въ себѣ до 300 страницъ, въ цвѣтной обверткѣ 5 рублей.

— *Нашествіе Батыя*, или героическій примѣръ любви и великодушія древнихъ Россіянъ. Историческій романъ XIII-го столѣтія, сочиненіе Н. Н. Безазова-Безбукина, въ 4-хъ частяхъ. Въ цвѣтной обверткѣ, цѣна 15 рублей.

Въ семъ романѣ, пламенными чертами изображено ужасное бѣдствіе отечества, при нашествіи Батыя, и героическое са-

мооотверженіе, какое древніе Русскіе Рыцари оказывали всегда, одушевленные патріотизмомъ, и мудрою любовью къ истинѣ и славѣ. Среди сей мрачной рамы, являетъ потомъ Авторъ читателямъ любовь и трагическую смерть Рязанской Княгини Евпраксіи, и основаніе города Зарайска, или Заразска. Балъ у Батыя, карусель у Георгія Всеволодовича, любовь Батыя къ Евпраксіи, и разные романсы и куплеты, которые сынъ Батыя сочиняетъ для Русскихъ красавицъ — суть мѣста истинно поэтическія и романическія

— *Недотыка*, Альманахъ, или карманная книжка для любителей и любительницъ Отечественной Словесности, изданная П. Пузырьковымъ и Ф. Безмысленнымъ, съ лубочною картинкою, изображающею Недотыку. Цѣна, на обверточной бумагѣ 10 руб. асс., а на сѣрой лучшей, или анти-веленевой, 15 рублей.

Сей Альманахъ содержитъ въ себѣ прозу и стихи извѣстныхъ авторовъ. Не означая здѣсь имень ихъ, мы означимъ только содержаніе главнѣйшихъ пьесъ.

Проза. Обзоръ Русской Литтературы за минувшій годъ. — Ома и Лукерья, Русская повѣсть. — Отрывокъ изъ романа: *Владиміръ Мономахъ, или взятіе Кафы.*—Письма къ другу, о томъ, что если дождь идетъ, то на улицахъ бываетъ грязно. — Бамбалыкъ-Камбалыкъ Эгорза. Татарская повѣсть. — *Стихи.* Гимнъ на побѣды Русскихъ. — Къ ней. — Мечта. — *Соловей Разбойникъ.* Русская Баллада. — Бывалому счастью. — Къ Филлидѣ (переводъ съ Португальскаго). — Отрывъ перевода Дантева *Ада*, двухъ-стопными стихами. — *Подражанія Древнимъ:* Другу—Собакѣ—Красавицѣ. — Отрывокъ изъ вольнаго перевода Шекспирова *Цимбелина.* — Къ Мирзѣ (переводъ съ Арабскаго), и проч.

6. Содержатель Городоваго Театра симъ объявляетъ, что завтра представлена будетъ трагедія: *Пожарскій;* за нею послѣдуетъ водевиль: *Гусарскія шутки, или у семи нянекъ дитя безъ глаза,* переведенный Г-мъ Гротевиковымъ. Въ заключеніе данъ будетъ *дивертисманъ*, гдѣ, для знатоковъ Драматическаго Искусства, вновь пріѣхавшій Цыганъ будетъ

плясать по Цыгански, а знаменитый гроттескъ Бреславскаго театра, Г-нъ Ширингеръ, представитъ комическую пантомиму *Чортова ступа* (Teufelsmörser), и будетъ ломаться и кривляться, а наконецъ станетъ объдать на слабо натянутомъ канатѣ. Г-нъ Ширингеръ немедлено послѣ сего уѣдетъ, почему содержатель театра надѣется, что знатоки постѣтятъ доставитъ на этотъ разъ театру хорошій сборъ, и насладиться искусствомъ Г-на Ширингера. А если кто нибудь изъ нихъ станетъ жаловаться, что подобныя зрѣлища годятся только для гаерскихъ балагановъ, а не для храма Таліи и Мельпомены, то содержатель симъ честь имѣетъ объявить, что его дѣло больше собрать денегъ, а о Драматическомъ Искусствѣ думай тотъ, кому угодно.

7. Приказнымъ служителемъ, М. П. Полушкинымъ, найденъ послѣ присутствія, забытый, неизвѣстно кѣмъ, снурокъ изъ тонкой тесьмы, 18 вершковъ въ длину, которымъ, вѣроятно, связаны были бумаги. Потерявшій сей снурокъ благово-

лишъ явиться въ присутствіе Суда, съ ясными о принадлежности спурка доказательствами. Надѣюся, что безкорыстіе нашедшаго конечно вознаградится приличнымъ даромъ.

ПАРИЖЪ
И
МОСКВА,
ВЪ
МѢЛКОЙ ЖИВОПИСИ НРАВОВЪ.

Мастерскою кистью изобразилъ остроумный Жаненъ *мѣлкую промышленности* Парижа. Присовокупивъ къ этому картину Поммье: *Парижскіе шарлатаны, чудеса и диковинки* — вы видите передъ собою Парижъ въ мѣлкой подробности нравовъ. Намъ показалось, что любопытно будетъ взглянуть въ сихъ отношеніяхъ на нашу матушку-Москву. Многимъ она неизвѣстнѣе Парижа; много особеннаго, своего, характерическаго, открываетъ такой взглядъ на нее. Тягаться дарованіемъ съ Жаненомъ мы не думаемъ, надѣясь, что и при недостаткѣ дарованія предметъ любопытенъ, поучителенъ, и можетъ заставить подумать.

Живописецъ.

*

ПАРИЖЪ.

O Paris! capitale du charlatanisme! ville de la piperie par excellence!

* * *

I.

МѢЛКАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ ПАРИЖА.

Парижъ набитъ такимъ промышленнымъ народомъ, который принадлежитъ только этому большому городу, и никуда не годится за его заставою. Это промышленность канавъ, перекрестковъ, чердаковъ и лужъ, промышленность удачи, у которой есть свои надежды, свои цехи, свое управленіе, промышленность лоскутьевъ, старыхъ гвоздей, битыхъ стеколъ, эпическихъ поэмъ и водевилей. Обо всемъ этомъ хочу я поговорить, не шутя, и съ уваженіемъ, ибо во всемъ этомъ могутъ быть, и есть, честность, трудъ, законныя потребности, все это даетъ средства жить цѣлымъ семействамъ, посылаетъ дѣтей въ училища, даритъ приданое дочерямъ, и часто—даже мѣстечко на кладбищѣ Отца Лашеза, если промышленникъ былъ богатъ, счастливъ, уважа-

емъ, и сдѣлалъ духовную не для неблагодарныхъ.

Мѣлкая промышленность владычествуетъ въ этомъ большомъ городѣ, который называютъ: *Парижъ*. Все такъ дорого въ немъ, всякое званіе, даже званіе самое ничтожное.... Сколько надобно денегъ, чтобы завести хоть маленькую лавочку, когда теперь нѣтъ никакой лавки безъ зеркалъ на стѣнахъ, и безъ конторки краснаго дерева! Хозяева домовъ въ Парижѣ такіе грубіяны; векселя теперь такъ трудно учесть! А между тѣмъ — надобно жить, и надобно, какъ нибудь, спасти себя отъ разпущенства и богадѣльни! Да здравствуетъ-же мѣлкая промышленность, безъ лавокъ, безъ свидѣтельствъ на торговлю, безъ спроса съ хозяевами домовъ, безъ векселей, безъ барышей, промышленность на чистомъ воздухѣ, ходячая, опустившая руки въ карманы, съ корзиною на спинѣ, или небрежно раскинутая на уголкѣ улицы, промышленность бродящаго торговца, поджидающая мимоходящаго покупателя! Въ часъ по полуночи, когда весь Парижъ засыпаетъ, кое-

какъ, наскоро, съ угрызеніями совѣсти, или развлекаемый мгновенными наслажденіями, засыпаетъ, точно такъ, какъ будто домовой давитъ его, начиная со стукомъ каретъ и оканчивая съ крикомъ разнощиковъ — слышите-ли вы на рынкахъ чрезвычайно дѣятельное движеніе? Тамъ не спятъ. Мѣлкая промышленность работаетъ. Со всѣхъ сторонъ, съ маленькими тѣлежками, собирается торговый народъ, который цѣлый день потомъ производитъ торговые обороты лукошкомъ картофеля, дюжиною связокъ моркови, пучкомъ луку, нѣсколькими дюжинами яицъ. Пока большіе торговцы съѣстными припасами остаются неподвижно на своихъ мѣстахъ, надмѣнно поджидая поваровъ изъ знатныхъ домовъ, или горделивыхъ кухарокъ купеческихъ — вотъ движется мѣлкая промышленность, рано вставшая, и доставляетъ пошу и бѣдняку дневное пропитаніе. Безъ моркови, картофеля и полу-свѣжихъ припасовъ мѣлкой промышленности, бѣдняки умерли-бы съ голода. Имъ нѣкогда идти на рынокъ, гдѣ все могутъ они достать

лучше и дешевле; они сидятъ на своемъ нижнемъ этажѣ, ждутъ судьбы своей, не только на каждый день, но даже на каждый часъ. Такъ созданъ великій Парижъ, работающій и ожидающій. Вся жизнь впоросшепеннаго Парижа проходитъ въ покупкѣ обѣда у перекупщика. Утромъ, когда молочница приготовила свое молоко, и величественно возсѣла подлѣ своей собачки и своего жестянаго кувшина — посмотрите, какъ идутъ къ ней цѣпочкою — женщины, небрежно одѣтыя, полусонныя, съ платками на головахъ; дѣвочки, замѣняющія матерей, дрожащія отъ холода, съ растрепанными волосами; горничныя служанки, тяжелые холостяки, насмѣшливые слуги, должностные люди — хоть имъ и совѣстно показаться въ этой разноцвѣтной толпѣ. Шумный рой этѣхъ голодныхъ пчелъ окружаетъ жестяной кувшинъ; молочница обдѣляетъ каждому его долю, скупою рукою, и обдѣленіе это продолжается до самаго полудня. Но знаете-ли, что эта молочница никогда не доитъ своей коровы? У нея даже и нѣтъ коровы, такъ-же, какъ

у этой торговки яицами нѣтъ ни одной курицы: все, что перепродаютъ онѣ, все это онѣ сами перекупили, и мужья ихъ, дѣти ихъ, совсѣмъ не земледѣльцы, не мызники: сынъ молочницы писаремъ у маклера, а мужъ караулитъ палки и шляпы въ игорномъ домѣ!

Но вотъ — полдень. Проснулся Парижъ: шумъ восходитъ до небесъ, все движется, и мѣлкая и крупная промышленность соперничаютъ. У всякаго занятія въ Парижѣ есть свой соперникъ, и своя карикатура. Высоко или низко, честно или безчестно, позволено или запрещено какое нибудь занятіе — только потщите прилежнѣе — и вездѣ найдете вы, подлѣ оборотовъ, основанныхъ на огромнѣйшихъ капиталахъ, обороты мѣлкіе, торговлю маленькую, купца разнощика. Взгляните пристальнѣе на Парижъ: подлѣ Восточной шали — вѣчнаго предмета насмѣшекъ для водевилистовъ — продаются шали Терно; подлѣ шалей Терно — обновленные лоскутья ветхаго туалета знатной дамы; подлѣ нихъ, еще ниже — торговка съ картономъ въ рукѣ, гдѣ найдете вы

испаскапныя кружева, изношенныя платья, и — даже чепчикъ распутной женщины! Мѣлкая промышленность настоящій Ироней: она ни отъ чего не краснѣетъ, гнется и перегибается на всѣ лады, готова раздѣться до нага, чтобы потомъ ее одѣли, за это готова, если надобно, валяться въ грязи, не боится никакого стыда, никакого рестовщичества, скользитъ повсюду, сплетничаетъ вездѣ, толкаетъ, давитъ, не спитъ ни днемъ ни ночью, готова морить, и плясать, какъ ей велятъ. Вы слыхали о Браминѣ, пятнадцать лѣтъ глядѣвшемъ на свой носъ, въ фанатическомъ изступленіи, безъ сна, безъ ѣды, безъ питья? Въ Парижѣ, за самую бездѣльную плату, возмутся выполнить вамъ ролю этого Брамина, потому, что всѣ подобныя вещи перешли теперь въ область самой мѣлкой промышленности.

Но, пойдемъ-те погулять по городу. Выходя изъ дома, вамъ необходимо надобно пройдти мимо каморки дворника (la loge du portier). Это жилище — родъ вна-

дины, въ нижнемъ этажѣ, въ которую иной пожалѣетъ помѣстить свою собаку, если она порядочная собака. Вообразите себѣ пространство въ 7, 8 футовъ—никакъ не болѣе! И тутъ иногда обитаетъ цѣлое семейство: отецъ шьетъ башмаки, мать чинитъ романы, дочь, въ надеждѣ вступить на сцену Французскаго Театра, декламируетъ стихи, старшій сынъ, будущій композиторъ Амбигю, играетъ на скрыпкѣ, младшій, опредѣленный уже теперь краски у Делакруа, или готовитъ мѣдныя дощечки у Жоганно, отдыхаетъ послѣ работы. И весь этотъ міръ художниковъ живетъ тутъ, мыслитъ, работаетъ, творитъ, обуревается страстями, и все это дѣлаетъ онъ мимоходомъ, оберегая домъ, и поднимая дверную защелку, при первомъ звонѣ колокольчика въ воротахъ. Знаете-ли вы, гдѣ гнѣздятся всѣ эти люди? Когда появились на бѣлый свѣтъ всѣ эти дѣти, какъ они выросли, какъ нашли они *victum* и *vestitum*, въ затруднительномъ своемъ положеніи? Отецъ семейства получаетъ за свою должность 300 франковъ жалованья, и — все

шунъ. А между тѣмъ дѣти воспитываются, у отца ихъ есть два фрака, у матери мериносовое платье, у дочери золотая цѣпочка, у старшаго сына пара сапоговъ. Чудо промышленности, терпѣнія, труда и непоколебимой воли! И это чудо найдете вы подлѣ воротъ каждаго порядочнаго дома въ Парижѣ.

Но я не задержу васъ долго у воротъ. Вы выходите. Поберегитесь — не толкните этого человѣка, который согнулся подлѣ канавы. Это *царапатель* (regratteur): онъ царапаетъ и перечищаетъ грязь на мостовой. Не лоскутьевъ ищетъ онъ, не собираетъ сора съ каменьевъ, не ловитъ клочковъ старой бумаги, носимыхъ вѣтромъ: лоскутья, соръ, старыя бумаги, все это товары слишкомъ высокіе для нашего промышленника! Онъ стоитъ гораздо ниже. Просто: онъ ищетъ гвоздей, выпадающихъ изъ лошадиныхъ подковъ, или кусочковъ желѣза, которые треніе по мостовымъ выбиваетъ изъ колесныхъ шинъ. Онъ перемываетъ городскую грязь, этотъ трудолюбивый человѣкъ, такъ, какъ другіе человѣки перемы-

ваютъ золотоносный песокъ Мексиканскій; онъ счастливъ, если найденъ какой нибудь безголовый гвоздикъ, какъ счастливъ бываетъ Бразильскій Негръ, когда найденъ дорогой алмазъ. Посмотрите на него: какое тягостное положеніе! Какъ онъ нагнулся надъ своею добычею! Какъ играетъ онъ съ Фортуною! Сколько волненія въ душѣ его! Какъ сильно бьется его сердце! Бѣднякъ — увы! рудникъ неизобиленъ! Іюльская революція отослала много лошадей на пашню, и столько каретъ уничтожила, что съ трудомъ теперь царапатель улицъ находитъ, съ чѣмъ идти ему за городъ, прогулять воскресенье и понедѣльникъ за заставою. Въ бывалыя времена, онъ оставался тамъ и на вторникъ!

Когда вы побереглись отъ царапателя, и отъ грязи, которую разбрасываетъ онъ на всѣ стороны, съ вами, лицомъ къ лицу, сталкивается *коммиссіонеръ квартала* (commissionaire du quartier).

Этотъ коммиссіонеръ обыкновенно бываетъ здоровый весельчакъ, съ широкою грудью, черноволосый, съ огромными пле-

чами. Видя его, чувствуете, что это человѣкъ на своемъ мѣстѣ, который никому не долженъ, которому должны многіе, и у котораго есть маленькій запасъ на черный день. Кто такой, и что такое этотъ *комиссіонеръ?* Это, для меня мой слуга; для васъ вашъ слуга; для всѣхъ — слуга всякому. Онъ принадлежитъ ко всѣмъ домамъ кварпала; въ каждый домъ входитъ, изъ каждаго выходитъ онъ свободно. Его зовутъ зимою пилитъ дрова; лѣтомъ выноситъ цвѣты на воздухъ; ему даютъ отнести письмо, или записку; онъ садится на козлы, и правитъ лошадьми, когда вы хотите ѣхать на встрѣчу вашей супругѣ, а кучеръ вашъ напился пьянъ. Его имя всѣмъ извѣстно. Всѣ знаютъ откуда онъ, сколько ему лѣтъ, сколько лѣтъ его отцу и матери. Онъ другъ кухаркѣ, врагъ дворнику, независимъ, какъ слуга, у котораго много господъ, дѣятеленъ и уменъ, какъ земледѣлецъ, засѣвающій свое поле; онъ дѣлаетъ много, дѣйствуетъ мало, шагомъ исходитъ онъ всякій день нѣсколько миль, и никогда, ничего, никому лишняго не ска-

жетъ. Скромный, трезвый, всегда готовый въ дорогу, всегда готовый услужить, онъ равно услуживъ въ дѣлѣ и въ шалости. Парижская улица не была-бы полна, если-бы на ней не было коммиссіонера, овощной лавочки и виннаго погребка.

Далѣе, на Новомъ мосту, или на Гревской набережной, безъ лавокъ, безъ свидѣтельствъ, только съ значками, толпится цѣлое населеніе промышленниковъ, всегда занятыхъ, во всѣхъ направленіяхъ ходящихъ между толпою, и никому не мѣшающихъ. Одинъ, облокотясь на свою скамеечку, проситъ васъ, за копѣйку, позволить ему возвратить блескъ вашей затмившейся обуви. Другой, хриплымъ голосомъ, зоветъ вашу собачку, и, во чтобы то ни стало, хочетъ остричь ее. Испуганная собачка ваша, съ лаемъ, прижимается къ вамъ, а между тѣмъ—вотъ продаютъ вамъ сѣрныя спички, вотъ предлагаютъ булавки, а этотъ старикъ питается продажею ячменнаго сахара! Посмотрите на эту широкую кумушку: она носитъ на себѣ цѣлую кухню; тутъ у нея печь, готовая жарить, говядина,

готовая быть изжаренною, и жаркое во всѣхъ видахъ. На десять шаговъ вокругъ разносится запахъ отъ жирной колбасы, золотовиднаго картофеля, котлетки изъ свѣжей свинины — лакомыхъ кушаньевъ Гревской площади! Но что я говорю? Прелестный мерланъ, камбала, гужонъ — кушанья, годныя для общества болѣе избраннаго, поочередно зовутъ къ себѣ алчущаго прохожаго. Мясная лавка ходитъ рядомъ съ кухнею; подлѣ нея свѣжая рыба, готовая въ походной кухнѣ замѣнить изжаренную. Часъ по полудни. Парижанину пора приниматься за завтракъ. По утру онъ выпилъ уже чашку сливокъ; въ полдень надобно ему съѣсть на четыре копѣйки картофеля, или чего нибудь жаренаго, которое подаютъ ему въ печатномъ листочкѣ. Онъ съѣдаетъ свою порцію на чистомъ воздухѣ, облокотясь на мостовыя перилы, смотря на штуки мимоходящаго фокусника, и между тѣмъ можетъ пробѣжать политическія новости и литтературныя извѣстія. Такимъ образомъ, всѣ наслажденія соединены въ одно время, въ одинъ, блаженный для Па-

рижанина часъ. Вода журчитъ въ рѣкѣ, солнце свѣтитъ на небѣ, пичка поетъ въ ближнемъ домѣ набережной *des Orfèvres*, лодочникъ наигрываетъ пѣсню, жаркое шипитъ, и политическія новости вчерашняго дня къ его услугамъ. Еще три дня пройдетъ, пока эти новости долетятъ до жителя близъ воротъ Марсельскихъ, и онъ прочитаетъ, вставши по утру, то, что прочиталъ уже мимоходомъ ремесленникъ на набережной Гревской, за походнымъ своимъ обѣдомъ.

Не думайте, чтобы вся эта промышленность годилась вездѣ и для всякаго. Нѣтъ! мѣлкая промышленность Парижа есть достояніе только Парижанина; она годится только для Парижа; только Парижанинъ пойметъ ее, полюбитъ, сумѣетъ оцѣнить настоящею цѣною всѣхъ этихъ мѣлкихъ торгашей! Мѣлкій торгашъ есть созданіе существенно-Парижское, необходимость существенно Парижская. Только Парижанинъ умѣетъ остановить, въ палящій лѣтній зной, добраго продавца *коко*, разговориться съ нимъ, пока онъ вытираетъ свой посеребреный стаканъ, заставить

налитъ его вровень съ краями, и выпивъ свой участокъ, и наговоривъ съ этимъ добрякомъ, по крайней мѣрѣ, на два су, потребовавъ отъ него сдачи съ десяти сантимовъ. Продавецъ, добрый малый, улыбается, сдаетъ два сантима съ пяти, и, учтиво раскланявшись, начинаетъ снова кричать свое: *coco à la glace!* Настоящее Провидѣніе жаждущихъ солдатъ и пятекъ!

На мѣстѣ Парижанина, вообразите себѣ какого нибудь провинціала, съ его презрительною улыбкою, приховливаго и избалованнаго. Онъ гордо пройдетъ мимо благодѣтельнаго напитка, не захочетъ отвѣчать на ласковое привѣтствіе старой Гебы, призывающей его, и черезъ часъ послѣ того засядетъ въ какомъ нибудь дрянномъ трактирѣ, портитъ желудокъ кружкою тяжелаго пива.

Одинъ только Парижанинъ, только онъ одинъ въ цѣломъ мірѣ, умѣетъ говорить съ рыбною торговкою, быть ласковымъ съ торговкою устрицами, и не разсердить ходячей кухарки, торгуясь съ нею. Парижанинъ образованъ, учтивъ, говоритъ тихо, избѣгаетъ всякаго несогласія, и—въ

тоже время, онъ ни онъ чего не краснѣетъ: середи бѣла дня волочится за *грязткою*, которая нравится ему; середи улицы обѣдаетъ; свободно заходитъ къ погребщику и пьетъ: это Діогенъ, умывшій руки свои миндальнымъ мыломъ. Не думайте, чтобы таковъ былъ провинціялъ — о, нѣтъ! провинціяльный житель стѣсивъ — это образчикъ избалованнаго чудака. Онъ презираетъ легкими удобствами жизни. Я показалъ вамъ, какъ онъ хотѣлъ лучше умереть отъ жажды, нежели выпить на улицѣ стаканъ коко. Посмотрите теперь, какъ входитъ онъ въ одну изъ тѣхъ вонючихъ гостинницъ, гдѣ обѣдаютъ за 24 су съ человѣка. Провинціялъ нашъ величаво садится за столъ холодно-опрятный. Онъ глотаетъ свои четыре блюда, не говоря ни слова, и послѣ тоненькаго куска говядины, заячьей похлѣбки, негодной яичницы, чего нибудь молочнаго, и какихъ нибудь глотковъ жидкаго, онъ выходитъ, съ угрюмымъ видомъ, съ пустымъ желудкомъ, съ началомъ несваренія, и не понимаетъ, что на Гревской площади, или на

какомъ нибудь красивомъ бульварѣ, весело и шутя, пообѣдалъ-бы онъ на половину истраченныхъ имъ денегъ. Что дѣлать! Когда провинціялъ обѣдаетъ, то хочетъ, чтобы первое блюдо его было салфетка и серебряная ложка.

Парижанинъ, лѣтомъ живущій на открытомъ воздухѣ, дышащій, наслаждающійся солнечнымъ сіяніемъ, зимою грѣется въ галлереяхъ Пале-Рояля, и на каждый часъ у него своя забава, за каждымъ шагомъ подстерегаетъ его толпа рабовъ, готовыхъ исполнять всѣ его желанія, при малѣйшемъ знакѣ. Парижанинъ позволяетъ себѣ быть столько счастливымъ, сколько хотятъ сдѣлать его счастливымъ. У него нѣтъ никакихъ заботъ въ жизни. Для него придуманъ лабиринтъ промышленности, который испугалъ-бы всякаго другаго. Если только Парижанинъ захочетъ, то ему дадутъ на копѣйку сахару, продадутъ крылушко дичины, ножку куропатки, головку фазана. У Парижанина есть все, чего онъ хочетъ. Скажите, гордые богачи земные: что такое есть у васъ, чего не было-бы у него?

Этотъ беззаботный шалунъ веселъ, такъ какъ вы, добръ, какъ вы, богатъ, какъ вы. Вы надѣваете газовое ваше платье, госпожа Герцогиня; вы небрежно кидаете розу въ ваши волосы; прелестная лента окружаетъ вашу талію. Но завтра, а, можетъ быть, еще и сегодня, цвѣточница Женни надѣнетъ ваше газовое платье; небрежно переброситъ въ свои волосы цвѣтокъ съ вашей головы; ваша лента обхватитъ талію Женни — только она принуждена будетъ подвинуть далѣе по лентѣ пряжку — у нея талія лучше вашей.

Такъ бываетъ со всѣмъ тѣмъ, что дѣлается, работается, изобрѣтается въ Парижѣ, и ввозится въ Парижъ. Вся эта работа, вся эта изысканность, вся эта роскошь — для Парижанина. Призываютъ Шнауба, заказываютъ ему пару платья, выбираютъ шелковистую ткань, назначаютъ цвѣтъ пуговицъ, качество подкладки, надѣваютъ къ этому платью жилетъ, привезенный изъ Англіи, и сапоги работы Сакосскаго; шляпа къ этому наряду вѣситъ едва три унціи. Прекрас-

но, милый *данди*! Спускай на тыпку въ твоемъ новомъ плаще, жми ноги твоими сапогами, задыхайся въ твоемъ жилетѣ, и держи въ рукѣ твою тяпку, боясь испортить прелестную уборку твоихъ волосовъ. — Черезъ восемь дней послѣ того, идетъ продавецъ стараго платья.— *Старое платье! Старое платье! Купите платья, продайте платья!* — О Сакосскій! О Шпаубъ! ваши сапоги, правда, немного поразношенные, переходятъ на ноги тюрганта конпра-марками; ваше платье надѣто на фигуранта Театра Гимназіи, которому платятъ по 20 су въ день, съ условіемъ, что онъ всегда будетъ чисто одѣтъ!

Кстати, я упомянулъ о тюрганѣ конпра-марками и фигурантѣ Театра. Поговоримъ объ нихъ.

Продавецъ конпра-марокъ есть торгашъ драматическими удовольствіями для Парижанина. Парижанинъ, какъ вообще знатные люди, имѣетъ полную привиллегію ходить въ театръ даромъ, и это дѣлается слѣдующимъ образомъ: первую пьесу сыграли; богачъ пришелъ — ему

скучно — онъ дремлетъ, и идетъ вонъ. Онъ бросаетъ просто, или продаетъ контра-марку свою спекулянту, который за нимъ только и стоялъ у несгаральныхъ дверей. Тотчасъ подбѣгаетъ къ нему и покупщикъ, или торгашъ самъ сыскиваетъ покупщика. »Угодно-ли видѣть, какъ танцуетъ Г-жа Дюпонъ? — Угодно-ли видѣть игру дѣвицы Жоржъ въ 5-мъ актѣ? — Одна начинаетъ, и онъ сегодня прелестенъ! Не угодно-ли?« — И вотъ мой Парижанинъ, съ сигаркою въ зубахъ, размышляетъ, небрежно торгуется, беретъ контра-марку, и за цѣну свѣчки, которую надобно-бъ было сжечь ему въ это время, если-бы онъ остался дома, видитъ все лучшее въ спектаклѣ, пренебреженное богачемъ. Вотъ онъ апплодируетъ, смѣется, свищетъ, забавляется— для него только существуетъ Опера въ Парижѣ, для него только процвѣтаютъ Искусства и Поэзія во Франціи. — Счастливый человѣкъ! Онъ всталъ беззаботно, и съ утра готовъ у него обѣдъ — для него курица нанесла яицъ, корова надоила молока, коммиссіонеръ принесъ свои

крючки, чистильщикъ сапоговъ пригоновилъ лучшую ваксу, портной сшилъ прекрасныя планья, которыя вы видите — для него работаютъ подрядчики, освѣщаются лавки, открываются театры. Счастливое, при краны счастливое дѣйствіе мѣлкой промышленности Парижа!

Мѣлкая промышленность есть Провидѣніе небогатаго Парижанина. Она спасаетъ его отъ скуки и отчаянія; она сравниваетъ состояніе его со всѣми состояніями въ мірѣ; она даетъ ему средства удовольствоваться всѣ свои желанія. Мѣлкой промышленности Парижанинъ одолженъ своимъ благосостояніемъ, своимъ домомъ, своими слугами, своимъ экипажемъ. Давно-ли еще, кромѣ всего другаго, мѣлкая промышленность предложила всякому Парижанину огромныя кареты, въ двѣ, въ три лошади, всегда готовыя къ его услугамъ, всегда готовыя изъѣздить Парижъ во всѣхъ направленіяхъ? Беззаботный, лѣнивый добрякъ Парижскій! ты ни о чемъ не думалъ, а мѣлкая промышленность взялась за тебя хлопотать: придумала

ливреею для омнибусовъ, установила число и цѣнъ лошадей, заботилась о всѣхъ мѣлочахъ своего экипажа. И вы, конечно, повѣрите, что когда Парижанинъ важно разлежется на мягкихъ подушкахъ омнибуса, и горделиво обопретъ подбородокъ на костяной набалдашникъ своей трости, право, ему нѣчего завидовать своему сосѣду, прежде бывшему Маркизу, который, желая ѣздить въ каретѣ, долженъ купить лошадей, нанять сарай и конюшню, заплатить кучеру и лакею, пригонять сѣна, и—не смотря на то — всего чаще ѣздитъ въ наемномъ фіакрѣ.

Благодаря мѣлкой промышленности, нѣтъ въ Парижѣ ни одной вещи, у которой не было-бы двухъ цѣнъ, двухъ крайнихъ цѣнъ, самой высокой и самой низкой: средины не бываетъ, хотя, очень часто, высокая и низкая цѣна, въ сущности своей, одно и тоже. Такъ продаютъ дичину на Новомъ бульварѣ, и у Г-жи Шеве; играютъ въ рулетку въ *залѣ Принцевъ*, сплошь раззолоченной, великолѣпной пещерѣ, гдѣ совершается раззоре-

ніе столькихъ несчастливцевъ—играютъ въ рулетку и на Новомъ мосту. Если Итальянскій бульваръ гордится Оперою, бульваръ Турецкой кофейни обладаетъ также Оперою, и болѣе нежели Оперою: тамъ плясуны по канату, и Дебюро — чудный кривляка! Ахъ, Боже мой! Кто можетъ сказать, что на балахъ въ улицѣ Анфенской менѣе веселья, нежели на балахъ въ улицѣ Куртинъ? Какую разницу находите вы въ побѣдѣ надъ кокеткою, закутанною въ ленты и шелки, и въ преслѣдованіи *гризетки*, черноглазой, ловкой, съ маленькою ножкою? Да, *Гризетка* настоящее Парижское созданіе, полузавядшій цвѣтокъ Парижской корзины, честь садовъ и великолѣпныхъ магазиновъ Парижа, поэзія Парижскаго студента, что-то милое, чего не льзя назвать ни порокомъ, ни добродѣтелью: это мѣлкая промышленность, веселая, рѣзвая, беззаботная, созданная для Парижа, и только въ Парижѣ могущая быть осуществленною! Да, да, понимаете-ли, что порокъ и добродѣтель, страданіе и наслажденіе, любовь и раская-

ніе, вездѣ и во всемъ — для Парижанина одно и тоже.

Парижанинъ уравненъ со всѣми, кто-бы ни пріѣхалъ жить въ его городъ: онъ уравненъ забавами, счастіемъ, любовью. Онъ раздѣляетъ всѣ праздники, всѣ наслажденія, всю роскошь. Разница, что сдѣлавшись боленъ, одинъ лежитъ въ своей постелѣ, другой въ больницѣ; но и здѣсь уравненіе: лекарство одно и тоже, и въ чертогахъ богача и въ больницѣ, лекарь одинъ и тотъ-же. Между чертогами и больницею не колеблется въ визитахъ своихъ славный Дюпюитренъ, и еще, напротивъ, къ Парижанину, къ Парижскому Парижанину, больному въ его госпиталѣ, онъ спѣшитъ прежде богачей.

И не только мѣлкая промышленность прилагается къ необходимостямъ жизни, къ потребностямъ роскоши, которыя также необходимость — нѣтъ! она вездѣ, она заботится о самыхъ странныхъ прихотяхъ, самыхъ неожиданныхъ требованіяхъ сердца и ума человѣческаго, о тѣхъ требованіяхъ, которыя могутъ прійдти въ голову только богатаго и сильнаго

человѣка, которыя въ другихъ земляхъ позволяетъ себѣ только богачъ, и которыя позволяетъ себѣ Парижанинъ въ Парижѣ, всегда, вездѣ, безъ всякой причины, только потому, что онъ знаетъ о томъ чего хочетъ, хочетъ потому, что знаетъ: ему одно время для жизни, и онъ Парижскій Парижанинъ.

Напримѣръ: Катерина хочетъ писать къ Ивану, который находится въ Шарпирѣ. Катерина не знаетъ грамотѣ. Но за четыре копѣйки, Катерина посылаетъ къ Ивану письмо, прекрасно написанное, пречувствительное, безъ ошибки въ правописаніи, на веленевой, раздушенной бумагѣ, запечатанное сургучною печатью съ гербомъ. Пріятель Ивана, когда Иванъ получитъ это письмо, не шутя спрашиваетъ его: не новая-ли Г-жа Севинье пишетъ къ нему? — Еще примѣръ: у васъ есть дядюшка, Членъ Филотехническаго Общества, и этотъ дядюшка любитъ стихи? За день до именинъ его, заплатите пятнадцать копѣекъ, и — вы получите прекрасную пѣсню, сочиненную нарочно для дорогаго вашего именинника.

И въ этой пѣснѣ будетъ его имя, и оно будетъ рифмоваться съ послѣдующими стихами, если вы не пожалѣете прибавить еще пять копѣекъ. Знаете-ли вы, что въ Парижѣ есть театръ, подлѣ Люксембургской рѣшетки, гдѣ какой-то Маркизъ, за 12-ть франковъ, сочиняетъ цѣлый водевиль, и съ куплетами? За мелодраму беретъ онъ по 25-ти франковъ, и недавно заплатили ему за модную пьесу изъ жизни Наполеона — сорокъ франковъ!

Есть люди, которые продадутъ вамъ четверть мелодрамы, играемой на театрѣ *Амбигю*. На набережной *aux Volailles*, вы найдете кучу писателей, составляющихъ цѣлый томъ романа за билетъ въ 50 франковъ. Они учтутъ этотъ билетъ своему книгопродавцу, по 15 на сто, и когда романъ явится въ свѣтъ, то окажется, что книгопродавецъ не въ большихъ барышахъ отъ ихъ работы.

Цѣлое семейство живетъ въ нижнемъ этажѣ, въ самомъ нездоровомъ мѣстѣ Парижа. Смотря на членовъ этого семейства, никакъ не угадаете: какимъ ремесломъ занимаются всѣ они? Всѣ они вы-

ходятъ изъ квартиры своей въ извѣстное время дня. Всѣ они презираемы своими сосѣдями. Въ кануру свою возвращаются они позднею ночью, что-то учатъ, чему-то учатся. Когда глава семейства выходитъ, то увлекаетъ съ собою всѣхъ — и стараго отца своего, и больную мать — даже маленькое дитя, въ колыбели, не бываетъ забыто — и иногда даже собаченка Азоръ, и сорока Марго, составляютъ товарищей его прогулки. Что за Цыганское семейство? Узнайте, что глава семейства есть театральный *фигурантъ*. Вся жизнь его проходитъ въ томъ, что онъ представляетъ безмолвныя роли, никогда не достигая до званія актера, никогда не думая произнести хотя-бы одно слово на сценѣ. И знаете-ли, что этотъ человѣкъ перенесъ въ жизни своей всѣ ужасы, всѣ страданія Драмы? Да, именно: когда Римляне были въ модѣ на театрѣ, онъ, Римлянинъ, въ тогѣ и пурпуровомъ плащѣ, простудилъ правую руку, потому, что являлся съ голыми руками на сцену. Крестьяне, эти добрые *Колены* Комической Оперы, были нагуб-

ны его лѣвой ногѣ, потому, что онъ выбѣгалъ при этихъ роляхъ на сцену въ шпенькихъ, перкалевыхъ панталонахъ, съ синими и розовыми бантиками на колѣнахъ. Появленіе Шиллеровыхъ *Разбойниковъ* во Франціи было также роковою эпохою его жизни. Драки разбойниковъ на сценѣ надѣлали ему много бѣдъ: однажды разрубили ему голову деревянною саблею; въ другой разъ выстрѣлили ему цѣлый пистолетный зарядъ въ лицо. Потомъ пошли и поползли по театрамъ чудовища, дьяволы, адскіе огни — и ему надобно было мазаться краснымъ и чернымъ цвѣтомъ, являться съ змѣями въ рукахъ, бросаться въ бездны подпольныя. Между тѣмъ Природа болѣе и болѣе требовалась въ Драмѣ: его заставили ѣздить по сценѣ на лошади, его вспанцили на крышу горящихъ домовъ, велѣли ему изломать всѣ свои члены, покрыли его ранами и болячками, клеймили его горячимъ желѣзомъ, сѣкли плетьми. Напослѣдокъ, когда онъ такихъ усовершенствованій театры начали пустѣть, сбавили плату несчастнаго фигуранта, заставили его самого, на

свой счетъ, покупать бѣлилы, румяна, сажу, что все прежде выдавалось ему даромъ. Тутъ надобно ему было прибѣгнуть къ другимъ средствамъ. Фигурантъ размножилъ ихъ всѣми манерами: онъ выпацилъ на сцену жену, дѣтей, вывелъ сестру, брата, одѣлъ стараго отца Сенаторомъ, Дожемъ, Неромъ Франціи; старая мать его получила мѣсто въ драмахъ Революціонныхъ и Наполеоновскихъ. Все сдѣлалось фигурантомъ театра вокругъ этого человѣка: сорока, которую видите вы въ клѣткѣ, на его окошкѣ, играетъ роль въ *Сорокѣ-воровкѣ;* собака его была недавно превосходна въ *Монтаржиской собакѣ.* Въ мрачной, нездоровой, сырой каморѣ бѣднаго фигуранта вы найдете сокращеніе всего Драматическаго искусства нашего времени.

Все это, нѣтъ спора, мѣлкая промышленность, если только есть что нибудь крупное на бѣломъ свѣтѣ. Кроить куплеты, расщитывать по клочкамъ комедію, чтобы изъ нея выкроить водевиль, являться передъ комическомъ чтенія, собираться вечеромъ, чтобы разродить-

ся совокупно жалкимъ театральнымъ уродцемъ, и, когда бѣдное созданіе готово къ разыгрыванію на сценѣ, стоянъ на колѣнахъ передъ бѣдняками, которые, занимаясь промышленностью еще мѣльче водевильной, должны отхлопывать пьесу.... Да, правда, все это не крупно, хоть и не легко!

Настанъ день перваго представленія. Въ буфетѣ театральномъ собрались всѣ парперные липператоры, разобрали между собою условленные знаки, уговорились, когда должно смѣяться, когда плакать, въ какое рѣшительное мгновеніе необходимо показать восторгъ. Успѣхъ заговоренъ, пригоповленъ, рѣшенъ въ буфетѣ. Не знаю: можно-ли сыскать промышленность мѣльче этой, если ремесло авторовъ водевильныхъ не должно поставить еще ниже?

Часто случается, что мѣлкая промышленность перемѣняетъ типпулъ свой: самая мѣлкая дѣлается крупною, а самая крупная вдругъ самою мѣлкою. Какая важная особа бывалъ въ старину во Франціи Оберъ-Егермейстеръ? Или Великій

милостыню-раздаватель? Или Оберъ-Церемоніймейстеръ? Напротивъ, посмотрите, какую огромную торговлю производитъ теперь Г-нъ Фюмадъ, бывшій продавецъ фосфорныхъ огнивъ, или продавецъ вакеы Г-нъ Гуинъ, разбогатѣвшій торгашъ, устроившій теперь обширный магазинъ, съ зеркалами и эстампами на стѣнахъ. Въ одной изъ улицъ Маре, на огромной вывѣскѣ, можете прочитать надпись, изображенную большими буквами: *»Дютокъ сынъ, наслѣдовавшій отъ отца своего производство бумажныхъ коробокъ.«*

Вотъ еще ремесленникъ: онъ отворяетъ дверцы у каретъ, при подъѣздѣ къ театру. — А настройщикъ фортепіанъ? Мѣлкій промышленникъ, онъ тихонько пробирается въ залу, открываетъ инструментъ, измученный сонатами, возвращаетъ согласіе разстроеннымъ струнамъ его. У этого охотника до согласныхъ звуковъ нѣтъ своего фортепіано, и когда онъ настроитъ чужое, то, пренепа онъ радости, позволяетъ себѣ наслажденіе — немножко поиграть. Но, входитъ слуга, и отпускаетъ виртуоза, не

давъ ему докончить начатой импровизацiи. Что-же платишь ему? Немного побольше того, что платишь полотеру, и онъ искренно доволенъ.

Что вамъ угодно? Какое желанiе возмутило вашу голову? Вамъ надобно одну розу, приколоть ее къ пеплицѣ вашего фрака? Извольте—вамъ сей часъ продадутъ розу. За копѣйку вы можете купить фiалку, на мосту Художествъ. Слѣдуйте далѣе по набережной, и можете купить книгу in-8, за цѣну 10 букетовъ фiалокъ. Вы живописецъ; вамъ надобны *натуральныя фигуры*, образцы? Какiя именно фигуры: Марсъ или Венера, Красота или Слава? Воинъ Марсъ, въ лохмотьяхъ, бѣднякъ, плачевной наружности, проситъ милостыни, и указываетъ на разодранные локти. Воинъ и Венера, съ прелестною талiею, бѣлыми плечами, высоко-воздымающеюся грудью, изящными руками. Сбрось твое покрывало, о богиня! Открой твои бѣлыя плечи, обнажи грудь твою, созданную для любви, выставь твою хорошенькую ножку, стань въ томъ роскош-

изъ нѣдръ Океана! Извольте, извольте! И Марсъ, и Венера къ вашимъ услугамъ, и услуга ихъ стоитъ не болѣе того, сколько надобно было заплатить за переѣздъ изъ улицы въ улицу въ порядочномъ фіакрѣ, до изданія новаго тарифа.

Наука продается въ Парижѣ недороже изящныхъ образцовъ для Живописи, потому, что Парижъ наводненъ науками, искусствами, знаніями, набитъ Профессорами всякаго рода. Съ 1830 года учители Итальянскаго языка стали дешевле учителей Латинскаго языка и Словесности; Нѣмецкому языку учиться немного дороже. По всѣмъ предметамъ воспитанія, по всѣмъ профессорствамъ, самые дорогіе и самые уваженные наставники, суть—танцовальные учители. И тѣ учатъ почти даромъ. Судите о другихъ!

Ростовщичество, даже ростовщичество дѣлается мѣлкою промышленностью, чтобы легче ему было обирать несчастныхъ жертвъ своихъ. Оно опирается на старый костыль, принимаетъ на себя видъ торгаша, въ маленькой лавочкѣ близъ рынка, и ссужаетъ бѣдняку шесть

франковъ, съ тѣмъ, чтобы черезъ сутки получить отъ него шесть франковъ и пять сантимовъ. Оно покупаетъ билеты на вещи нищаго, заложенные въ Ссудной Казнѣ, и росповщикъ, мѣлкій мошенникъ, съ харею Тартюфа, успѣваетъ выгадать и украсть что нибудь изъ этого, послѣдняго куска хлѣба. Такимъ образомъ, въ Парижѣ нѣтъ ничего, чтобы не могло быть сведено къ самому простому, самому низкому выраженію предмета. Вотъ золото — слѣдуйте далѣе, въ увеличивающемся размѣрѣ, и вы дойдете до милльоновъ; вотъ Католическая религія — и пропитъ ея секта Сенъ-Симонистовъ; вотъ величественный храмъ Св. Сульпиція — и подлѣ него часовня Аббата Шанеля; вотъ Французскій Театръ — подлѣ театръ *Амбигю*. Какой хаосъ! Какое безконечное движеніе! Министръ и мошенникъ, придворный и шарлатанъ, банкиръ и рыночный росповщикъ, Тальма и Марли, Академія и разнощикъ ученыхъ объявленій!..

Но ремесла лоскутника, собирателя

машерілловъ для бумажной фабрики, никогда не осмѣлюсь я поставить въ число мѣлкихъ промысловъ. Нынѣ, нѣтъ, почтенные лоскутники, послѣдніе судьи бумагъ, писанныхъ и печатныхъ, я не смѣю навлечь на себя вашего гнѣва! И если надобно васъ поставить въ разрядъ мѣлкой промышленности, то развѣ съ тѣмъ, что вы займете въ ней первое мѣсто. Да, лоскутникъ есть созданіе съ важнымъ лицомъ, съ величественнымъ видомъ, молчаливое, спящее днемъ, живущее, трудящееся, дѣйствующее ночью. Неумолимый, какъ судьба, онъ и неутомимъ, какъ судьба. Онъ жденъ; но когда придетъ часъ его, то ничто не удержитъ его смѣлой руки, и все попадаетъ въ его корзину. Въ этой обширной могилѣ законы Имперіи смѣшаны съ постановленіями Республики. Тутъ всѣ наши эпическія поэмы, начиная съ Вольтеровой. Всѣ Журналы, поглотивъ собою все, что только ни существовало, поглощаются корзиною лоскутника. Это бойня Литтературы, это складка всѣхъ нечистотъ умственныхъ. И по всѣмъ этимъ отношеніямъ,

лоскутникъ есть существо особенное, заслуживающее быть описано отдѣльно....

Вѣроятно, я забылъ еще много родовъ мѣлкой промышленности. Есть такіе, о которыхъ нѣчего говорить, потому, что ихъ всѣ знаютъ. Но какое изъ мѣлкихъ самое мѣлкое? Вопросъ трудный! Думаю, что самая мѣлкая промышленность есть продажа похвалъ, если покупка ихъ еще не мѣльче, еще не ничтожнѣе.

II.

ПАРИЖСКІЕ ШАРЛАТАНЫ,

ЧУДЕСА И ДИКОВИНКИ.

О вы, щеголеватые *дамы*, богатые *фашьонебли* улицы Анпенской и предмѣстія Сенпъ-Оноре, дамы придворныя, дамы свѣтскія, никогда не выходящія изъ своихъ экипажей! Съ высоты каретъ вашихъ, едва замѣчаете вы, мимоленомъ, безчисленный народъ, жужжащій у ногъ вашихъ! Избранники судьбы, избалованныя дѣти счастія, посѣтители только огромныхъ палатъ, люди, которымъ жизнь является только въ полномъ шуалетѣ! пойдемте: я хочу повести васъ теперь въ міръ, вовсе вамъ неизвѣстный, міръ грубый, простонародный, міръ перекрестковъ и переулковъ, міръ въ деревянныхъ балмакахъ и въ лоскутьяхъ; но самобытный, оригинальный, забавный, достойный взгляда мудреца!

Прошу пожаловать со мною, кому уго-

дно. Сегодня *воскресенье*, время прекрасное, и мы можемъ обойдти гульбища.

Какое безчисленное народонаселеніе движется въ публичныхъ садахъ, на набережныхъ, на бульварахъ, въ Елисейскихъ поляхъ! Какой муравейникъ народа! Школьники, мѣщане, солдаты, лавочники изъ улицы Сенъ-Дени, купеческіе прикащики, служанки, всѣ щеголяютъ, всѣ бѣгутъ, всѣ хотятъ веселиться. Сколько назначенныхъ свиданій! Сколько уговоровъ на веселье! Спѣшатъ, сталкиваются, торопятся. Это день чистаго бѣлья и обновокъ; слуги одѣты, какъ господа. Артиллеристы, драгуны, всѣ въ полной формѣ, вытягиваются во всю мѣру свою, на 5 футовъ и 8 дюймовъ, прогуливаются, принявъ побѣдительный видъ, рука объ руку съ женщинами-скороходами, гордыми тѣмъ, что могутъ появиться въ народѣ съ своими любовниками, у которыхъ плюмажи на шляпахъ и эполеты на плечахъ, но — главное — *плюмажи*. Женщина, у которой любовникъ съ плюмажемъ, смотритъ на всѣхъ другихъ съ видомъ какого-то превосходства и пре-

бреженія. Она сама солдатъ, когда солдатъ у нея любовникъ; ей кажется, что она носитъ его шпагу, она гордится его званіемъ, и, какъ необходимо слѣдуетъ, презираетъ фрачниковъ. Вообще говоря: хотите-ли вы удачи въ любви? Надѣньте военный мундиръ, украсьте шляпу свою плюмажемъ. Плюмажъ — это ключъ къ женскому сердцу. Какая женщина устоитъ противъ плюмажа!

Пойдемъ далѣе. Что за веселость на всѣхъ этихъ лицахъ! Въ день радости и досуга забыты всѣ дѣла, всѣ заботы цѣлой недѣли. Всякая скучная мысль отложена до утра понедѣльника. Домы пусты; весь Парижъ гуляетъ по улицамъ. Тутъ играютъ, тутъ пьютъ, тутъ ѣдятъ.

Въ Парижѣ ничего не дѣлаютъ малымъ числомъ. Все выдвигается возами, горами, какъ въ царствѣ пировъ. Есть извѣстные подрядчики пирожковъ на рынки, и по воскресеньямъ вываливаютъ они изъ своихъ печей мильоны булочекъ, пирожковъ, пастетовъ — настоящій волканъ печенья' какое-то гастрономическое изверженіе, лава котораго, еще не остывшая, въ од-

по мгновеніе ока, разливается до предѣловъ каждаго Парижскаго предмѣстія, какъ будто потопъ, какъ будто наводненіе пирожковъ и пирожнаго всякаго рода.

Не уже-ли вамъ это не нравится? Хорошо; мы найдемъ, чѣмъ отвести ваше сердце, столь нѣжное, столь щекотливое. Вотъ лимонадъ, со льдомъ, по копѣйкѣ стаканъ. Прекрасное, филантропическое изобрѣтеніе, самое народное, самое высокое изъ всѣхъ возможныхъ предпріятій! Лимонадъ, свѣжій, подслащенный, и не для однихъ Лукулловъ Биржи, не для блестящихъ только залъ Пале-Рояля—нѣтъ: для каждаго перекрестка, для послѣдняго бѣдняка, которому почти нѣчего ѣсть! О чудесное употребленіе полезныхъ искусствъ! О совершенствованіе! О вѣкъ, памятный между всѣми вѣками! Не есть-ли это одно изъ самыхъ величайшихъ благодѣяній новѣйшаго времени!

Пусть говорятъ послѣ сего, что состояніе человѣка не улучшается! Не смѣйте говорить, по крайней мѣрѣ, въ присутствіи вотъ этого филантропа Шателетской площади, чего-то въ родѣ Тортони, бро-

дящаго, простонароднаго, продающаго мороженое по два ліарда! Мороженое за два ліарда — не диковинка-ли? Кто-бы могъ предвидѣть, что такое, совершенно эпикурическое наслажденіе сдѣлается со временемъ наслажденіемъ самымъ мѣщанскимъ. Вотъ, какъ прыгаютъ при большихъ переворотахъ! Какое разстояніе перепрыгнуто! Не такъ далеко, можетъ быть, отъ Людовика XIV-го до 1830-го года, какъ отъ ванильнаго мороженаго до желудка трубочиста! Удовольствія образованности, наслажденія роскоши и сибаритской изысканности, нисходятъ мало по малу до Парієвъ, до грубой черни! Дѣло кончено: привиллегіи скончались, когда кончилась привиллегія шербета и лимонада, и когда ихъ пьетъ всякій!

Счастливецъ Парижанинъ! Всѣ возможныя искусства, всѣ страны истощаются для удовлетворенія его вкуса, его прихотей. Всѣ земныя снадобья у него подъ рукою, и за бездѣлку: стоитъ ему только наклониться, и взять изъ нихъ, что ему угодно. Но этого мало. Ему предлагаютъ всѣ заморскія произ-

веденія, всѣ Американскіе плоды, и онъ покупаетъ ихъ не дороже грушъ и картофеля, привезенныхъ изъ ближняго огорода, или сада. Не угодно-ли вамъ отвѣдать кокосоваго орѣха, этого огромнаго, бѣлаго зерна, обвернутаго черною, толстою скорлупою? Его приготовятъ вамъ на копѣйку, на двѣ, больше, меньше — сколько угодно. Не хотите-ли вы покушать сахарнаго тростника, этого безцѣннаго растѣнія, изъ котораго льется амврозія, сладце амврозіи Омировскихъ боговъ? Скажите только: на сколько вамъ ее угодно? Вотъ вамъ и продавецъ, съ ножикомъ въ рукѣ, готовый отрѣзать, какъ прикажете — вершокъ, футъ. Да, это дрянь — скажете вы — сухое, безвкусное дерево! Хорошо; но развѣ за ничто считаете вы удовольствіе отвѣдать сахарнаго тростника? Цѣлую жизнь можете вы потомъ гордиться этимъ, какъ дѣломъ весьма важнымъ. »Я, М. Г., я, который имѣетъ честь бесѣдовать съ вами, ѣлъ сахарный тростникъ« — скажете вы — и на васъ посмотрятъ съ удивленіемъ, почти съ уваженіемъ, и вы по-

кажетесь особою важною, великимъ человѣкомъ, потому, что вы ѣли сахарный просвирникъ.

Впрочемъ — закуски, лакомства, все это еще не велико дѣло. Сколько другихъ диковинокъ насъ ожидаетъ! Вспомните, что мы въ Парижѣ, городѣ чудесъ, центрѣ всемірныхъ рѣдкостей. Что угодно вамъ посмотрѣть? Только извольте сказать, только стоитъ вамъ промолвить слово, и всякое желаніе ваше въ минуту будетъ исполнено. Никогда палочка волшебника, никогда геній Арабскихъ сказокъ не дѣлали ничего такого, что могло-бы сравниться съ дѣйствительностію, васъ окружающею. Въ Парижъ собирается все, что только есть рѣдкаго подъ солнцемъ. Если въ какомъ нибудь уголкѣ міра родилось необыкновенное чудовище; если гдѣ нибудь появился ребенокъ съ однимъ глазомъ, съ тремя глазами; если открыли гдѣ нибудь блоху, величиною съ мышь, или мышь съ человѣка ростомъ, или человѣка, толстаго, какъ быкъ, или быка не менѣе слона, или слона, равнаго киту, или ки-

ина съ цѣлую областнь — все это непремѣнно везется въ Парижъ, и показывается въ Парижѣ. Все находится тамъ, даже и то, чего нѣтъ въ цѣлой природѣ.

Не угодно-ли вамъ взглянуть на гермафродита? Рѣдка вещь подобная диковина! Это чудесный человѣкъ: и мужчина, и женщина. Физіологи утверждаютъ и доказываютъ, что никогда не бывало и нѣтъ гермафродитовъ. Вотъ, охота вамъ ихъ слушать! Да, вамъ покажутъ въ Парижѣ не одного, но двадцать гермафродитовъ, если только вамъ вздумается ихъ посмотрѣть! Не хотите-ли видѣть Цезарева коня, съ человѣчьими ногами, или Александрова коня, съ бычьею головою? Не хотите-ли взглянуть на гидру, химеру, Кадмова дракона, Андромедино чудо морское? Не прикажете-ли показать вамъ грифа, сфинкса, сатира, центавра, тритона, сирену, циклопа, пантагона, пигмея, горгону, альбиноса, вампира, лунного жителя? Стоитъ сказать: все это найдется въ Парижѣ, на тѣлегѣ, въ палаткѣ, въ клѣткѣ, въ ящикѣ, въ кадкѣ.

Посмотрите только на изображенія, на

портреты диковинокъ, которые выставляются снаружи, для привлеченія любопытныхъ. То видите вы ребенка, мальчика, съ огромною женскою грудью; то высокую женщину, вышиною съ домъ, и бородатую, какъ сапёръ; то ужаснаго силача, великана, который говоритъ на двадцати двухъ языкахъ, подобно Г-ну Сильвестру де-Саси; то пигмея, пухленькую ручку котораго показываютъ вамъ въ маленькое отверстіе и который, весь усядется въ вашей шляпѣ; то, наконецъ — человѣкоядца, совсѣмъ нагаго, съ пламенными глазами, убивающаго тигра однимъ взмахомъ дубины, или — еще лучше — дикую дѣвушку, Королеву, или Принцессу, покрайней мѣрѣ, которая убиваетъ медвѣдя стрѣлами. И вездѣ толпа, разинувшая рты отъ изумленія, дивится и не надивится, какъ на вывѣскѣ балагана левъ рыкаетъ, пѣна у рта, исполинскіе змѣи ломаютъ буйволовъ, обвившись вокругъ ихъ, и *безлапрые* крокодилы жуютъ людей, словно табачный листочекъ.

Обратите взоръ на эти высокія под-

мосики. Здѣсь передразниваютъ старинные театры, говорятъ грубыя шонкости, и кривляки въ лоскутьяхъ забавляютъ проходящихъ смѣшными шутовствами. На такомъ-то театрѣ, Бобетъ, герой дураковъ и шутовъ, увеселялъ нѣкогда своими шалостями добродушныхъ посѣтителей Храмоваго бульвара. Въ эту минуту, видите ли — вниманіе публики увлечено удивительнымъ показникомъ: по примѣру баснословныхъ драконовъ, онъ изрыгаетъ облака огня и дыма. Огромный запасъ пакли въ рукахъ его; онъ рветъ ее зубами, наколачиваетъ себя ею, какъ добрый тюфякъ, ѣстъ ее, пожираетъ ужасно, и потомъ изрыгаетъ ртомъ огонь, и зѣвающая толпа не можетъ наглядѣться, тѣснится, кричитъ отъ удовольствія, видя чудесника, обладающаго такимъ удивительнымъ искусствомъ.

Но — вдругъ сцена измѣняется. Вышли музыканты, начали нестерпимый концертъ, и встревожили цѣлый кварталъ. Слышите-ли вы рѣзкіе звуки дудки, пробивающіеся сквозь ревъ трубы, пищанье скрыпокъ, оглушающій шумъ цымбаловъ,

и громъ ужаснаго барабана? Женщины, дѣти, старики, взрослые, недоросики, всѣ бѣгутъ на призывъ этого варварскаго оркестра. Глаза зрителей устремлены особенно на цымбальщика. Счастливый смертный! Это дикарь съ береговъ Сены, Карабъ изъ предмѣстія Сенъ-Марсо. Три четверти лица закрыты у него дремучимъ лѣсомъ поддѣльной бороды, на головѣ діадима изъ перьевъ, руки и ноги запятнаны въ запачканное трико тѣлеснаго цвѣта. Это герой театра; онъ занимѣваетъ всѣхъ, и всѣ глядятъ только на него. Подивитесь-же его ловкости: онъ совсѣмъ не знаетъ, что такое замѣшательство; онъ привыкъ къ людскому удивленію и къ глазѣнью публики; ни на что не обращаетъ онъ вниманія, и занятъ только работою своею, усердно присовокупляя келѣные звуки къ ужасному реву другихъ товарищей.

Когда эта проклятая музыка нашумѣла уже довольно, и собраніе сдѣлалось многочисленно, хозяинъ является на подмостикахъ. Костюмъ его состоитъ въ изношенномъ сюртукѣ, старой, круглой шля-

пѣ, ужасно засаленной, и надѣтой на одно ухо. Важный видъ, хриплый голосъ, запачканныя руки — необходимая принадлежность! Послушаемъ его:

»Пожалуйте, пожалуйте, господа и госпожи! стоит» посмотрѣть! Феноменъ единственный, удивительный, неподдѣльный, несравненный! Дикая дама, и кушаетъ сырую говядину, точно такъ, какъ мы, вы и я ѣдимъ жаркое и пирожное! А! эта барышня — А! (онъ указываетъ палочкою на размалеванную, холстинную вывѣску) — эта дѣвица, лѣтъ 18-ти отъ роду, и совершенная красавица, какъ вы изволите видѣть (онъ снова указываетъ на холстину), была найдена, полтора года тому, въ Липовскихъ лѣсахъ. Она проводила тамъ время, какъ животныя. Она была нагая. Она ничего не говорила, лазила по деревьямъ, и ловила зайчиковъ, и дикимъ уточекъ, и ногтями раздирала свою добычу, и ѣла, не стряпавши ничего, такъ сырое, какъ медвѣдь, и левъ, и прочіе дикіе звѣри. Величайшихъ трудовъ стоило поймать ее, но никакъ не могли пріучить ее къ обыкновенной пищѣ. Если только

вамъ угодно будетъ пожаловать, господа и госпожи, вы увидите эту барышню, вотъ эту (онъ еще указываетъ на картину), и она при васъ будетъ кушать сырую говядину, только что принесенную изъ мясного ряда. Она была при всѣхъ Дворахъ Европейскихъ — и при Дворѣ Его Величества Короля Датскаго, и Короля Бельгійскаго, и Короля Греческаго. Рѣдкая, диковинная вещь, очень любопытно, господа и госпожи! Пожалуйте, пожалуйте, господа и госпожи! Сей моментъ начинаютъ; извольте поскорѣе брать билеты; иначе не застанете мѣста потомъ. Живой феноменъ, феноменъ безподобный, невиданный! И много-ли стоитъ заплатить! Всего по грошу, по грошу, господа и госпожи!«

Эта рѣчь, обыкновенная, съ нѣкоторыми только перемѣнами, извѣстная съ тѣхъ поръ, какъ существуютъ обманщики и просители, подкрѣпляемая притомъ огромною картиною на вывѣскѣ, никогда не теряетъ своего дѣйствія на толпу. Люди, въ этомъ отношеніи, удивительны: они похожи на звѣрей, которыхъ съ сама-

го начала міра ловятъ одинакими силками, и которые безпрестанно въ нихъ попадаются. Не въ состояніи будучи превозмочь искушенія, самые любопытные, или кто побогаче, идутъ въ балаганъ шарлатана, а остальные слѣдуютъ за ними завистливымъ взоромъ.

Но, тутъ бываетъ тоже самое, что обыкновенно случается на бѣломъ свѣтѣ: дѣйствительность разочаровываетъ воображеніе. Предполагали себѣ удовольствіе, и удивляются, что купили только одну досаду. Вмѣсто блестящихъ диковинокъ, какія воображали увидѣть, вмѣсто существъ съ ангелическими формами, украшенныхъ браслетами, ожерельями, серьгами, одѣтыхъ, какъ Восточные Султаны, находятъ во внутренности балагана жалкихъ бѣдняковъ, искривлённыхъ, одѣтыхъ въ лоскутья, людей, на которыхъ жалко смотрѣть. Всѣ женщины старухи, и дурны, какъ смертный грѣхъ; всѣ мужчины запачканы и безобразны. Вамъ обѣщали показать маленькаго карлу, стройнаго, складнаго, свѣжаго, ловкаго, умнаго — показываютъ отвратительнаго ста-

ричишка, кривоногаго, большеголоваго, который кое-какъ гнусишъ, едва шаскаеися на косшыляхъ — словомъ: одну изъ шѣхъ фигуръ, которыя грезяися во снѣ, когда мы бываемъ больны.

Въ другомъ мѣсшѣ, вамъ предсшавляюшъ бѣдную дѣвушку, одѣшую Каннибалкою, и увѣряюшъ, чшо она глошаешъ кремни. Бѣдняжка, въ самомъ дѣлѣ, должна показывашь, чшо любишъ ихъ. Когда приносяшъ шарелку кремней, она вырываешъ ее изъ рукъ, будшо голодное живошное, и шарлашанъ, изъясняющій это явленіе, шолкаешъ ее въ живошъ, и вы сльшишие, какъ въ живошѣ ея сшучашъ кремни....

О Парижъ, сшолица шарлашанесшва, городъ мошенниковъ, сбѣжавшихся со всего свѣша! Сколько лошшерей, сколько рулешокъ, сколько игръ заведено для ловкосши и удачи, сколько бродящихъ бездѣльничесшвъ! Посмошрише, добрые люди: вамъ сшоишъ шолько сбишь кегли, кинушь кружокъ на кружокъ, разбишь сшеклушко, и — вы выиграеше! Какихъ усилій ума человѣческаго не исшощаешся

ежедневно, для открытія какого нибудь новаго средства, чтобы уловить общественное любопытство! Чего не выдумываютъ, на что не пускаются! Какое соревнованіе! Какая пирата генія, и что за вымыслы! Посмотрите: вотъ составъ удивительный, для точенья бритвъ, для сдѣланія ихъ нехрупкими — для порчи ихъ, какъ-бы онѣ хороши ни были; вотъ каменекъ для бритья бороды — возьмите его: бороды не выбрѣете, а кожу съ лица сдерете!

Извѣстенъ-ли вамъ маленькій ученый, котораго спрашиваютъ на улицахъ? Это мальчикъ-умственный скоростѣлка, истинное чудо! Не говорите мнѣ болѣе о Пикѣ Мирандолѣ, и ни о комъ другомъ: маленькій ученый превзошелъ всѣхъ, затмилъ всѣхъ! Онъ знаетъ сколько камней въ Парижской мостовой, сколько звѣздъ въ небѣ, сколько песчинокъ на берегу морскомъ; онъ знаетъ навѣрное число каждаго событія въ цѣлой всемірной исторіи, помнитъ время всякаго изобрѣтенія. Память его неистощима, неизъяснима: онъ полонъ, какъ Энциклопедія, вѣ-

ренъ, какъ опечатка. Онъ зналъ-бы *все*, если-бы зналъ по Французски.

А виртуозъ, который одинъ даетъ цѣлый концертъ, вдругъ играетъ на гитарѣ, на флейтѣ, на бубенчикахъ, привѣшенныхъ къ его шапкѣ, въ то-же время бьетъ локтями въ барабанъ, повѣшенный за спиною, а ногами стучитъ въ цымбалы! А человѣкъ, представляющій статую, изучившій курсъ неподвижности, достигнувшій до того, что сдѣлался совершенною машиною? Его шевелятъ, кладутъ, носятъ, ставятъ, какъ настоящую статую; онъ неподвижно остается въ положеніи, какое дали ему; машетъ руками, какъ машина телеграфическая; тѣло его одеревенѣло, окостенѣло, такъ, что даже рѣсница не мигнетъ, если вы не велите! А слѣпой толстякъ, съ своею собакою, своимъ гудкомъ, своимъ бычьимъ голосомъ, смѣшными пѣснями, и рожею, столь уморительною, столь забавною, столь естественно подвижною? А цѣлое семейство на ходуляхъ, дѣлающее всѣ маневры и экзерциціи, какъ будто капральство пѣхоты? А химикъ, съ небольшимъ запа-

сомъ воды, въ одно мгновеніе, при васъ, приготовляющій вино всѣхъ цвѣтовъ и вкусовъ, и которому для этого стоитъ только перелить воду изъ одного стакана въ другой? А *негоціянтъ*, какъ онъ самъ себя называлъ, продававшій порошокъ, и совѣтовавшій, если хотите посмѣяться, насыпать этого порошка въ чью нибудь постелю, или, еще лучше, посыпать имъ паркетъ въ бальной залѣ

. . . . . .

. . Безстыдная глупость!... Но, покупатели находились!... Помните-ли вы еще торговца мышьякомъ, который, въ доказательство доброты товара, какъ свидѣтельство неоспоримое, таскалъ и раскладывалъ по угламъ улицъ кучу мышей, крысъ, кротовъ дохлыхъ, полуизгнившихъ? — А чиститель пятенъ? Желая доказать превосходство своего мыла, или своей эссенціи, онъ подстерегаетъ каждое пятнышко, привыкъ открывать его издалека, какъ-бы оно мало ни было, и когда замѣтитъ онъ свою жертву, то схватываетъ ее за воротъ, тащитъ, и — хочетъ-ли она, или не хочетъ, чи-

сиипъ ее. Горе вамъ, если вы идете на виду у него, и ваше платье не такъ чисто и опрятно, какъ первый зимній снѣгъ! Дѣлайте, что вамъ угодно, вы будете схвачены, вымыты, намылены, вычищены — васъ заставятъ быть опрятнымъ по неволѣ. А, такъ называемый, *настоящій фабрикантъ* одеколона, не находящій другаго средства доказать лекарственную пользу своего изобрѣтенія, кромѣ того, что самому пить его пятьдесятъ разъ въ день передъ толпою проходящихъ, и потомъ заставлять зрителей — подавать себѣ руки, платки, табакерки, чтобы навонять все это своимъ гадкимъ составомъ? Видали-ль вы Турковъ, Мамелюковъ, Мавровъ — урожденныхъ Парижанъ, дорого продающихъ Христіанамъ гнилые финики, взятые изъ рыночныхъ лавочекъ, пахучіе шарики, мнимыя Серальскія лепешки, которыя пахнутъ погребальнымъ факеломъ, если зажечь ихъ, и изъ которыхъ одной довольно, чтобы уморить отъ вони цѣлый домъ? Знаете-ли вы этихъ мошенниковъ, эту ловкую каналью, которая продаетъ цѣпочки для сбереженія часовъ,

и начинаетъ тѣмъ, что сама крадетъ ваши часы, такъ, что вы начнете говорить съ такимъ бездѣльникомъ, и у васъ часы были безъ цѣпочки, а кончите, и найдете цѣпочку безъ часовъ? А молодыя Эльзаски, маленькія торговки бѣленькими вѣничками, съ черными повязками на головѣ, широкими рукавами, синими чулками, коротенькою юбочкою, которая, что день, то становится короче — и не диво, потому, что дѣвочки растутъ, а юбочки ихъ не длиннѣютъ! Знаете-ли однакожъ, что тутъ можетъ встрѣтиться большое затрудненіе: если Эльзасскія торговки не перестанутъ расти — я не отвѣчаю за будущій ихъ нарядъ! Вспомните еще бродящихъ трубадуровъ и менестрелей, которые изъ нашихъ гуляній дѣлаютъ настоящія музыкальныя академіи; вспомните черноволосыхъ Италіянокъ, бѣлокурыхъ Нѣмокъ, бѣгающихъ изъ кофейной въ кофейную, съ своими скрыпочками, лютнями, мандалинами, арфами, своими голосами Сиренъ, чтобы занять и восхитить вдругъ всѣ ваши чувства! А механическіе

органы, съ ихъ пляшущими куклами? А рыцѣ, серпиеиы, чревовѣщатели, съ ихъ предсказаніями, кресты, для взвѣшиванія самихъ себя, машины, для измѣренія силы человѣческой, кочевой астрономъ, всякій вечеръ показывающій въ шелесконъ мѣсяцъ и звѣзды, и микроскопъ, въ которомъ блоха кажется слономъ? Не забудьте человѣка долго сидѣвшаго въ шпорьмѣ, гдѣ — чудо промышленности и терпѣнія — на досугѣ, онъ наловилъ блохъ, вооружилъ ихъ съ ногъ до головы, не забылъ ни шлемовъ, ни поручней, ни ножниковъ, ни щитовъ, ни копьевъ, достигъ до того, что запрягаетъ ихъ въ тѣлеги, заставляетъ возить маленькія пушечки — чудные экипажи, невѣсомая артиллерія, почти невидимая, которую, и съ лошадьми, можно запереть подъ каменекъ перстня!—Мы видали человѣка, писавшаго — чѣмъ-бы вы думали? — брюхомъ! Женщину, которая шила колѣками. Упоминаешь-ли о склеивателяхъ битаго фарфора, продавцахъ Испанскихъ и Трипольскихъ бѣлилъ, у которыхъ на столахъ всегда сидитъ какая нибудь сова, ка-

кой нибудь сычъ, дремлющій, но хорошо прибранный и напудренный? Говоришь-ли объ ученыхъ звѣркахъ и звѣряхъ? Вотъ лошадь, показывающая ногою, который часъ, и кто изъ всего собранія влюбленъ болѣе другихъ; вотъ верблюдъ, учтиво преклоняющій колѣна подъ звукъ вольтижки; вотъ обезьяна, которая ѣздитъ верхомъ на собакѣ, дѣлаетъ всѣ штуки верховаго ѣздока, мететъ полъ, и подставляетъ шляпу, чтобы вы положили въ нее копѣйку; вотъ другая обезьяна: ей бритъ бороду огромною деревянною бритвою; не понимая, для чего это дѣлается, она кричитъ, кривляется, скалитъ зубы, и всѣ хохочутъ! Вотъ, наконецъ, ученый заяцъ: онъ стрѣляетъ, и бьетъ въ барабанъ. »Бей честь публикѣ!« заяцъ повинуется. »Честь Бурмону!« заяцъ не слушаетъ. »Національной гвардіи!« тотчасъ. — »Полиньяку!« не хочетъ! Но — бѣдное животное! пожалѣйте его! Онъ часто ошибается — имена смѣшиваются въ его памяти. Въ нынѣшнее время быстрыхъ перемѣнъ, трудно и человѣку догадаться, кому онъ долженъ отдавать

честь, и кому не долженъ. А бѣдный заяцъ? Уже столько разъ перемѣняли ему предметы, уже столько разъ приказывали и запрещали ему бить въ барабанъ для одного и того-же, что это совсѣмъ перевернуло и смѣшало наконецъ его заячьи понятія, и онъ часто ошибается, и ошибается такъ грубо, что это бѣснитъ его господина, заставляя публику хохотать. Ахъ! господа! немножко поболѣе снисхожденія! Развѣ не прощаете вы своимъ поэтамъ, которые кадили поэтическими похвалами, то тому, то другому, всѣмъ поочередно, и били честь въ поэтическій барабанъ свой Республикѣ, Директоріи, Консульству, Наполеону, Людовику XVIII-му, Карлу X-му, и — наконецъ, бьютъ теперь Людовику Филиппу?

На Парижскихъ улицахъ можете вы пройдти полный курсъ Естествознанія, можете увидѣть всѣхъ птицъ, всѣхъ скотовъ, и всѣхъ гадовъ ползающихъ, какъ въ Ноевомъ ковчегѣ. Ящерица бываетъ обыкновенно принадлежностью торговца ваксою, также и маленькія птички съ

неподвижною головкою, потому что у нихъ свернута шея. Торгашъ пользуется этѣми птичками, этими гадами, какъ искусный ловецъ, чтобы приманить другихъ животныхъ. Вообще, торгашъ вакcою бываетъ молодой малый, съ дерзкою рожею, старинный говорунъ, ловкій болтунъ, готовый на отвѣтъ, и привыкшій къ прихотямъ народной толпы.

Когда онъ видитъ себя окруженнымъ порядочною толпою зѣвакъ, то возвышаетъ свой голосъ. »Сей часъ, господа, увидимъ мы« — говоритъ онъ — »какъ запляшетъ передъ нами огромная, красная змѣя (замѣтное движеніе любопытства въ толпѣ); но прежде нежели заставимъ мы плясать огромную, красную змѣю, которая спрятана вотъ здѣсь, во мху, въ этомъ ящикѣ, я буду имѣть честь напомнить почтенному собранію, что ежедневно бываю я на здѣшней площади, и, съ увеличивающимся ежедневно успѣхомъ, продаю безподобную вакcу, изобрѣтенную Г-мъ Оже.... (тутъ половина слушателей идетъ прочь. Торгашъ бросаетъ гнѣвный, презрительный взоръ на

энихъ бѣглецовъ, но не перерываетъ своей рѣчи). Эта удивительная ваксa, извѣстная и знаменитая во всей Франціи, и даже въ цѣлой Европѣ, есть единственная, которая всегда даетъ лоскъ и глянецъ, какъ-бы ни была замарана обувь. Не угодно-ли, господа, кому нибудь изъ васъ (говоритъ обводитъ глазами ноги всѣхъ своихъ слушателей), кому нибудь изъ васъ позволитъ мнѣ сдѣлать опытъ надъ его обувью. Я не требую ничего, и хочу только показать превосходство удивительной моей ваксы. Позвольте мнѣ вычистить чью нибудь обувь (рогозѣй каменьщикъ выходитъ изъ толпы, и ставитъ свою ножицу, въ огромномъ, запачканномъ известкою башмакѣ, на маленькую скамеечку шоргана ваксою. Говоритъ продолжаетъ, отгибая край его одежды, и устанавливая его ногу). Прошу посмотрѣть, господа, на эту ногу. Кажется, я не солгу, если скажу, что никто въ мірѣ не видалъ обуви, запачканной до такой степени, какъ запачкана обувь этого господина? Конечно, полгода, по крайней мѣрѣ, ее не чистили, и на

ней лежатъ въ три ряда грязь и алебастръ (онъ царапаетъ башмакъ каменьщика ногтями) — изволите видѣть. Но, господа, кромѣ того, я еще намажу башмакъ саломъ (онъ маженъ и трентъ его сальнымъ огаркомъ), и внезапно вы увидите послѣ того блескъ, лоскъ, настоящій брильянтъ. И это все по грязи, по салу.... (слушатели показываютъ величайшее вниманіе. Торгашъ плюетъ на кусокъ ваксы, беретъ ваксы на щепку, другою рукою трентъ башмакъ особенною щепкою, и чиститъ, не прерывая своей рѣчи) И все это дѣло одной минуты, и вотъ, господа, видите-ли? (онъ трентъ сильнѣе. Верхняя часть башмака чернѣетъ и свѣтится, между тѣмъ, какъ остальная часть бѣлехонька и запачкана) Вотъ, господа, ясное доказательство превосходства моей ваксы.—Хорошо! Но по чемъ-же продаете вы свою превосходную ваксу? (Замѣтьте смѣлость этого: *ты*, и ловкость тропа, которымъ вдругъ перенесенъ на лицо торговца вопросъ, какой должна ему сдѣлать публика!)—Да, какой вамъ угодно цѣны? У меня есть по три копѣйки за

банку, есть по шести копѣекъ, и въ этой банкѣ вдрое товару противъ трехъ-копѣечной. Есть и по двѣнадцати копѣекъ, и въ этой товару вдрое противъ шестикопѣечной. Не правда-ли, господа, что только тотъ, у кого нѣтъ въ карманѣ трехъ копѣекъ, или кто вовсе невѣжда, и не думаетъ объ опрятности, только тотъ можетъ обойдиться безъ моей ваксы? Вы мнѣ скажете, что, на примѣръ, этотъ господинъ, простой ремесленникъ, не имѣетъ никакой надобности щеголять обувью, идя на свою работу? Совершенно согласенъ, господа! Но, почему въ воскресенье не имѣть ему обуви опрятной? А я смѣю васъ увѣрить, что съ трехъ-копѣечною порціею, вы получаете средство имѣть обувь вашу опрятною цѣлые полгода! Посмотримъ: что вамъ угодно? (одинъ просякъ подходитъ къ нему съ тремя копѣйками) А! вамъ надобно *еще* на три! (просякъ былъ первый покупатель) Какъ? И вамъ тоже, и вамъ? Но, бѣднякъ напрасно обращается ко всѣмъ; никто не покупаетъ его ваксы, и, одинъ по одному, всѣ расхо-

дятся, толпа рѣдѣетъ. Остаются только три, или четыре простяка, и терпѣливо дожидаются, когда заплянетъ большая красная змѣя. Каменьщикъ, служившій доказательствомъ превосходства ваксы, спокойно идетъ на свою работу, съ свѣжо вычищенными часничками своихъ башмаковъ.

Что собрался вонъ тамъ народъ? Чего онъ смотритъ? Ахъ! это человѣкъ, глотающій шпаги! Бѣднякъ! вотъ настоящая собачья промышленность! Мы видали людей, глотавшихъ цѣлкомъ живыхъ мышей, живыхъ птичекъ: этотъ бѣднякъ готовъ проглотить цѣлую оружейную лавку!

Вотъ женщина-Геркулесъ—женщина, и, говорятъ, мать семейства.... Несчастная! Она подымаетъ на волосахъ своихъ страшныя тяжести; ее бьютъ молотами, въ доказательство ея силы. Огромная, полно налитая бочка находится подлѣ, обвязанная веревками, съ длинною жердью; она тотчасъ начнетъ ее поднимать. Но прежде — всегда хорошо напередъ увѣриться — почтенная публика должна собрать для женскаго Геркулеса двадцать копѣ-

скъ. Двѣнадцать уже собрано — еще надобно восемь. Ну, госпожи и господа! скорѣе, скорѣе, подавайте примѣръ, давайте, дополняйте сборъ! Не стыдно-ли скупиться! — Но публика позволяетъ въ такихъ случаяхъ уговаривать себя, и не краснѣетъ. Медленно собираются копѣйки отъ зрителей. Еще не достаетъ двухъ.... еще одной — наконецъ сборъ полный: всѣ двадцать! Теперь вызываютъ шестерыхъ человѣкъ изъ толпы. Женщина-Геркулесъ ложится на двухъ стульяхъ, такъ, что только голова ея находится на одномъ и ноги на другомъ; остальное тѣло виситъ на воздухѣ. Шестеро мужчинъ едва могутъ поднять бочку, едва тащатъ ее, и съ усиліемъ ставятъ на животъ несчастной женщины-Геркулеса. Она велитъ ставить плотнѣе, и потомъ начинаетъ свободно двигать эту тяжесть, едва сносную шестерымъ мужчинамъ, и — двадцать разъ въ день повторяетъ она такое отвратительное доказательство необыкновенной силы своей!

Кто эта другая дама, въ шляпкѣ съ

перьями, въ открытомъ кабріолетѣ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ, опрятно одѣтыхъ мужчинъ, въ красныхъ плащьяхъ? Это шарлатанка, лекарка, докторъ въ юпкѣ. У нея есть чудесныя, таинственныя лекарства, есть корешки отъ всѣхъ болѣзней. Она знаетъ вѣрныя средства противъ всего, обладаетъ настоящею живою водою, доведетъ васъ къ источнику юности. Купите у нея цѣлительной, все исцѣляющей мази, всеобщаго, все излечающаго лекарства, купите ея бальзама, ея романной выпяжки, ея огуречной травы! Изъ человѣколюбія ѣздитъ она по свѣту, и въ вашемъ городѣ находится только проѣздомъ; она спасла отъ смерти великаго Далай-Ламу, великаго Могола, великаго Негуса, Мароккскаго Императора, и проч. И старыя кумушки, и довѣрчивые провинціялы, и добродушные рекруты, все это, обольщенное сладкою рѣчью торговки орвіетаномъ, мѣняетъ бѣдныя деньжонки на травы и мази, среди торжественнаго шума одѣтыхъ въ красное плащье сопутниковъ дамы!

Далѣе — новыя чудеса! Ходячій зубной лекарь! У него есть зеленая мазь, рѣшительно истребляющая всѣ мозоли; у него есть красная помада, которая залечиваетъ всякую обжогу, и выращаетъ волосы на плѣшивой головѣ. Его Жиль подноситъ эту помаду къ самому носу зрителя. У него есть маленькій, черный каменокъ, всемогущее лекарство противъ всякой одонталгіи. Онъ равняетъ, чиститъ, раздѣляетъ, дергаетъ естественные зубы, вставляетъ зубы искусственные, за которые просятъ ничего не платятъ ему, не пообѣдавши прежде, въ доказательство ихъ доброты. У него есть аттестатъ Медицинской Школы. И вы еще не вѣрите? Еще мало вамъ доказательствъ? За ними не станетъ: онъ покажетъ вамъ безконечные чепки изъ глазныхъ и коренныхъ зубовъ, вырванныхъ имъ безъ всякой боли. Нѣсколько разъ обовьетъ онъ себя вокругъ этими чепками.

»Господа!« говоритъ онъ смѣсно — »если у кого нибудь изъ васъ, хоть не-

много болятъ зубы, прошу почтить меня вашею довѣренностью. Я исцѣлю ихъ, безъ всякихъ усилій, безъ всякой боли. Вы даже и не почувствуете моего лѣченія.« Долго остаются всѣ неподвижны. Наконецъ какая-то жалкая фигура отдѣляется отъ толпы, съ завязанною головою, съ щекою раздутою, какъ пузырь. Бѣдняка садятъ на стулъ. Больной, нижній, огромный зубъ мучитъ его, болитъ. Данцистъ обхватываетъ этотъ зубъ кузнечными клещами, держитъ крѣпко. Вотъ драматическое рѣшительное мгновеніе! Раздается нѣмый крикъ; цѣлитель рветъ зубъ, рветъ его такъ ужасно, что своимъ усиліемъ могъ-бы вырвать цѣлый дубъ съ корнемъ, сорвать гору съ ея основанія. Больной, стулъ, на которомъ онъ сидѣлъ, Жиль, который ихъ держалъ — все полетѣло отъ желѣзной руки немилосердаго рвача зубовъ! Но за то, упорный зубъ торжественно является въ клещахъ, и при немъ, въ барышахъ, еще порядочный кусокъ десны и кости.... Гадкое зрѣлище, зрѣлище пытки и бойни! И на такое не-

счастное зрѣлище всегда найдутся, и дѣйствующіе и зрители!

Заставьте насъ позабыть всѣ эти отвратительныя позорища, вы, легкіе *фунамбулы*, гибкіе *волтижеры*, веселые *баладины*, щегольскіе *эквилибристы*! Кочевая труппа является. Мѣсто дѣйствія готово мигомъ. На землю разостланъ запачканный остатокъ ковра. Мужчины сбросили свои сюртуки, женщины свои манто, и зрители видятъ красныя курточки, шлянки, когда-то бывшія бѣлыми и вытканными чѣмъ-то блестящимъ, Испанскіе воротнички, шумиху, дырованые, шелковые чулки. Кларнетъ и тамбуринъ сзываютъ публику; публика сбѣжалась, обстала кругомъ. Но кругъ очень тѣсенъ. Паяцъ беретъ палку, вертитъ ее, дѣлаетъ изъ нея подобіе крыльевъ вѣтряной мѣльницы, и такъ близко подлѣ носовъ зрителей, что зрители по неволѣ пятятся. Тотчасъ началась потѣха: женщины, дѣти ходятъ на рукахъ, прыгаютъ, голову на ноги, ноги на голову, свиваются, развиваются, ломаются на сто манеровъ: кажется, что у нихъ вовсе нѣтъ

костей. Въ свой чередъ, паяцъ, умная каналья, въ клѣнчатомъ пиковомъ плащѣ, въ дурацкомъ колпакѣ, мнимый недвига, но въ самомъ дѣлѣ самый ловкій изъ всѣхъ своихъ товарищей, не смотря на его дурацкій видъ, прыгаетъ, падаетъ, разбиваетъ носъ — громкій хохотъ сопровождаетъ его неловкость! Но вотъ: человѣкъ пляшетъ на проволокѣ, другой носитъ на зубѣ огромную лѣстницу, и на ней держится еще ребенокъ; третій перекидываетъ руками кольца, шарики, кинжалы — они катаются у него по ногамъ, по спинѣ, кругомъ, вдоль тѣла, съ изумляющею вѣрностью, и такъ быстро, такъ скоро, что рябятъ въ глазахъ ловкое, но все еще несовершенное подражаніе Индійскимъ фокусникамъ, которые, нѣсколько лѣтъ тому, являлись въ Парижѣ, съ своими нѣжными лицами, мягкими руками, безсуставными пальцами, и изумили въ первый разъ Европейскихъ зѣвакъ штуками, доколѣ неизвѣстными!

Но, какъ ни забавно все это, есть такой предметъ между Парижскими дико-

ликами, который должно предпочесть всѣмъ возможнымъ довкостямъ въ мірѣ, потому, что къ забавѣ, какую онъ доставляетъ, не примѣшивается тягостная мысль физическаго мученія, мысль о живомъ, подобномъ нашему тѣлѣ, страждущемъ для нашего увеселенія. Это забава безъ примѣси неудовольствій — заначканный, маленькій писаръ маріонетокъ, подвижныхъ куколъ — это *Полишинель!*

Народъ любитъ Полишинеля, какъ хлѣбъ насущный — счастливый, умный народъ въ этомъ отношеніи! Спрашиваю васъ: если-бы онъ разлюбилъ Полишинеля, чтобы вы приказали дать ему въ обмѣнъ? Чѣмъ замѣнить ему это простонародное, грубое, шумливое, умное увеселеніе? Къ счастію, бояться не должно: Полишинель вѣчно юнъ, вѣчно веселъ, вѣчно здоровъ, и что ни будь — Полишинель переживетъ все!

Лицо не столь важное, не столь историческое, не столь Европейское, какъ Полишинель, но имѣющее свои великія достоинства — это *Жокрисъ*, настоящій Французскій Жокрисъ, національный Жо-

крисъ, съ своимъ хохломъ на головѣ, косинкою, которая торчитъ къ верху, трехъ-угольною шляпою, полуспущенными чулками, короткими рукавами, длинными руками, глупымъ разговоромъ, неловкостью и дурацкимъ видомъ. Остатокъ первобытной Комедіи, онъ играетъ подъ сводомъ небеснымъ, днемъ, на открытомъ воздухѣ. Его глупости есть только приманка для собранія публики. У него вѣчно одна исторія: это дурачекъ Никодемъ, пріѣхавшій изъ провинціи и разсказывающій зрителямъ свои неудачи и похожденія. Онъ говоритъ: какимъ образомъ попался онъ въ бѣду на постояломъ дворѣ; какъ окружила его въ Парижѣ толпа родни, которой онъ никогда не знавалъ; какъ его обокрали, прибили, какъ онъ нанялся въ слуги. И все это приправлено остротами, двусмысленностями, намѣками, поговорками, готовымъ умомъ, щепотками крупной соли, заставлявшей смѣяться современниковъ Буало на Новомъ Мосту, и тщательно переданной изъ рукъ въ руки, отъ старыхъ шутовъ Табарену, а отъ Табарена намъ.

Между тѣмъ, пока Жокрисъ забавляетъ собраніе своими насквинадами и грубыми пантомимами, приходитъ хозяинъ, и вдругъ перерываетъ его разсказы, начиная съ нимъ сердечный разговоръ, съ богатою прибавкою пинковъ взадъ и звонкихъ пощечинъ. Эти громкія дополненія также-же принадлежатъ Жокрису, какъ хлопанье палкою Полишинелю. Когда бѣдный Жокрисъ получилъ уже ихъ порядочную долю, и довольно отмстилъ за себя своему господину разными штуками и дѣтскими шалостями, господинъ его, большой искусникъ, знающій всѣ важнѣйшія тайны фокусничества, принимается въ свою очередь занимать почтенныхъ зрителей.

Прежде всего, онъ берется за что-то въ родѣ шляпы, у которой нѣтъ тульи, и начинаетъ превращать ее въ разные виды. Въ его ловкихъ рукахъ, послушная шляпа эта дѣлается, безпрерывно, то полумѣсяцомъ, то полною луною, то опикидымъ капишономъ пилигрима, то монашескимъ головнымъ нарядомъ, то фрезомъ Генриха IV-го, то шляпою Конуа, шапкою поселя-

нина, Марсельскаго дрягиля, Калабрскаго разбойника, и тысячью другихъ шляпъ, шапокъ и головныхъ покрышекъ, которыя долго надобно-бъ было исчислять. Обыкновенно оканчивается шапкою Парижскаго мѣщанина, съ двумя углами, острыми, длинными, прямо на лбу, и эта шпучка никогда не проходитъ безъ того, чтобы собраніе не засмѣялось.

Кончивъ всѣ передѣлки, фокусникъ подвязываетъ волшебный мѣшокъ свой, и беретъ въ руку знаменитую палочку Іакова, этотъ символъ его достоинства, этотъ кадуцей фокусниковъ, истинный скипетръ бѣлой магіи. При маленькомъ запасѣ перлимпинпеневаго порошка, крошечные шарики превращаются въ огромные шары, и большіе шары въ маленькіе шарики. Съ помощью этого порошка, неощутимаго, невидимаго, но всемогущаго, шары и шарики перекатываются, исчезаютъ, являются вновь, умножаются, соединяются, дѣлятся по волѣ очарователя.

Вдругъ возвѣщаетъ онъ о штукѣ, гораздо болѣе удивительной, невиданной, и

проситъ ссудить ему часы, только на двѣ минуты. Рѣдко бываетъ, чтобы кто нибудь на это не согласился. Волшебникъ кидаетъ часы въ ступку, передъ глазами всѣхъ. Потомъ начинаетъ ихъ колотить, толочь, разбивать на тысячу кусковъ, ставитъ ступку съ разбитыми часами въ сторону, и, по видимому, не думаетъ объ этомъ болѣе. Спокойно принимается онъ за маленькую куклу, въ палецъ величиною, и заставляетъ ее дѣлать разныя движенія. »Голову на лѣво!« кричитъ онъ — »голову на право!« — хвалитъ, когда кукла дѣлаетъ хорошо, бранитъ, когда кукла ошибается. Вдругъ кукла перестаетъ шевелиться. »А, господа!« говоритъ фокусникъ — »она задумалась! Сыграемъ съ этимъ простякомъ славную штуку, и отправимъ его путешествовать въ Пондишери!« Онъ начинаетъ говорить куклѣ на ухо, и какъ будто прислушивается къ ея отвѣтамъ. »Вотъ что!« провозглашаетъ онъ потомъ громко — »простякъ увѣряетъ, что ему не съ чѣмъ ѣхать!« Сотни подобныхъ остротъ сыплются послѣ того. Между

нѣмъ, довѣривший часы свои шарлатану въ ужасномъ безпокойствѣ, и наконецъ рѣшается требовать ихъ обратно. Фокусникъ смотритъ на него съ удивленіемъ, въ замѣшательствѣ, отпирается, робѣетъ, старается испугать болѣе и болѣе хозяина часовъ. Но когда комедія длилась уже довольно долго, онъ вынимаетъ часы изъ стулки, и отдаетъ хозяину, цѣлые, невредимые, и — толпа зрителей едва вѣритъ глазамъ своимъ!

Но самая забавная минута бываетъ та, когда фокусникъ извѣщаетъ, что подъ однимъ изъ его стакановъ находится маленькая, живая птичка; что эта птичка полетитъ, и сядетъ на голову *рогатаго мужа*, если такіе есть въ собраніи. При сей угрозѣ, вы увидите, что страхъ или веселость изображаются на лицахъ, смотря по отношеніямъ зрителей. Легко отгадаете вы, кто холостякъ и кто женатъ изъ зрителей, по испугу и блѣдности послѣднихъ, спокойствію и беззаботности первыхъ. Женатые не могутъ усидѣть на мѣстахъ, раскаяваются, за чѣмъ занесла ихъ сюда нелегкая,

какъ будто лично о каждомъ изъ нихъ идетъ рѣчь, какъ будто каждый изъ нихъ видитъ уже проклятую птичку волшебника на своей головѣ! Въ то-же время ни одинъ не смѣетъ пошевелиться съ мѣста, страшась, что этимъ откроетъ тайный ужасъ, тревожащій его душу. Такимъ образомъ, предчувствіе ужаснаго позора неопредѣленно носится надъ головами всѣхъ, и испуганные бѣдняки отдыхаютъ только тогда, когда фокусникъ объявитъ, что онъ потушилъ. »Не бойтесь, господа,« прибавляетъ онъ, смѣясь — »моя волшебная птичка такъ учтива, что, вѣроятно, прежде всѣхъ сказала-бы правду мнѣ самому, и сѣла-бы на собственную мою голову.«

Впрочемъ, все это еще не главное, и дѣлается только для достиженія къ самому главному дѣлу — продажѣ особенныхъ билетцовъ, гдѣ предсказывается будущее. Хитрый чародѣй не только фокусникъ, но еще и предвѣщатель. Онъ предсказываетъ молодой дѣвушкѣ, когда она выйдетъ за мужъ, бѣдняку, когда онъ разбогатѣетъ — не новая промышлен-

ность, но самая вѣрная, пока люди будутъ довѣрчивы къ будущему!

Кому не случалось встрѣчаться на Парижскихъ улицахъ съ высокороднымъ Маркизомъ Даржанкуромъ, бродившимъ въ полу-напудренномъ парикѣ, изношенномъ жабо, чулкахъ, забрызганныхъ грязью, старомъ Французскомъ кафтанѣ, засаленномъ и оборванномъ? Онъ продавъ пѣсни, и его ловкость была такова, что онъ кидалъ свои пѣсни въ третій, даже въ четвертый этажъ, и попадалъ именно въ то окно, въ которое мѣтилъ. Нѣсколько времени онъ составлялъ общую утѣху Парижанъ; но что вѣчно на землѣ?

Кажется, довольно перебрали мы разныхъ шутовъ, диковинокъ и бездѣльниковъ? Но можно-ли всѣхъ исчислить! Оканчивая, напомню однакожъ еще трехъ шарлатановъ отдѣльно. Всѣ трое были наши современники.

Первое лицо изъ этихъ трехъ современниковъ была молодая дѣвушка: она вертѣлась на одной ногѣ, въ тоже время пѣла, и держала подлѣ глазъ своихъ острее иголки. Она вертѣлась такъ ско-

ро, такъ быстро, что ничего нельзя было различить въ ней, и она казалась кубаремъ, пущеннымъ рукою какого нибудь мальчишки. Вернись такимъ образомъ, не переставала она пѣть, и изъ груди ея вылетали тяжелые, прерывистые звуки. — Другое лицо, о которомъ хочу я сказать, *гримасникъ*, весьма извѣстный во времена Наполеоновы. Онъ забавлялъ досужныхъ лѣнивцевъ, по улицамъ и перекресткамъ, своею знаменитою пѣсенкою о Бурбонахъ, чуднымъ искусствомъ кривлянь и шевелинь свою смѣшную рожу, и огромными очками безъ стеколъ, съ побрякушками. Эти очки сжимали ему носъ, и онъ умѣлъ ихъ какъ-то двигать и качать на носу. Наконецъ я хочу сказать вамъ о толстомъ подагрикѣ, вездѣ попадавшемся, и со всякаго лица вырѣзывавшемъ силуэтъ изъ черной бумаги. Только что вы садились гдѣ нибудь на гулянье, онъ усаживался въ нѣсколькихъ шагахъ отъ васъ, вынималъ изъ кармана бумагу, ножницы, и черезъ нѣсколько мгновеній представлялъ вамъ собственный вашъ профиль. Вы могли

найдши его похожимъ, или непохожимъ, не отказываться отъ покупки было нельзя, если вы не хотѣли завести безконечной ссоры съ художникомъ. Въ этомъ случаѣ, куда дѣнется бывало его подагра: бѣгите опроменью — онъ васъ догонитъ. Бѣднакъ этотъ жилъ въ Тивольскомъ саду, въ хижинѣ величиною не больше будки, обклеенной бѣлою бумагою, и обвѣшенной силуэтами, какъ будто Китайскими тѣнями. По вечерамъ, онъ освѣщалъ внутренность своей будки, и она казалась сквознымъ фонаремъ. Однажды, утромъ, хотѣли что-то сказать ея обитателю, постучались у дверей его хижины, отворили: свѣчи у него совершенно догорѣли, и несчастный вырѣзыватель силуэтовъ сидѣлъ мертвый. Видно было, что онъ умеръ уже нѣсколько дней....

Это грустно. Но въ томъ, что мы прежде перебрали, есть забавное: изображеніе жизни человѣческой, у которой развязка печальна, какъ бы ни шалила судьба во все продолженіе пьесы....

МОСКВА.

„Да, что вы, въ самомъ дѣлѣ, народъ православный! Развѣ Москва-то наша, матушка, клиномъ вышла?“

* * *

И у насъ на обухѣ рожь молотятъ, да зерна не уронятъ.

Старинная пословица.

МѢЛКАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

ШАРЛАТАНСТВО И ДИКОВИНКИ МОСКОВСКІЯ.

Мастерскою кистью обрисовалъ намъ остроумный Жаненъ *мѣлкую промышленность* Парижскую. Смѣешься, досадуешь, учишься изъ этой миніатюрной живописи, или, лучше сказать, этой рисовки въ родѣ Жоганно. Какой міръ, новый, неизвѣстный, ни кѣмъ не замѣченный, открывается для насъ! Всѣ мы видали и видимъ его передъ глазами, слышимъ его говоръ, смотримъ, какъ онъ движется, шевелится, волнуется, ежедневно, ежечасно; но никто не замѣчаетъ его, такъ, какъ всѣ *живутъ* и *не думаютъ* о томъ, что живутъ; такъ, какъ *Мѣщанинъ во дворянствѣ* сорокъ лѣтъ говорилъ прозою, и не зналъ этого. Насмѣшливымъ перомъ поднялъ для насъ Жаненъ занавѣсъ, будто Иванъ, Русскій бо-

гашырь, поднявшій каленою стрѣлою брови огромнаго Царя Высокоброва, и—какой урокъ! Можешь-ли вылакированная картина нравовъ старика Жуи, или классическаго Же, сравниться съ подобнымъ очеркомъ нравовъ! Тутъ не для чего выискивать остроумныя противоположности; не для чего ставить людей на ходули сатиры, или въ жизни ихъ открывать причины противорѣчія тому, чѣмъ они *должны быть*, и чтю они *суть*. Отчетъ понятный и короткій. Вы видите суетливость мѣлочнаго рынка съѣстныхъ припасовъ, и толпу разнородныхъ шорганей; заглядываете въ каморку дворника; передъ вами: царапатель улицъ, коммиссіонеръ, продавецъ контра-марокъ, подрядчикъ водевилей и стиховъ, семейство фигуранта, натурщикъ, лоскутникъ; передъ вами ходячая кухня, обѣдъ провинціяла, омнибусъ, старое платье. Сравнивайте, судите, дѣлайте выводы, философствуйте сами объ этой *смѣси Бардуса съ Пьютономъ*, называемой: *человѣкъ*....

Но картина Жанена была-бы не полна, безъ прибавки Томмье. Этотъ насмѣш-

никъ подобралъ еще много колосьевъ, на полѣ, сжатомъ его предшественникомъ. Торгаши, ниншанели, одѣванели Парижа, лекаря, подрядчики, фокусники, шуты — необходимо должны войдти въ обзоръ наблюдателя, если онъ хочетъ вполнѣ видѣть міръ щепетильной общественной дѣятельности, нижнюю ступеньку общества.

Въ самомъ дѣлѣ: физическія потребности и вещественныя занятія человѣческой жизни, не составляютъ-ли трехъ этажей Промышленности каждаго общества? Оттолкнемъ въ сторону умственное бытіе человѣка, и посмотрите: бельэтажъ, среднія, прекрасныя, просторныя, богато-меблированныя комнаты общественной жизни, не занимаютъ-ли ихъ большіе торговцы, фабриканты, заводчики, поставщики, откупщики, подрядчики, съ своими огромными капиталами, обширными заведеніями, превосходными издѣліями, конторами, магазинами? Сюда сваливаютъ цѣлые грузы кораблей, годовые сборы обширныхъ полей, лѣсовъ, рѣкъ, морей. По внизу, въ нижнемъ этажѣ —

дѣятельность мѣлкая, часто одноручная, всегда неспрая, подстрекаемая нуждою, голодомъ, холодомъ, жаждою: тутъ цеховой, ремесленникъ, кустарникъ, разнощикъ, развозщикъ, перенощикъ, лоскутникъ—копѣйка вертится, катится ребромъ; тѣлега замѣняетъ обозъ; коробъ служитъ магазиномъ. Все это будетъ не полно безъ верхняго этажа, и этотъ верхній этажъ, во всякомъ обществѣ, занятъ — прошу извиненія — шарлатанствомъ всякаго рода, всѣмъ тѣмъ, что произъявляетъ безъ милльоновъ и безъ копѣекъ, безъ магазиновъ и тѣлеги, безъ станка и пила. Тутъ фокусники тѣла и ума, аферисты, плясуны, прыгуны на карманѣ ближняго и на веревкѣ, прожектеры на дѣлѣ и на бумагѣ. Въ этомъ этажѣ, смотря по обстоятельствамъ, комнаты бываютъ убраны хорошо и худо; люди пьютъ, то Шампанское, то воду; торгуютъ всѣмъ— даже смѣхомъ и слезами ближняго, веселятся въ печали, печалятся въ радости. Разумѣется, что жильцы часто перемѣняютъ квартиры: изъ перваго сходятъ въ третій этажъ, изъ третьяго въ пер-

вый, изъ обоихъ переходящъ во второй, и весьма часто изъ втораго переселяются въ третій и первый. Кромѣ того, они всѣ посѣщаютъ другъ друга взаимно, сужаются другъ другу, и весьма нерѣдко милльонщика встрѣтишь въ платьѣ шарлатана, мѣлочника въ одеждѣ богача, такъ, какъ въ передней знатнаго барина стоятъ просители и кредиторы, слуги и чиновники, аферисты и подчиненные, дѣльные люди и бездѣльники.

Такъ бываетъ вездѣ, въ Парижѣ, Калугѣ, Пекинѣ, Мадритѣ, Чухломѣ, Ардановѣ на Аланьрѣ, Испагани, Ялуторовскѣ—однимъ словомъ: повсюду. Но столицы можно почесть особенными представителями каждой земли. Хотите-ли знать характеръ какого нибудь народа? Разсмотрите прилежнѣе его столицу. Хотите-ли разгадать способы, средства, достатки и недостатки какой нибудь земли? Разглядите ее столицу, только разглядите съ толкомъ. Такъ Галль по черепу судилъ о цѣломъ человѣкѣ, и не ошибался. Гдѣ-жъ сыскать намъ *черепъ столицы?* Три этажа общественной промышленности всего луч-

ше покажутъ вамъ сущность каждой изъ столицъ. Въ этихъ трехъ этажахъ промышленности соединяется все: умъ, характеръ, средства, способы народа и земли. Тутъ вытягивается сущность изъ всего; тутъ сбирается все, со всѣхъ сторонъ, со всѣхъ концовъ; налагается подать на всѣ умы, на всѣ способности, на всѣ глупости людскія.

Впрочемъ, бель-этажъ общественной промышленности сходенъ почти во всѣхъ земляхъ. Въ немъ много дѣла спекулянту, но мало занятія наблюдателю человѣка; есть повѣрка географу, но почти нѣтъ работы психологу. *Мѣлкая промышленность* и *шарлатанство*, тѣ отдѣленія, гдѣ, большею частію, умъ замѣняетъ средства, ловкость деньги, смѣлость способы, удача разсчетъ — вотъ гдѣ любопытно прогуляться, и вотъ гдѣ забавно и поучительно подмѣтить человѣка — въ Мадритѣ, Лондонѣ, Парижѣ, Москвѣ, Петербургѣ, Берлинѣ, и проч. и проч. И въ этомъ отношеніи не льзя не сказать спасиба умному Жанену, за его легкую, мѣлкую картину Парижа.

Мнѣ вздумалось: его очерки примѣрять на Москву, соединивъ съ ними очерки Поммье. Хочу пригласить моихъ читателей на Жаненовскую прогулку въ первый и третій этажъ Московской Промышленности. Не угодно-ли, Мм. Гг., въ нынѣшнюю, ведряную, прекрасную осень, побродить по Московскимъ улицамъ и закоулкамъ, подслушать, подсмотрѣть Русскій народъ на рынкахъ и площадяхъ, заглянуть въ Московскіе чердаки и подвалы, уголки и балаганы. Не знаю: буду-ли я искуснымъ руководителемъ и наблюдателемъ; напередъ увѣренъ, что не успѣю позабавить васъ такъ остроумно и мило, какъ Жаненъ; еще болѣе увѣренъ, что не буду въ состояніи исчислить и описать *всѣ* подробности моего предмета.

Тотъ Эйлеръ-бы другой въ наукѣ числить былъ,

кто не забылъ-бы упомянуть о чемъ нибудь такомъ, что обхватываютъ въ мірѣ, слѣдственно, и въ Москвѣ, *мѣлкая промышленность* и *шарлатанство*. Боже мой! гдѣ они невстрѣчаются! Взгляните

на кабинетъ ученаго, лавку купца, мастерскую художника, толкучій рынокъ, блестящій магазинъ, табачную лавочку, присутствіе суда, залу вельможи, каморку цеховаго — вездѣ люди промышляютъ и шарлатанятъ — не всегда, но это: *не всегда*, кажется исключеніемъ изъ общаго правила. Такъ заведено и ведется между людьми. Спрашиваю еще: на чемъ не дѣлаютъ спекуляцій своихъ мѣлкая промышленность и шарлатанство? На всемъ, что только можете вы себѣ вообразить: умѣ и глупости, красотѣ и безобразіи, дарованіи и уродствѣ, бѣдности и богатствѣ, болѣзни, здоровьи, прыжкахъ, ѣдѣ, питьѣ, и платьѣ человѣческомъ! Вся природа: рыбы, птицы, звѣри, жуки, раки, львы, вода, воздухъ —все въ мірѣ продается. Торговля оптомъ не можетъ существовать безъ мѣлочной, а такъ, какъ *люди всѣмъ торгуютъ*, то и мѣлочная промышленность и шарлатанство необходимы вездѣ и всюду, какъ пѣнь при свѣчѣ, и ржавчина при металлѣ. Да—онѣ видны всюду, и управляютъ людьми, словно записными своими рабочниками.

Но оставимъ для другихъ общія опредѣленія, и начнемъ наше правоучительно-забавное путешествіе по Москвѣ, въ мѣста шарлатанства и мѣлко-промышленности.

Не будемъ вводить въ наши очерки мѣлочныхъ *обязанностей* и *должностей*. Что дѣлается потому, что *велятъ* это дѣлать, то не есть уже чистое произведеніе разгульной воли. Видѣть характеръ мѣлкой промышленности и шарлатанства надобно именно въ томъ, что дѣлается не по приказу, а по собственному желанію.

Чинная Жанена, вѣроятно, многіе готовы были воскликнуть: »Въ самомъ дѣлѣ, какой мѣлко-промышленный и шарлатанскій городъ этотъ Парижъ! Какая это столица *бездѣльниковъ*, сбѣжавшихся съ цѣлаго свѣта! Но, Мм. Гг. — воля ваша, а это не совсѣмъ справедливо! Повѣрьте мнѣ, что грибы растутъ вездѣ; что гдѣ идетъ дождь, тамъ вездѣ бываетъ и грязь. Вся разница въ *разнохарактерности* дивертисмана.

Вообразите себѣ Москву, громаду, раздвинутую на площади 64-хъ квадрат-

ныхъ верстъ, и гдѣ, въ 10,000-хъ домахъ, живетъ и приживаетъ болѣе 300,000 человѣкъ народа. Изъ 20-ти тысячь подьячихъ, 12-ти тысячь цеховыхъ, 47-ми тысячь мѣщанъ, 3-хъ тысячь иностранцевъ, 50-ти тысячь крестьянъ, и 70,000 барскихъ людей, изъ всего этого собранія *двухъ сотъ тысячь* человѣкъ, (не говоря объ *остальныхъ ста тысячахъ*), сколько, думаете вы, надобно отнести къ *лѣнкой*, и сколько къ *крутой* промышленности? Вы задумаетесь, любезный мой читатель, а я еще спрошу у васъ: сколько изъ этѣхъ 300,000 живетъ въ Москвѣ не имѣя, ни передъ собою, ни за собою, ни пріюта, ни какого средства жить, кромѣ двухъ рукъ, съ прибавкою желудка, который надобно чѣмъ нибудь насытить, и головы, которую надобно приклонить куда нибудь? Вопросъ новый: сколько, по вашему мнѣнію, въ Москвѣ пробуждается каждое утро народа, который не знаетъ — будетъ-ли у него на этотъ день *хлѣбъ насущный*? Кто подумаетъ обо всемъ этомъ, тому — горька иногда покажется чашка Ханскаго чаю,

ли Гаванскаго шоколада, которую проглатываетъ онъ, небрежно сидя на диванѣ своемъ, и вытягивая дымъ изъ янтарнаго чубука!... Но таковы всѣ столицы, собраніе противоположностей и крайностей всякаго рода....

Просимъ добродушнаго провинціяла, который никогда не бывалъ въ Москвѣ, не пугаться, не воображать ее себѣ сборищемъ голодающаго народа. Никто и никогда не умиралъ въ Москвѣ съ голода, и кто не знаетъ хорошо подробностей Москвы, тотъ увидитъ въ ней слезъ и услышитъ горестныхъ вздоховъ гораздо менѣе, нежели въ какомъ нибудь уѣздномъ городкѣ. Пріѣзжайте въ Москву, катайтесь по ней, пируйте у Московскихъ хлѣбосоловъ, ѣздите по богатымъ магазинамъ, любуйтесь ея работами, издѣліями, ея огромными домами, ея вѣчнымъ движеніемъ, роскошью, праздниками, и — вы уѣдете изъ Москвы съ увѣренностью, что въ ней *золотое дно*. Въ самомъ дѣлѣ, золотое дно, потому, что Провидѣніе питающее птицъ небесныхъ, питаетъ всю Москву, и все живущее въ ней, отъ

рода звѣринаго, и онъ рода человѣческаго, и онъ гада пресмыкающагося. Вы и не замѣтите даже, что ни одна крупинка не упадетъ изъ рукъ вашихъ такъ, чтобы не попала въ чей нибудь ротъ; что передъ вами, за вами, надъ вашею головою, подъ вашими ногами, вездѣ гнѣздится, живетъ, добываетъ себѣ хлѣбъ, и — даже веселится своею жизнію народъ, православный и неправославный! Если беззаботность Русскаго народа о будущемъ чувствуется гдѣ нибудь сильнѣе всего, то, конечно, въ Москвѣ. Не думайте, чтобы всегда одни нужды двигали эту толпу, съ утра до вечера, по площадямъ и улицамъ — нѣтъ! столько-же движется она и для веселья, отъ нѣчего дѣлать, для того, чтобы поторопозѣвать на что придется! Трактиры, рестораціи, гулянья, кабаки, травли, театры, выставки набиты народомъ, и Москва выпиваетъ *ежедневно* тысячи по двѣ, по три ведеръ вина, съѣдаетъ говядины, считая поголовно, не менѣе Лондонскихъ обитателей, и вдвое прошивъ Парижскихъ. Но за все это — нѣтъ уже вер-

шка земли, гдѣ не шерлась-бы мѣлкая промышленность, и не ступите вы шагу безъ того, чтобы не увидѣть объ руку съ нею шарлатанства, и чтобы изъ каждаго шага вашего не выгадывалъ себѣ кто нибудь чего нибудь, если не въ карманъ, такъ прямо въ желудокъ. Люди ѣдятъ, пьютъ, родятся, умираютъ, женятся, гуляютъ, смѣются, плачутъ, и за все это платятъ подать, или мѣлкой промышленности, или шарлатанству. Мы увидимъ это изъ подробностей.

Сказавъ, что несправедливо почитать Парижъ преимущественнымъ обиталищемъ мѣлкой промышленности и шарлатанства, мы дали разумѣть, что Москва едва-ли уступитъ во всемъ этомъ Парижу, и что все состоитъ въ разнохарактерности дивертисмана. Какая-же это *разнохарактерность*?

Не бывавъ никогда въ Парижѣ, можемъ судить о Парижской характеристикѣ по словамъ Жанена. Что-то легкое, веселое, съ какими-то требованіями на удобство и роскошь, что-то происходящее изъ народнаго характера, ловкое, учтивое, обще-

тельное, общее, довольно безстыдное и блестящее — вотъ Парижъ!

Не такова Москва. Что-то тяжелое, грубое, *удалое*, довольное малымъ, готовое на всякія лишенія, что-то смѣшанное — старинное съ новымъ, Русское съ иностраннымъ, не общее, всегда раздѣльное, разграниченное, скупое, когда начнетъ богатѣть, половкое въ удачѣ, сносливое въ неудачѣ, и вообще не блестящее и безхарактерное — вотъ Москва!

Развратъ въ Парижѣ веселый, шутливый, открытый; развратъ въ Москвѣ угрюмый, разгульный, скрытный; Парижъ все выдумаетъ, Москва все переметъ; *Афера* и *шарлатанство* Парижское ходятъ во фракѣ и манто, Московское *удальство* и *прощодушничество* въ шубѣ и однорядкѣ; Парижъ хитритъ, Москва упрощаетъ; Парижскій шарлатанъ уклончивъ, учтивъ, Московскій грубъ и безстыденъ; одинъ предлагаетъ, другой навязываетъ; Парижъ говоритъ: *Monsieur*, Москва: *Баринъ*.

Обглядимъ сперва нѣсколько *постоянныхъ* угловъ мѣлкой промышленности Московской. Знаете-ли вы, что такое на-

зывается въ Москвѣ: *Городъ?* Когда-то говорили мы объ этомъ; прибавимъ теперь еще нѣсколько словъ къ прежде сказанному. Такъ называется пространство нѣсколькихъ десятковъ десятинъ, обнесенныхъ старинною каменною стѣною, подлѣ Кремля, по Неглинной, потомъ по берегу Москвы рѣки, и именовавшееся въ старину: *Китай городъ.* Русскіе, любя упрощать и сокращать имена, сдѣлавшіе изъ Мугаммеда *Махлета*, изъ Шварценберга *Шварцова*, отбросили: *Китай*, и зовутъ эту отгородку просто: *Городъ.* Городъ этотъ состоитъ, главное изъ большаго лабиринта торговыхъ рядовъ, разбитаго на три отдѣленія; потомъ изъ огромныхъ лавокъ, извѣстныхъ подъ именемъ *Гостинаго двора*; еще изъ нѣсколькихъ торговыхъ мѣстъ, называемыхъ: *Мытный дворъ*, *Рыбный дворъ*, *Яблочный рядъ*, *Рыбный рядъ.* Тутъ-же выстроено было въ старину нѣсколько монастырей, нѣсколько церквей, два собора, находятся присутственныя мѣста, нѣсколько подворьевъ, нѣсколько трактировъ, и тѣснится множество домовъ. Все это

поперегъ прорѣзываетъ улица съ Тверской на Москву рѣку, и еще вдоль три улицы: Никольская, Ильинка, Варварка. Здѣсь царствуетъ Московской торговли, промышленныхъ дѣлъ и занятій. Съ утра до ночи шумъ, ночью движеніе, до свѣта начинается ѣзда и ходьба; туда всякій день идетъ приказный, спѣшитъ купецъ, ѣдетъ извощикъ, торопится фабрикантъ, скачетъ барыня. Тутъ движутся маклеръ, коммиссіонеръ, Сибирякъ, Жидъ, мужикъ, баринъ, хозяинъ, приказщикъ, работникъ. Все тутъ найдете вы, чего только хотите, отъ Жидовскаго золота до Китайскаго чаю, отъ гнилой рыбы и снѣдковъ до Сибирскаго соболя и лакомаго ананаса, отъ кипы Англійской бумаги до лоскутка кустарной выбойки. Тутъ ворочаютъ милльонами, тянутся безконечные обозы, и движется толпа людей безъ числа. *Городъ* носитъ на себѣ полный отпечатокъ коренной Руси: напоказъ тутъ ничего не выставляютъ — все грязно, замарано, нестро; огромные домы набиты мѣлкими жильцами; богачи толкутся на слякоти, и рѣша-

юнъ участь огромныхъ капиталовъ, одѣнные въ рабочее платье; тутъ горы товаровъ, но все лежитъ за замками; тутъ въ одно время звонятъ на колокольнѣ, пьютъ чай въ трактирѣ, обманываютъ въ лавкѣ, продаютъ на площади, покупаютъ въ амбарѣ, мѣняютъ на улицѣ.... Судите о томъ, что значитъ *Городъ*, по цѣнѣ зданій, его составляющихъ. Домы и лавки, выстроенные въ этой тѣснотѣ, и принадлежащіе частнымъ людямъ, цѣнятся въ *сорокъ милліоновъ*, и, конечно, стоятъ въ трое дороже. Тутъ главный притонъ большой, крупной, и главное раздолье *мѣлкой промышленности*. Она облѣпила каждый уголокъ лавочками, шкапиками, столиками, балаганчиками, жмется въ погребахъ, живетъ подъ крышами, ходитъ и стоитъ съ ящиками, коробками, лотками. У Ильинскихъ воротъ отдѣлила она себѣ особенный *Толкучій рынокъ*, и, въ самомъ дѣлѣ, *толчется* на немъ и около него, въ полномъ смыслѣ этого слова. Тутъ міръ лоскутьевъ, тряпицъ, поношеннаго бѣлья, ломаныхъ вещей, старыхъ книгъ, сапоговъ безъ подошвъ, ча-

шекъ безъ ручекъ, нищихъ, мошенниковъ, перекупщиковъ, бродягъ. Принесите туда стаканъ безъ дна, бутылку безъ горла, шляпу безъ тульи — покупщикъ найдется; не держитесь рукою за платокъ вашъ въ карманѣ — его вытащатъ; купите что нибудь — васъ обманутъ; продайте что нибудь — васъ обочтутъ. Тутъ гоповы поклянется въ копѣйкѣ, выторговать у денежки, увѣрить, что продаютъ новое, хоть оно все въ дырахъ, и кто не бывалъ на *Толкучемъ рынкѣ*, тотъ лишается разрѣшенія многихъ психологическихъ задачъ Русскаго характера.

Повернемъ въ другую сторону. Видите-ли этотъ длинный, узкій, мрачный, замачканный проходъ отъ Богоявленскаго монастыря къ рядамъ, съ обѣихъ сторонъ обставленный каменными лачугами. Это *Пѣвчая*, то есть, строенія, принадлежащія Духовному вѣдомству, и занимаемыя *пѣвчими*. Но здѣсь мѣлкая промышленность гнѣздится до такой степени, что, смотря на туземцевъ Пѣвчей, не понимаете: гдѣ могутъ улечься на ночь всѣ жители

этого грязнаго закоулка? Тутъ брѣютъ, стригутъ, шьютъ, кроятъ, стучатъ молотомъ, варятъ, пекутъ, красятъ, декатируютъ, торгуютъ винами и квасомъ. Тутъ цѣлый міръ страстей, отношеній, занятій.

Перейдемъ поперегъ Варварку, и взглянемъ подъ гору, на эту кучу неопрятныхъ, запачканныхъ домовъ, гдѣ ночью можете задохнуться отъ вони: это *Зарядье*. Мѣсто отъ рядовъ къ Москвѣ рѣкѣ вышло подгорное, низменное; оно все застроено домами. Тутъ мѣста, гдѣ останавливается безчисленное множество пріѣзжающихъ въ Москву купцовъ и торгашей; тутъ подворья: *Курское*, *Воронежское*, *Жидовское*, *Мурашевское*, *Тульское*, и проч. и проч.; въ двухъ арминныхъ кельяхъ, раздѣленныхъ узкими корридорами, живетъ, разсчитывается, угощаетъ, обѣдаетъ, спитъ толпа пріѣзжихъ торговцевъ, со всѣхъ концовъ Россіи; подлѣ ихъ находятся товарныя палатки и анбары, и мѣлкая промышленность, какъ туча саранчи, облегаетъ тутъ каждый вершокъ мѣстечка. Тутъ она шьетъ обновки на

добрыхъ гостей, которые потомъ, пріѣхавъ въ свой городъ, хвастаютъ, что платье ихъ *сшито въ Москвѣ*; шутъ она кормитъ и поитъ ихъ, продаетъ имъ помаду, духи, полу-шампанское, шапки, шляпы, перчатки, сапоги, чепчики, шляпки, бьется изъ копѣйки, обманываетъ, божится, клянется, печетъ блины и пироги. Здѣсь Русь все еще *Русская*. Дворники съ бородами, кухарки въ повойникахъ, мастеровые въ Русскихъ кафтанахъ; съ ужасомъ глядятъ здѣсь, если пріѣзжій не соблюдаетъ постнаго дня, и угрюмо посматриваютъ, когда услышатъ не-Русскій языкъ. Тутъ, правда, живутъ и пріѣзжіе въ Москву Жиды; но, бѣдные *изгнанники вселенной*, похожіе въ этомъ на Наполеона, они занимаютъ въ Зарядьѣ одинъ извѣстный домъ: домъ этотъ набитъ сынами Израиля, и тутъ у нихъ свой міръ, свои шабаши, своя музыка; но за то, они чужды всѣмъ другимъ, постояннымъ и временнымъ обитателямъ Зарядья. Если на другихъ подворьяхъ останавливаются иногда Жиды, то *песики* ихъ служатъ знакомъ остер-

женія для всѣхъ другихъ обитателей иного подворья.

Но, довольно; оставимъ душное, вонючее *Зарядье*, и прогуляемся по *рядамъ*. Надобно пробѣжать ихъ поскорѣе: намъ остается еще немало гулять по Москвѣ: должно заглянуть на Кузнецкій мостъ, бывать на рынкахъ Московскихъ, съѣздить въ Преображенское, посмотрѣть на всѣ Московскіе углы....

Вотъ мы снова перешли Варварку, и вошли въ *ряды*. Длинное протяженіе ихъ, до самой Никольской, пересѣкается Ильинкою. Вѣтеръ рѣзко гуляетъ по длиннымъ переходамъ; лѣтомъ дождь льетъ съ верху, зимою въ нихъ холоднѣе, нежели на улицѣ. Но будь хоть 30-ть градусовъ мороза, труженики промышленности сидятъ, стоятъ, ходятъ съ утра до вечера подлѣ лавокъ, расположенныхъ съ обѣихъ сторонъ каждаго ряда. Что вамъ угодно? Велите-ли пересчитать вамъ названія рядовъ, изъ которыхъ многія напоминаютъ старину (*Юхотный*, *Суровскій*, *Фряжскій*, *Москотильный*, *Бакалейный*, *Зо-*

разницу физіогномій, манеровъ, обхожденій купцовъ, купчиковъ, прикащиковъ, хозяевъ, мальчиковъ, смѣсь одеждъ ихъ, образованій, даже извѣстныхъ, различныхъ обычаевъ каждаго ряда, что въ *Кваснолѣ*, на примѣръ, вамъ кланяются, и учтиво приглашаютъ; въ *Кафтанолѣ* почти хватаютъ васъ за руки, и тащатъ въ лавку; въ *Шляполѣ* оглушатъ васъ призывнымъ крикомъ: что есть ряды, гдѣ почти всѣ торговцы съ бородками, есть другіе, гдѣ почти всѣ безъ бородокъ; есть, гдѣ торгуютъ женщины, въ Русской одеждѣ; есть, гдѣ почти никогда не обманываютъ? Не угодно-ли прислушаться къ вычету товаровъ, ловко подобранному и произносимому скороговоркою, какъ выученная пѣсня: »Синицы лучшіе, коленкоры, кисеи, демикотоны, ванки, жилетныя матеріи — пожалуйте, — что изволите спрашивать?« — »Чай, сахаръ, кофе,—перчатки, подгалстучники, помочи лучшія—что изволите? что прикажите? что угодно?« — Не зайдите-ли намъ, для шутки, въ какую нибудь лавку, спросить чего нибудь, притворитесь,

будто не понимаемъ, что съ насъ просятъ въ чистеро; полюбоваться, какъ ловко умѣютъ показать и *продать товаръ лицомъ*, отмѣрять его въ цѣни, подмѣнить другимъ, не разсердиться на прихоти покупателя, не разгнѣваться, когда покупатель сердится, бранится, даетъ полцѣны, увѣряетъ, что только *для васъ, съ почина*, уступаютъ? Нѣтъ! не для всего этого мы рѣшились пройдти по рядамъ, терпѣливо слушать клики торговцевъ, и толкаться въ тѣснотѣ съ покупателями — мы ищемъ *малой промышленности* — гдѣ она? О, здѣсь она на каждомъ шагу!...

Крупное именно всегда скрыто, а *малое* всегда лѣзетъ въ глаза, и не даетъ вамъ прохода. Не такъ-ли *вездѣ?* Все великое надобно отыскивать — оно не любитъ навязываться на шею; оно движетъ массами, громадами изъ тишины уединенія; великое не терпитъ площаднаго шума, безсмысленнаго, щепетильнаго говора толпы; оно падаетъ на толпу, какъ снѣговая вершина Казбека на узкую тропинку, проложенную по бокамъ

Кавказа, и въ паденіи заваливаетъ ее. Такъ и въ *Городнѣ* надобно доискиваться иной уединенной палатки, иного мрачнаго анбара, изъ которыхъ грузъ цѣлаго корабля растягивается на стѣнки полу-Россіи въ видѣ тонкой хлопчатой бумаги, или на сотняхъ лошадей заваливается товаромъ рынки Малороссіи и Сибири. Но—не мѣсто размышленіямъ, когда мѣлкая промышленность бѣжитъ за нами, зоветъ насъ, тянетъ за полу. Вотъ вся Ильинка, вся сторона рядовъ къ Лобному мѣсту, и Никольская, усыпаны каретами, тѣлежками, дрожками — ихъ притянула сюда мѣлочная промышленность. Посмотрите: стоитъ четверня лошадей, длинно-бородый кучеръ торгуетъ пирожки, форейторъ, въ кафтанѣ, обвязанномъ веревочками вокругъ ногъ, заѣдаетъ калачемъ скуку, дѣти глядятъ изъ кареты на обольстительную корзинку игрушекъ, и молоденькое личико дѣвушки, зѣвая, смотритъ сквозь окно кареты на лотокъ съ виноградомъ, пока лакей покупаетъ роговую гребенку своей женѣ у ходячаго торговца. Вотъ и франтикъ остановился

на тротуарѣ, выстреливаетъ толчки прохожихъ, и вертитъ палочкою, думая, что хорошенькое личико заглядѣлось на него. Что причиною всего этого зрѣлища? Мѣлочная промышленность! Потребность въ шессмакахъ, леденчикахъ, шпилькахъ, гапелькахъ, въ видѣ толстой барыни пріѣхала въ ряды, вылѣзла изъ кареты, побранила лакея, заказала дѣтямъ оставаться въ каретѣ смирно, и сидитъ теперь въ лавкѣ, перебирая, что показываетъ ей мѣлкая промышленность. Она представитъ ей потомъ игрушки для дѣтей, яблоки для дочки, табакерку для мужа, вязальныя иголки для служанокъ, кланяется ей, называетъ ее Превосходительною, завертываетъ покупку въ бумагу, проситъ пожаловать еще. — А эти зѣвающіе на Минина и Пожарскаго кучера, пока господа ихъ бродятъ по рядамъ? А эти хлѣбы, калачи, булки, лепешки, сайки, подъ холщевыми навѣсами, кругомъ Лобнаго мѣста? А эти лимоны, апельсины, яблоки, ягоды, крендели, кулачи на головахъ разнощиковъ? Все это созвала, привела сюда мѣлочная промышленность,

со всѣхъ концовъ Москвы. Она неисповѣдима, удивительна! Видите-ли этого человѣка съ ящикомъ, и что, думаете вы, продаетъ онъ? Пробочныя поплавки для лампадокъ передъ Образами. Онъ ходитъ и продаетъ, а между тѣмъ цѣлыя семейства рѣжутъ пробки, гнутъ жесть, и готовятъ для него товаръ. Посмотрите еще на этого человѣка, въ ветхой фризовой шинели, подлѣ сапожной лавки. Онъ кличетъ, зоветъ, показываетъ сапоги, башмаки, калоши, распоряжается, продаетъ. Что онъ: хозяинъ или приказчикъ? Нимало: это *срывщикъ*. По утру онъ приходитъ къ лавкѣ, молится Богу на Спасскія ворота, и начинаетъ дѣйствовать. Условіе: за все, что онъ продастъ, цѣна извѣстная, и цѣну эту онъ отдаетъ хозяину лавки, а что онъ приторгуетъ, сверхъ цѣны—это его; лавка запирается вечеромъ; срывщикъ идетъ домой, сытый, иногда навеселѣ, и несетъ еще въ карманѣ, чѣмъ прокормить завтрашній день дѣтей и жену. А они что дѣлали? Можетъ быть, они клеили картонныя коробки, въ которыхъ вы покупаете шляпы, чепчики, шляпки,

или разчесывали хлопчатую бумагу, и дѣлали изъ нея вату; прилпивали лакированные козырьки къ картузамъ; чистили ягоды для варенья, или промывали соръ, который позволяютъ имъ выменивать съ фабрикъ, гдѣ дѣлаютъ шарфы, эполеты, гдѣ волочатъ золото, серебро. Перемывая, перечищая этотъ соръ, цѣлое семейство питается пылинками золота и серебра, въ немъ находимыми. Можетъ быть, они вертѣли чубуки, или красили сурикомъ, мѣдянкою и баканомъ картинки, которыя продаются тысячами дюжинъ по всей Россіи, которыхъ мѣсто было прежде на Спасскомъ мосту, когда еще вокругъ Кремля былъ ровъ, Спасскій мостъ былъ обставленъ лавками, и весь Кремль былъ закрытъ огромнымъ рядомъ лавокъ.

Бѣдныя Русскія, простонародныя картинки, вы, съ дѣтства знакомыя намъ, лубочныя *Райскія птицы*, изображенія *похоронъ кота*, *борьбы Савоськи съ Параломкою*, Страшнаго суда, седьми грѣховъ смертныхъ, Масляницы, Семика — вы, исторіи *о женскихъ уловкахъ и непостоянныхъ документахъ*, *о носѣ и сильномъ мо-*

розъ, о великомъ объѣдалъ и славномъ подпивалъ! мнѣ жаль васъ! Вынѣсенныя съ Спасскаго моста, вы перешли было къ Казанскому Собору, — и отсюда васъ прогнали! Зайдемте въ Квасной рядъ — вотъ остатки; но что это? Гдѣ-же Русское, родное, гдѣ Савоська, гдѣ котъ, гдѣ Масляница? Я вижу какія-то карикатуры на Французскіе эстампы; вотъ и надписи: Entellemens le sarat, Rafell et Virlunie, Catles X, King of England! Вотъ нѣмецкая Маниньда съ Малекъ-Аделемъ, не-хожіе на домовыхъ; вотъ вѣчная мучениця Кошинель, съ своею Елисаветою L***, вотъ неизбѣжные Павелъ и Виргинія, которыхъ и по надписи не узнаешь! Съ досадою, спрашиваю картинокъ *любителей*, знакомыхъ мнѣ, какъ разгульная Русская пѣсня. »Вамъ вѣрно надобно *простолюдину*? « отвѣчаетъ мнѣ торгашъ.

— Да, простонародному, который замѣнилъ ны карикатурою на гравированье, какъ вообще родное, грубое, но милое въ простонѣ, національное, мы замѣнили карикатурою на Европейское.—Торгашъ не

понимаетъ меня. »Стыдно, сударь, мнѣ продавать здѣсь эту дрянь. Извольте спросить у Ильинскихъ воротъ.« Онъ разгнѣвался. Такъ разсердился на меня однажды рядовичъ табачнаго ряда, думая, что я на смѣхъ спрашиваю у него Руской берестяной шавлинки, съ ременкомъ въ крышкѣ. Онъ торгуетъ *табакерками лаковыми*, съ безобразными, уродливыми портретами, съ сценами изъ романовъ Коцебуе, съ каррикатурами на Бернета, съ баталіями, гдѣ всѣ Турки и Французы лежатъ побитые, и гдѣ подписано: *знаменитая битва при Бауцени, взятіе крепости Варшавы.* Табакерки этѣ лаковыя, хотя стоятъ по 10 копѣекъ, и въ мѣсяцъ вы не избавитесь отъ вони этого лака, и черезъ два мѣсяца, или менѣе еще, табакерка ваша развалится! »Извольте спросить гдѣ нибудь въ табачной лавочкѣ; мы этого не держимъ; у насъ покупаютъ господа!« — Да, господа? Ну, какъ же имъ нюхать что либо, кромѣ *букета любви, собранія любви, розе, віоле, парфетъ-амуръ*, то есть, табаку, который воняетъ перечною мя-

тою и *ладиколономъ*, отъ котораго Фарина опроменью убѣжитъ, зажавши носъ?

Здѣсь опять можно-бы впасть въ *общія мѣста*, о сходствѣ нашего образованія, одинаково и въ Лиссабонурѣ и въ шабакѣ, въ Живописи, Архитектурѣ и въ презрѣніи къ шавлинкѣ и простовику.... Но, не стыдемъ *грязнить грязи*.... Слово: *простовикъ*, напомнило мнѣ другое. Міръ мѣлкой промышленности имѣетъ свой словарь, до сихъ поръ не собранный, свои манеры выражаться, до сихъ поръ незаписанные. У всякаго мастерства, у всякаго ряда, у всякаго товара есть своя *техническая терминологія*. Подслушайте договоръ какого нибудь мучнаго торговца, или мясника, и вы узнаете ловко подобранное описаніе ихъ товара: »Солодъ свѣжій, чистый, роценый, молотый, безъ примѣси; горохъ сухой, свѣжій, не гнилой, нечервоядный, безъ запаха; крупа не запхлая, не солодѣлая; сухари, добротные, выпеченные, неподгорѣлые, безъ закала, выквашенные; мясо говяжье, свѣжее, битое изъ живой, жирной скотины, безъ

головъ, голяшекъ, зарѣзовъ и хвостовъ, необрѣзное!« и проч. и проч.

Вотъ бѣжитъ дѣвочка, въ лоскутьяхъ, въ отцовскихъ сапогахъ, въ матерниной шубѣ, купитъ восьмушку сахару и на засыпку чаю. Отецъ и мать ея, шапочники въ Ивчей, выработали цѣлковый, разбогатѣли, чувствуютъ необходимость роскоши; къ нимъ зашелъ кумъ, бродячій столяръ: онъ полдня стоялъ подлѣ биржи, съ парою стульевъ и столикомъ, кое-какъ сдѣланными, сколоченными, и проданными на улицѣ, безъ лавки, безъ магазина, можетъ быть, мимоходящему сапожнику. Гдѣ достать чаю и сахару на ту маленькую сумму, какая вручена дѣвочкѣ? А вотъ, по Ильинкѣ, между входами въ ряды и большими лавками, вездѣ втиснуты маленькія убѣжища мѣлкой промышленности: лавки аршина по два ширины, въ аршинъ длины, на самыхъ тычкахъ, и за ихъ прилавками разставлены чай, сахаръ, кофе, Китайскіе ацички, сдѣланные въ Москвѣ. Каждый проходящій носомъ уткнется въ нихъ, и ловкій, оборотливый продавецъ не про-

пустишь мимо себя мухи, не только человѣка. Воображаешь, что въ такой лавкѣ всего товара бываетъ на тысячу рублей, и что продавецъ онъ лавочки своей сынъ самъ, прокармливаетъ семью, держитъ мальчика — ловца проходящихъ, прекрасно одѣтъ, и если вы купите у него что нибудь, онъ потчуетъ съ чайничкомъ въ прикладъ, за горячею водою, поподчиваетъ васъ чаемъ, и вы можете бесѣдовать съ нимъ, какъ древній Аѳинянинъ на торжищѣ, о городскихъ новостяхъ, о политикѣ, о погодѣ, смотрѣть между тѣмъ на проходящихъ, и въ тоже время вкушать Китайскій нектаръ, какъ будто въ диванной богача. Прибавьте, что за наемъ такой лавки платятъ по 1000, по 2000 рублей въ годъ. Вотъ промышленность, возможная только въ Москвѣ! Она основана на лѣности человѣческой, потому что покупатель всегда попадаетъ въ первое мѣсто, куда его приглашаютъ, и при безчисленномъ множествѣ маленькихъ продажъ, тысяча рублей вертится колесомъ, и въ годъ оборотъ двухъ - тыс-

сячную лавку, и всѣ расходы торговца. Не съ однимъ сахаромъ и чаемъ есть въ городѣ такія лавочки, прилавки и шкапики; ихъ найдете съ галантереею, лентами, игрушками, стальными вещами, шелковыми, бумажными товарами. Ловкость, умѣнье торговцевъ — непостижимы! Тамбовская помѣщица, въ первый разъ съ роду, пріѣхала въ Москву, подходитъ къ такой лавочкѣ: ей кланяются, называютъ ее по имени, которое успѣли уже выспросить у Фалалея, слуги ея; она спрашиваетъ товару, котораго никогда не бывало въ лавочкѣ. Тотчасъ посылаютъ за нимъ въ *запасную палатку*, которая вовсе не существуетъ: товаръ возьмутъ у сосѣда, въ другомъ ряду, и продадутъ за свой, а съ сосѣдомъ послѣ сочтутся. Чутьемъ узнаютъ: любите-ли вы торговаться, умѣете-ли покупать, знаете-ли толкъ въ товарѣ, и будутъ съ вами честны, тихи, болтливы, рѣшительны, медленны, разузнавши вашъ характеръ, склонности и способности.... И такъ существуетъ торгъ лавочекъ, прилавковъ, шкапиковъ, угловъ,

корзинокъ, коробокъ, на тысячу манеровъ, который у человѣка съ бородкою одинъ, у человѣка во фракѣ другой, у старика третій, у молодаго рядовича четвертый.

Но, пора намъ изъ *Города*. Пойдемъ-те къ Воскресенскимъ воротамъ. Видите-ли вы эту толпу народа у Присутственныхъ Мѣстъ? Тутъ опять разнообразное царство мѣлкой промышленности и торговли.... Прошу не переполковывать словъ; не думать, что мы подразумѣваемъ здѣсь торжество кривизною и прямизною вѣсовъ правосудія — совсѣмъ нѣтъ! Мы увѣрены, что судьи у насъ хорошо вѣдаютъ, что подписываютъ, секретари вѣрно подбираютъ законы, а подьячіе прекрасно знаютъ грамоту. Нѣтъ! мы говоримъ о промышленности - собственно. Вамъ надобны свидѣтели, разумѣется, по дѣлу правому? Вотъ стоитъ ихъ цѣлая дюжина, готовая подписать свои имена, подъ чѣмъ угодно — купчею, рядною, мировою, духовною, отпускною. Не смотрите, что они не брыты, не стрижены, одѣты въ фризовыя шинели, въ

изорванныхъ сапогахъ; не смотрите и на то, что они не дорого продадутъ вамъ свои подписи. Какъ-бы то ни было, но трое изъ нихъ Провинціяльные Секретари, двое чиновники 13-го класса, два Коллежскихъ, два Губернскихъ Секретаря, и всѣ *благородные* люди, потому, что всѣ съ *офицiею.* — Посмотрите, какъ жарко толкуетъ эта вытертая шинель, вотъ съ этимъ мѣщаниномъ: »Напитемъ — да, ужь я тебѣ говорю, что ты правъ — вѣдь указы 1772 года и 1801 года, ясно гласятъ....« И говоря это, шинель протягиваетъ руку, и глядитъ на ближній трактиръ....

Мы пришли на перекрестокъ, гдѣ прежде были *Моисеевскія богадѣльни*, и гдѣ на лѣво, напротивъ и сзади васъ, къ Александровскому саду, и къ Университету, по обѣимъ сторонамъ, до самаго Экзерциргауза, находится цѣлая куча рядовъ и лавокъ. Это *Неглинная.* На право знаменитый *Охотный рядъ*, извѣстный даже и въ Сибири, тѣмъ, что въ немъ все найдете, и всегда, чего только душа и желудокъ пожелаютъ — артишокъ и рѣ-

пу, ананасъ и пѣшуньи гребешки, перепелокъ, рябчиковъ, салашъ и грибы, все — кромѣ *птичьяго молока и свиныхъ рогъ*. Но — шутъ дѣло обыкновенное. Любопытно, правда, походить по Охотному ряду въ воскресенье: иногда со всей Москвы сводятъ и сносятъ сюда курицъ рѣдкихъ, голубей диковинныхъ, кошекъ, мосекъ, пуделей, лягавыхъ, болонокъ, бѣлыхъ мышей; любопытно и лѣномъ взглянуть на свозъ грибовъ, и подивиться, кто ихъ съѣдаетъ; любопытно передъ Рождествомъ взглянуть на свозъ живности, которою заставлены бываютъ Дмитровка и Театральная площадь; любопытно въ день Благовѣщенія зайдти тутъ въ птичьи лавки, гдѣ оглушатъ васъ тысячи перепелокъ, синицъ, щегловъ, дроздовъ, канарекъ, и соловьевъ, и куда въ этотъ день благочестивые люди приходятъ покупать и выпускать на волю птичекъ, по старому повѣрью, хотя они не знаютъ стиховъ Пушкина, и не умѣютъ сказать сами себѣ:

Блаженъ, коль одному творенью
Я могъ свободу даровать!

Любопытно всегда взглянуть тутъ на добрыхъ хозяекъ, Нѣмокъ, какъ онѣ, въ будничныхъ капотахъ, съ огромнымъ запасомъ кульковъ, идутъ, ѣдутъ, торгуютъ, покупаютъ. Любопытно на Масляницѣ зайдти къ *Воронѣ*, первому блинщику въ Москвѣ — посмотрѣть на непроходимую толпу всѣхъ званій, проглотывающую тысячи блиновъ, посмотрѣть, какъ ловко вертятъ и звенятъ блинники сковородками, и пекутъ пятидесятъ блиновъ въ минуту... Но оборотимся на *Неглинную*.

Нигдѣ не найдете вы столь сильныхъ доказательствъ того, какъ Рускій умѣетъ жить на живую нитку, дѣлать на часъ да вскачь, съ девизомъ: *сойдетъ, живетъ*! Тутъ можете купить за 500 рублей рессорныя дрожки, прекрасныя, свѣтлыя, красивыя, и истратить на нихъ 500 руб. въ годъ на починку; тутъ купятъ у васъ старое, выгладятъ, и продадутъ за-ново вамъ-же. Не угодно-ли вамъ зайдти въ кафтанныя и шубныя лавки, и купить кафтанъ вашему кучеру? Въ первой покажутъ вамъ сперва, какъ во-

дишся, самую дрянь, потомъ лучше, лучше; наконецъ, вы выбрали, не спорговались, пошли въ другую лавку. Прежняя исторія: дрянь, лучше, лучше, выбрали — просишъ дорого, идише въ прешью. Здѣсь вы еще выбрали, видише, что дешевле нигдѣ не берушъ — покупаше! Но знаше-ли, что вы купили тотъ самый кафтанъ, который смотрѣли въ первой лавкѣ? — Можно ли? Какъ онъ переленѣлъ? — Въ верхнемъ этажѣ сдѣлана сквозной ходъ, и кафтанъ переносили для васъ изъ первой во вторую, продали вамъ въ третьей, и перетащили-бы его въ десятую лавку, если-бы вы шли далѣе, безпрестанно показывая вамъ для развлеченія подставную дрянь.

Не наскучили-ль вамъ блины и кафтаны, Вороны и Неглинная, грязное, замаранное Русское царство мѣлкой промышленности? Пройдемте на Кузнецкій мостъ — онъ недалеко. А! вотъ, мы, въ этой знаменитой области модъ!

Вотъ онъ, Кузнецкій мостъ, и вѣчные Французы!

Вотъ это неистощимый источникъ насмѣшекъ, водевилей, куплетовъ, эпи-

граммъ, пугалище сиенныхъ помѣщиковъ, предметъ мечтанія молодыхъ женъ и дѣвушекъ, причина вздоховъ мужей и опасенія отцовъ! Вотъ зеркальныя стекла, и гъ нихъ блонды, чепчики, гродерьены, шемизетки, колеретки, планочки, Французскіе романы, Англійскіе сюрпризы, Парижскія репризы, Лондонскіе капризы! И все это унизано хрустальными стеклянночками, отсвѣчено зеркалами, уставлено цвѣтными коробочками, отшѣнено, раскрашено, вылощено, вечеромъ освѣщено тысячью огней, которые блестятъ и играютъ на хрусталѣ, бронзѣ, мраморѣ, когда мостовая дрожитъ отъ стука каретъ и колясокъ.... Русь изчезла:

Ни слова Русскаго, ни Русскаго лица!

Изчезла грязь, запачканная ветошь, бороды, поклоны рядовичей, блины. Здѣсь вы уже знакомитесь съ *Европою*; тутъ есть свое безсмертіе, свои *славы*: видите-ли, какъ благодарное потомство хранитъ память прежнихъ великихъ людей Кузнецкаго моста? Прочтите на вывѣскахъ: »Магазинъ, *бывшій* Гуа; Магазинъ, *быв-*

тій Мегронъ.« Вотъ и современныя славы: *Яръ*, гдѣ за завтракъ можете вы отдать цѣлый обозъ хлѣба, за обѣдомъ ѣсть черепаховый супъ и Пергейскій пирогъ, а за пулярдку заплатить 25 рублей; вотъ геній салоновъ и манто—*Кашаевъ;* вотъ *Отель берже*, съ ликерами прямо изъ Парижа, и чудными конфектами, въ которыхъ сахаръ превращается въ виноградъ, персикъ, голову Хозревъ-Мирзы, вотъ собственный вензель, наполняется ликеромъ, и тащитъ въ рощу, такъ, что вы не сытнитие его, и не позавидуете амврозіи Омира....

Но знаете-ли однакожъ, гдѣ вы? Только декорація перемѣнилась: вы по прежнему въ царствѣ мѣлкой промышленности! Да, она убрала для васъ лавки хрусталемъ и бронзою, вылакировала прилавки, привезла вамъ Парижскихъ книгъ, сюрпризовъ, капризовъ, эстамповъ, духовъ, помадъ, цвѣтовъ, бурь-де-суа, гроденаплей, Римской воды, Англійскаго меду, планочковъ тру-тру, порошковъ Португальской Королевы, куреній Султана и Могола. Она бьется, мучится, тихонько перетаскиваетъ иноземное, чтобы услужить вамъ

чѣмъ нибудь *не-Русскимъ*. Она задаетъ работу Русскому мужичку, заначканному цеховому, грязному мѣщанину, кладетъ поломъ на ихъ издѣлья печать вкуса, одобреніе моды, волшебныя прилагательныя: *Парижское*, *Лондонское*, *Итальянское*, чудное свойство изящества дороговизны, свойство калейдоскопа, въ которомъ кусочекъ крашенаго стекла пронится, десятеритися, и кажется яхонтомъ, изумрудомъ, рубиномъ....

Боюсь упомянть васъ прогулкою по цѣлой Москвѣ. Пойдемте хоть по бульварамъ, тихонько, весело. Теперь можете вы отъ Кузнецкаго моста до Екатерининскаго Института, отъ Пречистенки до Яузы, пройдти не замаравши ногъ, по гладкой дорогѣ, между двумя рядами деревъ, хоть не *сиполистственныхъ*, но радующихъ зеленью.

Вотъ шутъ, на Трубѣ, пропитъ *изобрѣтателя бумажныхъ халатъ*, гдѣ народъ дивится крашеному Китайцу, зимою мѣлкая промышленность сгоняетъ тысячи возовъ съ дровами; выше, она-же сводитъ въ одну кучу сотни возовъ съ сѣномъ. Бѣднякъ тащится десятки верстъ изъ

окрестностей Москвы, везетъ вамъ крынку масла, возъ дровъ, буракъ соленыхъ грибовъ, мѣшокъ муки, крупы, дюжину телятъ, плетушку съ курицами, и потомъ стоитъ цѣлый день на дождѣ, на слякоти, на снѣгу, въ грязи, кланяется вамъ, проситъ купить, исполняетъ ваши прихоти, терпитъ вашу брань, и везетъ за вами свою продажу на край Москвы, хотя бѣдная кляча его едва тащится.... Пожалуйста — не обочтите его въ сдачѣ, не заставьте взять обрѣзнаго червонца....

Видно, что старики наши были меньше насъ заняты, или больше насъ трудолюбивы. Они хаживали за живностью въ *Курятный* рядъ, за тушами свинины на *Болото*. Люди стали щедуютѣе, лѣнивѣе, болѣе заняты, и — мѣлкая промышленность разселилась на рынки. Ихъ десятки въ Москвѣ, и почти на каждомъ найдете теперь сокращеніе Охотнаго ряда, Города, Кузнецкаго моста, Болота, Трубы. На многихъ есть уже лавки панскія, москошильныя, мясные и рыбные ряды, и проч. и проч. Но рынки имѣютъ свою

физіогномію. Къ отличительнымъ чертамъ ихъ принадлежатъ *табачныя лавочки.*

Едва-ли найдете вы что нибудь столь разнообразное въ мірѣ, сколь разнообразна въ Москвѣ продажа табаку, проклятой этой травы, терной и сушеной, для рта и для носа. Есть цѣлые ряды лавокъ въ *Городѣ*, гдѣ сыщете вы все, что только относится къ табаку, отъ янтарнаго мундштука и пѣнковой трубки до кусочка трупу и порціи *амафорскаго* (т. е. Амерсфортскаго) табаку на 5 копѣекъ. Есть лавки табачныя *Греческія*, на вывѣскѣ которыхъ усатый Турокъ рѣжетъ табакъ, и гдѣ можете купить водяной кальянъ, черный Царяградскій табакъ и Турецкіе туфли. Есть цѣлые фабрики табаковъ Русскихъ, Петербургскихъ, Гамбургскихъ, Вакштафовъ, Канастеровъ; есть Голландскія лавки, гдѣ продадутъ вамъ сигары, полученныя прямо изъ Гаванны и Портъ-о-Пренса; наконецъ, на каждой почти улицѣ найдете вы по нѣскольку табачныхъ заведеній, гдѣ дѣлаютъ лучшій Вакштафъ, Американскій Р. А., лучшій Турецкій, словомъ: какой

приказеніе; найденіе и уединенныхъ табачныхъ мѣльниковъ, которые по цѣлымъ днямъ трутъ въ горникахъ просной табачокъ, для просныхъ носовъ, не называя его ни *Американскимъ*, ни *Голанскимъ*. Примѣта такихъ нуснѣнниковъ маленькій *засиѣдасъ* въ оконкѣ, куда проходящіе кидаютъ гроши, и откуда подаютъ имъ маленькіе бумажные сверточки, въ видѣ конуса—провизію для носа, на день, и на два. Улица Московская не въ улицу, если на ней нѣтъ *продажи абонныхъ товаровъ* — иногда съ прибавкою *рому*, *виноградныхъ винъ и водокъ*, и руки съ карпами, показывающей, что тутъ можно и карты купить; *ресторація*, съ самоваромъ на вывѣскѣ, или рукою изъ облаковъ, держащею подносъ съ чашками, съ подписью: *въходъ въ ресторацію*, или *съѣстной трактиръ*; Нѣмца хлѣбника, съ золотымъ кренделемъ, иногда аршина въ два, надъ дверью, и флегматическимъ лицемъ супруги его подлѣ оконка; продажи сбитня на углу, гдѣ въ пятъ ведеръ самоваръ кипитъ съ ранняго утра; цырюльни, съ изображеніемъ дамы, у которой кровь фонтаномъ

бьетъ изъ руки; въ окошкѣ обыкновенно шорчитъ завитая голова засаленнаго подмастерья, и видна надпись надъ дверьми: *бриютъ и кровь отворяютъ*; бочарни, гдѣ вѣчно гнутъ обручи и сколачиваютъ кадочки, напѣвая Русскую пѣсню; *портерной лавочки* и *продажи пива* и *меду*, съ пивнымъ фонтаномъ изъ бутылки въ стаканъ на вывѣскѣ, бальзаминами на окошкахъ, толенымъ шорганемъ у дверей; наконецъ нѣсколькихъ *табачныхъ лавочекъ*, то есть, какого нибудь тиканика, уголка, окошекъ, закоулковъ въ воротахъ, гдѣ въ квадратномъ аршинѣ пространства помѣщается купецъ и товаръ его: нѣсколько чубуковъ, нѣсколько трубокъ, горшокъ съ табакомъ тертымъ, нѣсколько картузовъ и картузиковъ съ лучшимъ Американскимъ, Кнастеромъ, Вагинатомъ (и каждый картузъ продадутъ вамъ за гривенникъ). Я люблю смотрѣть на этѣ лавочки, и всегда иду тише, когда иду мимо такой лавочки....

Многое нравится мнѣ въ табачныхъ лавочкахъ: и эта изобрѣтательность мѣлкой промышленности, пріютившая-

ся въ уголку; и эта умѣренность человѣческихъ желаній, укромно заключенная въ пространствѣ менѣе человѣческаго гроба. Но всего этого мало. Табачникъ обыкновенно бываетъ человѣкъ *бывалый*, иногда старый служивый, или барскій человѣкъ, на волю отпущенный. Обыкновенно: онъ не бритъ недѣлю, красенъ отъ того, что всегда находится на воздухѣ, и всегда подлѣ его лавочки собираются куритъ и нюхать множество охотниковъ. У него продаются балалайки и гитары, сносятся сплетни, сходятся слухи, отдыхаютъ подъячіе, балагуритъ буточникъ съ ближней будки, и иногда, мимоходомъ, останавливается даже Коммиссаръ квартала. О, табачный лавочникъ важное лицо на каждомъ рынкѣ, на каждой улицѣ, гдѣ онъ торгуетъ и засѣдаетъ!

Но довольно объ *осѣдлой* мѣлкой торговлѣ и промышленности. Не поведу васъ ни на *Кошую*, гдѣ хитрые Цыганы истощаютъ весь умъ на борьбу съ Природою, возвращаютъ юность старости, силы безсилію, и слова не скажутъ не обма-

нувши; ни къ *заставамъ*, гдѣ выѣзжающему насильно навязываютъ калачи и сайки; ни въ *гостинницы*, гдѣ всякаго пріѣзжаго окружаетъ толпа народа — Итальянецъ съ ваксою, Жидъ съ галантереею, Татаринъ съ шалями и халатами, Тиролецъ съ пряниками, цырюльникъ съ бритвою, извощикъ съ предложеніемъ кареты, дрожекъ, саней; не поведу въ *пряничные курени*, фабрики Московскаго одеколона, харчевни, лавочки, гдѣ продаютъ печенку и языки говяжьи, къ швеямъ, бахромщицамъ, драпировщикамъ — отзывамъ Кузнецкаго моста, въ шерстобитни, гдѣ цѣлый день гудетъ струна шерстобитна, въ лавки, гдѣ собирается тряпье для бумажныхъ фабрикъ, гдѣ скопляются кули и обозы пуху и перьевъ — поговоримъ лучше о ходячей, бродячей, ручной, носильной мѣлкой промышленности.

Возьмите какой угодно предметъ: вы найдете на одномъ концѣ его магазины и тысячи, на другомъ корзинки и копѣйки. Нѣтъ предмета, котораго-бы *не носили* по улицамъ. Сирота бездомная, торговля разнощиковъ скитается изъ дома въ

домъ, изъ улицы въ улицу. Сидите подъ окномъ, у себя дома, и вы можете, что угодно продать, что угодно купить. Къ вамъ придутъ торговать старыя голенища вашихъ сапоговъ, золу изъ вашихъ печекъ, груду, лежащую подлѣ вашей конюшни, разрозненные томы Эккарштаузена. Слухъ вашъ поражаетъ Тирольская пѣсня, горловые звуки ranz de vache: это жонглеръ Альпъ и Граубиндена продаетъ бѣленькіе голички и деревянные часы; ливрейный лакей показываетъ вамъ волосяные ридикюли, сдѣланные имъ на досугѣ, пока баринъ сидѣлъ въ Клубѣ, или за висномъ; усатый служивый, съ медалью за 1812-й годъ, вытягивается передъ вами... Какъ, и вы торгуете, мой славный солдатъ, мой Бородинскій герой? Да, бывши во Франціи, онъ выучился плести корзинки изъ соломы, плетенъ ихъ, между ученьемъ и смотромъ, въ шумѣ казармъ, сперва вычистивши свое ружье, и осмотрѣвши: можно-ли ему передъ каждою пуговицею поправить свой лихой усъ. Солдатское жалованье невелико. Поди сюда, мой добрый служивый! Продай мнѣ свою

корзинку, выпей еще добрую рюмку водки, скажи мнѣ: *здравія желаю*, и поблагодари меня за ласковое слово.

Вамъ угодно сдѣлать обѣдъ? Но у васъ нѣтъ ничего, кромѣ пустой залы. Есть ли у васъ деньги? Есть. Извольте-же назначить: сколько у васъ будетъ гостей, и дѣло кончено. Завтра-же каждый изъ нихъ получитъ печатный билетъ; огромные столы заломятся у васъ подъ тяжестью серебра, золота, фарфора; среди жаркаго лѣта сахаръ съ Цейланскими пряностями замерзнетъ въ видѣ апельсиновъ и ананасовъ; арктическія стерляди, изъ Шексны и Волги, заставятъ гостей вашихъ забыть, что въ Москвѣ не только рыбы, но и рѣки порядочной нѣтъ; зимой горы ананасовъ напомнятъ вамъ Италію, и пусть идетъ хлопьями снѣгъ, розы, лавровыя, померанцовыя, лимонныя деревья зазеленѣютъ, заблагоухаютъ въ вашей залѣ; ароматы Востока упоятъ обоняніе вашихъ гостей; изъ столѣтняго кремня Рейнскаго, съ благодатныхъ полей Шампани, изъ Лондонскихъ пивоваренъ Брадлея, съ тучныхъ холмовъ

Токая, изъ кислыхъ источниковъ Зельцера, съ палимыхъ зноемъ плантацій Ямайки, польются рѣками вино, вода, пиво, ромъ, пока гости ваши объѣдаются устрицами, черепахами, лягушками, пирогами изъ Страсбурга, сыромъ изъ Лимбурга, перепелками изъ Курска, виноградомъ изъ Астрахани, и пока богатыя канделабры Мальцова, Орлова, и бронза Розенштрауха, горятъ тысячью радужныхъ огней. Не угодно-ли вамъ еще музыку, которая будетъ гремѣть за каждымъ глотокомъ? Не закажете-ли вы стиховъ, особой кантаты? Вамъ ихъ напишутъ, положатъ на музыку, пропоютъ, пропляшутъ. Требуйте, какъ Поцемкинъ, кислой капусты; какъ Англичанинъ, ножку жаренаго соловья; какъ Нѣмецъ, рюмку киршвассеру — все принесутъ вамъ, не заботьтесь: мѣлкая промышленность собьетъ съ ногъ кондитеровъ, поваровъ, извощиковъ, рыбаковъ, садовниковъ, драпировщиковъ, мясниковъ. Все дадутъ вамъ *на прокатъ* — покупать не нужно, кромѣ того, что съѣдятъ, выпьютъ и разобьютъ. Сегодня у васъ мож-

но было угощенiе Персидскаго Шаха — завтра вина зала опять пуста, и слѣды остались только въ книгѣ счетовъ передъ вами, и въ убыли вашего бумажника. Промышленность идетъ далѣе: угощенiе Персидскаго Шаха будетъ вамъ стоить только то, что надобно заплатить за листъ вексельной бумаги — если вы безспорный наслѣдникъ дядюшки, который еле дышетъ.

Но, можетъ быть, вы хотите угостить не обѣдомъ, а концертомъ? Давно-бы сказать: вотъ вамъ рояль, вотъ самъ Филдъ, вотъ лучшiе артисты, вотъ и знатоки! Сегодня вы пріѣхали въ Москву — поклонитесь только бумажникомъ мѣлкой промышлености, и завтра полъ-Москвы будетъ у васъ на балѣ, двадцать богачей прижмутъ васъ дружески, и хотя вы некрасивы, какъ Эскимосъ, десять красавицъ станутъ умирать отъ любви къ вамъ, и какихъ вамъ угодно красавицъ: Нѣмокъ, Итальянокъ, Француженокъ, Англичанокъ, брюнетокъ, блондинокъ?... Впрочемъ, не палите слишкомъ: Москва городъ степенный, семейный, городъ же-

нашыхъ — она сквозь пальцы смотритъ на шалости, но не любитъ ихъ!... Знаете-ли что? Вашъ балъ прекрасенъ: все освѣщено, все горитъ, все гремитъ, все пляшетъ; передъ окнами ярко блистаетъ брильяновый щитъ, хлопаютъ бураки, летятъ ракеты; дикіе сыны Елисиума, дѣвы Цыганскія гикаютъ, увеселяютъ гостей восторгомъ безумія, но — вы что-то задумались? О чемъ? Не уже-ли Московское повѣтріе — *женитьба* — махнула на васъ крылушкомъ, среди Московскихъ красавицъ.... Чего-же долго думаешь? Женитесь поскорѣе! Завтра дайте пароч-но маскерадъ: костюмы, маски, кадрили — все будетъ къ вамъ доставлено, и въ безконечномъ котильонѣ, въ сидячей мазуркѣ, вы разогрѣете сердце вашей побѣдительницы полнымъ признаніемъ въ любви. А маменька? О, Боже мой! не позволитъ потешаться дочькѣ своей съ человѣкомъ, который даетъ такіе богатые балы и маскерады.... И шутъ вѣдь своя промышленность: дочери товаръ не бойкій — смѣлѣе! Что? Васъ любятъ, васъ благословляютъ, вамъ надобно уже

вѣнчаться, вамъ хочется облечь невѣсту вашу въ шали, брильянты, надобенъ экипажъ? Вотъ вамъ *все на прокатъ*, кромѣ невѣсты: шестерка лошадей, бородатый кучеръ, два великана лакея въ золотѣ, голосистый форрейторъ, шаль въ 10,000 рублей, брилянты на голову, на грудь, на шею вашей невѣсты, радость родныхъ, и даже дружба гостей....

Впрочемъ, знаете-ли что? Женитеся-ли полно вамъ на этой хорошенькой дѣвочкѣ? Вамъ она нравится, хороша, добра? Прекрасно; но вѣдь у нея ничего нѣтъ! Помилуйте: нравится! Мало-ли что вамъ нравится; хороша — посмотрите-ка вы на нее лѣтъ черезъ десять — она будетъ точь въ точь походить на свою некрасивую маменьку; у нея доброе сердце: какъ это скоро вы узнали? Сердце женщины, М. Г., глубокій колодецъ, гдѣ на самомъ только днѣ сидитъ истина — трудно ее оттуда вытащить.... Право, послушайте меня — бросьте романическія идеи! — Вы согласны? Умный человѣкъ! И такъ примемся опять за мѣлкую промышленность! Къ намъ явля-

ются *свахи* и *сваты*, приносятъ полныя росписи приданаго, описываютъ невѣстъ. Посмотримъ: 150 тысячь и бриллянты, 100 тыс. и лавки, 170 тыс. и деревня, 125 тыс. и наслѣдство. Дайте поскорѣе магарычи свахѣ, и поѣдемъ смотрѣть, знакомиться.... Дѣломъ сладить не долго.

Ну, мой милый Жоржъ Данденъ, и такъ ты теперь *Московскій житель и женатъ!* Поздравляю, поздравляю; но что-же ты морщишься? Vous l'avez voulu, vous l'avez voulu, George Dandin, vous l'avez voulu, cela vous sied fort bien, et vous voilà ajusté comme il faut, vous avez justement ce que vous méritez (ты хотѣлъ этого, ты хотѣлъ этого, Жоржъ Данденъ, ты этого хотѣлъ, и тебѣ это очень пристало, ты убранъ, какъ должно, и получилъ именно то, чего стоишь). Какъ! Ты жалуешься на мои совѣты? Ты вспоминаешь о милой дѣвочкѣ твоей, о любви? Помилуй, Жоржъ Данденъ!

Я ждалъ-ли глупости такой,
Давая умные совѣты!
И какъ съ пустою красотою
Сравнить существенность монеты?

У тебя есть теперь деньги, домы, лавки, деревни, и въ придачу *жена!* Дай Богъ всякому православному христіанину такъ жениться. —

Я первый глупостью почту,
И самымъ дерзкимъ заблужденьемъ,
Кто движимую красоту
Сравнитъ съ недвижимымъ имѣньемъ!

Впрочемъ, не ты первый, не ты послѣдній. Утѣшься, милый мой! Да, тебѣ нѣкогда и думать, не только утѣшаться! Что это: дѣтки? Сынокъ, дочька! Бѣги же къ мѣлкой промышленности, требуй у нея Русскую кормилицу, няньку Англичанку, Нѣмца дядьку, Француженку гувернерку, Француза гувернера. — Но, что это? Ты настоящій *Москвичъ*: разъ, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь — Коко, Зизи, Мими, Катинь, Бабетъ, Лоло, Фило, Дуду — это все твои дѣтки? Благословенное семейство! И что сказать:

Чтобы имѣть дѣтей,
Кому ума недоставало!

Такъ или сякъ, а теперь, любезный Жоржъ Данденъ, ты уже крѣпостной слу-

га мѣлкой промышленности! Она вопьется въ тебя, какъ клещъ добрый. Вотъ дѣвицамъ твоимъ надобны игрушки. Поѣзжай на Кузнецкій мостъ. Тамъ накупи оптическихъ, механическихъ, физическихъ игрушекъ, которыя (мимоходомъ скажемъ) можешь ты достать впрочемъ дешевле у Русскаго мужичка. Но за то, какъ фигурно все убрано въ *магазинѣ* игрушекъ, подлѣ какого нибудь *Итальянскаго магазина*, поэтически обвѣшеннаго колбасами и сосисками, такъ, что, смотря на нихъ, невольно хочется тебѣ выпить рюмку водки и закусить. Можно-ли сравнить съ этимъ Русскую игрушечную, или колбасную *лавку!* Пожалуста, мой милый, не думай легко объ игрушкахъ. Игрушки много значатъ въ мірѣ. Вотъ не успѣли твои дѣти отыграть въ куклы — имъ надобно играть въ образованіе и просвѣщеніе. Время невѣжества прошло; надобно *воспитывать* дѣтей. Они умѣютъ говорить по Французски, танцуютъ, играютъ на фортепіано. Но, развѣ этимъ только ограничишь ты благовоспитаніе ихъ? Ахъ, ты, варваръ! Ты хочешь ихъ

лишить высшаго достоинства человѣка, развитія умственныхъ способностей, хочешь, чтобы они стыдились своего вѣка, не понимали высокихъ, современныхъ идей.... Ты уже и оробѣлъ, мой милый? Не бойся: все это промышленность мѣлкая устроить тебѣ, какъ не льзя лучше! Есть особый родъ людей, называемый: *учители*. У нихъ есть маленькія исписанныя тетрадки, въ которыхъ записано много любопытныхъ вещей. Обязанность этихъ людей ходить и ѣздить изъ дома въ домъ, въ каждомъ сидѣть опредѣленное время съ дѣтьми, читать дѣтямъ свои тетрадки, и заставлять ихъ выговаривать эти тетрадки наизусть. Когда дитя подрастетъ, такъ, что въ воротничкѣ дѣтскомъ стыдно ему показаться въ люди, то ученіе кончено; все выученное изъ тетрадковъ забывается, и дѣвушку надобно тогда поскорѣе выдать за мужъ, а мальчика немедленно записать въ службу. Пока будешь ты это дѣлать, для учителей подросли другіе ученики: они раскланяются тебѣ, и пойдутъ съ своими тетрадками въ другіе

домы. Это колесо, любезный, называемое *ученіемъ* и *воспитаніемъ*.—Погдѣ учители?—Помилуй! на каждомъ шагу сполкнешься ты съ ними, ѣздящими и ходячими, съ рубля за часъ до 15-ти и до 25-ти рублей. Я совѣтую взять себѣ самыхъ дорогихъ. Выгодъ тутъ множество. Во первыхъ, вѣдь не для того ты учишь дѣтей, чтобы они знали что нибудь, а для того, что бы другіе знали, что они учатся. Кому-же можешь *разсказать* это какой нибудь бѣдякъ, спуденшъ, который и не пустятъ въ порядочный домъ? Во вторыхъ, изъ этихъ чудаковъ, бѣдныхъ учителей, есть пренесносные педанты, которые вздумаютъ мучить дѣтей твоихъ, и въ самомъ дѣлѣ *учить* ихъ. Имѣя два, три урока въ день, педантъ станетъ сидѣть съ дѣтьми твоими по два, по три часа.... Прочь, прочь его! Скорѣе легкаго, милаго, модпаго учителя, который едва успѣваетъ объѣхать домы, гдѣ учитъ, и смотритъ, сидя съ дѣтьми, не въ книжку, а на свои золотые часы, чтобы скорѣе провести время, и скакать въ другой домъ....

Прекрасно! Твои дѣти выросли съ тебя; теперь.... Но что это: ты больнъ, любезный Жоржъ Данденъ? Какъ! И искусственныя минеральныя воды не помогаютъ? Скорѣе замѣшкихъ промышленниковъ, называемыхъ *лекарями*: одинъ велитъ тебѣ пустить кровь, другой облѣпитъ тебя шпанскими мушками, третій заставитъ глотать пилюли, четвертый пьетъ микстуры. Великъ-ли расходъ! Лучшему-то довольно десяти рублей, за то, что онъ пріѣдетъ поговоритъ съ тобою, и пропишетъ тебѣ чего нибудь кислаго, или вонючаго! А сверхъ того, можно биться объ закладъ, что изъ 100 больныхъ одинъ непремѣнно выздоровѣетъ; можетъ быть, ты будешь этотъ счастливецъ, *сотый*? Но, нѣтъ, худо, худо! Ничто не помогаетъ? Ну! примись за послѣдователей Ганнемана, за лекарство Леруа; только плати — мѣлкая промышленность и въ этомъ случаѣ нестоцима. Она тебя за воротъ будетъ держать, и не пуститъ въ могилу, пока не перепробуетъ на тебѣ системы Броуна, Бруссе, Ганнемана, Леруа, Розаріо, Гуфе-

ланда, электричества, магнетизма.... Но нѣтъ! все кончено—тебя не вылечили *по мѣлочи;* попробуй лечиться *оптомъ* — консиліумъ скорѣе! Ты умрешь не въ порядкѣ, если не созовешь консиліума.... А! какъ взволновалась теперь мѣлкая промышленность! Она считаетъ уже каждый вздохъ твой. Когда одинъ твой слуга поѣхалъ сзывать на консиліумъ, другой немедленно бѣжитъ въ Суровскій рядъ, тренній къ гробовщику.... Имъ давно обѣщано на водку, и они спѣшатъ извѣстить: *у барина канцеліумъ!* Доктора ѣдутъ съ консиліума, ты спокойно умираешь, а въ залѣ стоятъ уже купцы съ парчами, съ глазетомъ, въ передней ждутъ заказа хозяева лавокъ, гдѣ *гробы продаются, обиваются, и на прокатъ отпускается трауръ,* въ ворота глядятъ псалтирщикъ, пономарь, каменосѣчецъ.... Счастливый путь! Умирай поскорѣе, полно ребячиться: большіе подсвѣчники, свѣчьки, покровъ, балдахинъ, дюжина мужиковъ, четверня клячь, дроги съ изображеніемъ мертвой головы, запасканныя шляпы и плащи для мужиковъ, и черныя попоны для лошадей, и елки, и пе-

сокъ, и поваръ и кандиперъ, и золотая надпись на надгробный памятникъ, съ *добродѣтелью*, т. е. разсказомъ о твоихъ добродѣтеляхъ, и извощики везли твою процессію — все готово! Что тебѣ томить себя и другихъ—умирай! Надобно-же когда нибудь умереть! Вѣдь этому народу не досугъ ждать: не одинъ ты въ Москвѣ умираешь....

Такъ мѣлкая промышленность, какъ мапериньская любовь, провожаетъ жителя Москвы отъ колыбели до гроба. Но какая мать сравнится съ нею! Кто исчислитъ тонкія нити, какими все опутала она?

У васъ развелись мыши, клопы, тараканы? Вамъ сей часъ выведутъ все это; не бойтесь несчастной участи Попеля и Гаттона: мѣлкая промышленность, какъ стражъ, за вами, и проситъ всего двугривенный! Вамъ надобно вычистить колодецъ — пятеро лѣзутъ въ него, трое задохнутся въ немъ за два рубля, но остальные вычистятъ вашъ колодецъ. Вотъ мѣлкая промышленность сидитъ на углу улицы, съ загаженнымъ лоточ-

комъ, и продаетъ вареныя яблоки, надѣнныя на деревянныя спички, и въ кувшинчикѣ стоитъ подлѣ нея грушевый квасъ; вотъ она, какъ новый Нарри, среди льдинъ Москвы рѣки, въ холодъ, морозъ, коченѣетъ, стонетъ, мерзнетъ, и набиваетъ льдомъ ваши погребъ; вотъ она отворяетъ двери, и кланяется вамъ, когда вы идете въ Троицкій трактиръ, и лѣнитесь протянуть руку; вотъ она печется на солнцѣ, стоитъ на кучѣ песку, ѣстъ хлѣбъ съ водою, и—моститъ вамъ мостовую, садитъ рядкомъ деревцы, обкладываетъ бульвары дерномъ, чиститъ уличную канаву; вотъ она встрѣчаетъ васъ въ корридорѣ Театра, и съ поклономъ предлагаетъ аффишку; вотъ она, запачканная въ сажѣ, чиститъ вашу печьку; дрожа отъ холода на чердакѣ, она шьетъ вамъ Лапинскую дессертацію. Не хотите-ли купить посвященіе книги? Не угодно-ли вамъ купить цѣлый романъ, заказать переводъ, чего угодно? Нѣтъ-ли у васъ самолюбія выдать себя авторомъ вашей покупки? Мѣлкая промышленность на все согласна! Вотъ она передъ вами,

на каждомъ перекресткѣ, съ жестяниками мороженаго, по пятаку рюмка, съ возомъ песку, гороху, бобовъ, рѣпы, крыжовнику. Это что такое? Ничего: вашъ портретъ, начерченный точками, перомъ — заплатные гривенники; вотъ и силуэтъ вашъ, вырѣзанный изъ черной бумаги — дайте пятак-алтынный: его вырѣзывалъ Нѣмецъ.

Но я не кончилъ-бы, если-бы сталъ васъ водить по всѣмъ отдѣленіямъ мѣлкой промышленности Московской. По счету 1820 года, въ Москвѣ—1935 человѣкъ шили сапоги, башмаки, калоши, 1085 человѣкъ дѣлали столы, столики, стулья, скамейки, и проч., 324 брили и стригли, 141 дѣлали и починивали часы, 256 пригоняли лошадиную сбрую, 959 ковали и лудили мѣдь, 916 ковали желѣзо, 727 работали дрожки и сани, 173 выдѣлывали мѣха, 178 рѣзали по дереву, 109 переплетали книги и тетради. Повѣрите-ли вы, что 13 человѣкъ нашлось тогда, осудившихъ себя цѣлый вѣкъ дѣлать щетки, 19 вить струны, 51 дѣлать чубуки, 114 рѣзать гребни, 282 человѣка только и знали дѣлать

мишуру, фольгу, блестки, трунцалъ, канитель, 107 готовить листовое золото и серебро, 105 шить перчатки, 20 дѣлать зонтики? Парикъ, сундукъ, рама, цвѣтокъ, картузъ, футляръ, фортепіано, обручъ, скребелка, лампа, дуга — тысяча предметовъ отъ земли, воздуха, воды и огня, отъ всѣхъ царствъ животныхъ, все, начиная отъ огромнаго каменнаго дома до зубочистки, отъ локоновъ, украшающихъ милое личико, до лапти на ногѣ извощика, отъ кованной, позолоченной ризы, до плошки для уличной иллюминаціи, отъ дамской шляпки, образованной поддѣльнымъ корсетомъ, до мѣрки дегтя, которымъ смазано колесо тѣлеги, отъ оправы брильянтоваго фермуара до мѣднаго креста на груди кухарки — мѣлкая промышленность обхватила все! Поезжте въ Преображенское и Черкизово — и въ каждомъ домѣ найдете вы станокъ тесемочный, ленточный, карась шелковый; въ каждомъ домѣ стучатъ бердомъ, или вертятъ веретено. Нѣсколько отдѣльныхъ міровъ мѣлкой промышленности можете вы найдти въ разныхъ частяхъ

Москвы, и во всякомъ свои нравы, свой образъ мыслей, свои обычаи....

Бывали прежде роды мѣлкой промышленности, которые теперь изчезли совершенно. Такъ, на примѣръ, на Красной площади нѣтъ уже бродящихъ съ приписью подъячихъ, которые, въ старину, писывали тутъ просьбы, подъ открытымъ небомъ, среди шумной толпы; нѣтъ уже ходячихъ цырюльниковъ, которые стригли головы на улицахъ и площадяхъ, неся въ большой коженной киѣ весь снарядъ свой, и скамеечку подъ мышкою; нѣтъ уже *вѣчекъ* на Каруницкой площади, гдѣ торговали всякой всячиной; по рядамъ перестали уже носить вареную табаку съ инбиремъ; нѣтъ открытыхъ карточныхъ банковъ, какіе бывали прежде....

Есть роды мѣлкой промышленности дневной; есть такіе, что выползаютъ на бѣлый свѣтъ только ночью. Наконецъ, есть мѣлкая промышленность по временамъ года, по праздникамъ.

Начнемъ съ послѣдней недѣли Великаго поста. Русская весна показываетъ при-

ближеніе свое грязью по улицамъ, и глыбами снѣга, вырубленнаго изъ мостовыхъ, и складеннаго въ кучи. Въ Лазареву субботу первое гулянье вокругъ Кремля, и иногда въ Кремлѣ и Городѣ прохода нѣтъ отъ продавцевъ *вербы*. Восковыя яблоки, персики, груши, херувимы на палочкахъ — утѣха и радость дѣтей — продаются сотнями тысячь, и цѣлые лѣса вербы, всякихъ цвѣтовъ, всякихъ цѣнъ, видны повсюду. Нѣтъ бѣдняка, который-бы не купилъ себѣ иногда вербочки. Въ Вознесенскомъ монастырѣ, въ Кремлѣ, настоящая ярмарка: инокини монахини и послушницы цѣлый годъ заготовляютъ запасъ вербы, и щеголяютъ искусствомъ въ дѣланіи оной. Но вотъ— Страстная недѣля: вербы изчезли, и на всѣхъ углахъ рынковъ, въ Городѣ, за Городомъ, являются тысячи, сотни тысячь яицъ, крашенныхъ, золоченныхъ, серебреныхъ, деревянныхъ, мраморныхъ, восковыхъ; на Кузнецкомъ мосту тысячи *сюрпризовъ*; самые конфекты принимаютъ видъ яицъ. Послѣдніе дни Страстной означаются *пасхами* и *куличами*: сотни

ихъ, всякой цѣны, всякаго вида, разставляются по рынкамъ и улицамъ, на длинныхъ, покрытыхъ скатертями столахъ, и изчезаютъ, какъ снѣгъ весною. Настала Пасха: все бѣжитъ подъ Новинское, и — забываетъ мѣлкой промышленности нѣтъ конца. За три недѣли, она строитъ и краситъ тамъ балаганы; потомъ пляшетъ въ нихъ, играетъ, кричитъ, шумитъ, продаетъ орѣхи, пряники, кормитъ, поитъ, усыпаетъ дорожки пескомъ, качаетъ, удивляетъ народъ. Настало лѣто. Промышленность разсыпается по всѣмъ окрестностямъ Москвы: готовитъ домики въ Сокольникахъ, въ Останковѣ, въ Петровскомъ, на Трехъ горахъ, въ Кунцовѣ; несетъ конфекты, фрукты, орѣхи, ягоды, иногда вертитъ за пять, за десять, въ палящій жаръ, на головѣ, пѣшкомъ; въ назначенные дни для гуляньевъ во Всесвятскомъ, на Нѣмецкихъ Спанахъ, у Спаса на Новомъ, подъ Симоновымъ, на Дѣвичьемъ Полѣ она подаетъ вамъ сигарку, и подставляетъ фонарикъ, съ свѣчкою, на которой можете закурить купленную сигарку, подчиваетъ васъ клюковнымъ

квасомъ, мороженымъ, пряникомъ, конфектами, поетъ вамъ Русскую пѣсню, подыгрывая на берестяномъ рожкѣ, предлагаетъ хлыстикъ, палочку съ чубукомъ, чашку чаю, кофе, шоколаду, стаканъ пуншу, и, если угодно, *плошку сивухи*, подъ трехцвѣтнымъ флагомъ, прямо изъ бочки! Приходитъ осень, и мѣлкая промышленность населяетъ балаганы подлѣ Ильинскихъ воротъ, и торгуетъ яблоками, виноградомъ, грушами, арбузами, дынями, бергамотами. Подите лѣтомъ въ отдаленные углы Москвы — вы найдете обширные пустыри, засаженные картофелемъ, капустою, рѣпою, морковью, свеклою. Среди сихъ пустынь кочуютъ въ шалашахъ и балаганчикахъ труженики, какъ Аравійскіе Бедуины, копаютъ, роютъ, поливаютъ, садятъ, вырываютъ, щиплютъ, полютъ. Въ Ѳоминъ понедѣльникъ мѣлкая промышленность скликаетъ всю Москву въ ряды, покупать остатки, обрѣзки, завалъ товаровъ. Въ Троицынъ день она везетъ въ Москву тысячи возовъ березокъ, убираетъ ими улицы и домы, и продаетъ бу-

кеты цвѣтовъ для Троицкой обѣдни. Съ самой весны, она разставляетъ, въ загородкѣ противъ Большаго Театра, горшки цвѣтовъ, лимоны, померанцы, розы, превращаетъ площадь въ цвѣтущій садъ, и кочуетъ тутъ подъ холстинными навѣсами; иногда-же, на цѣлое лѣто, выбѣгаетъ она на Троицкую дорогу, печетъ блины въ бивачной печькѣ, и угощаетъ богомольцевъ. Настала зима, и на льду Москвы рѣки, она разчищаетъ мѣсто для бѣга, съ другой строитъ лубочные балаганы, и продаетъ тамъ деревянныя чашки, ложки, кадочки, прорубаетъ проруби для мытья бѣлья, и на Масляницѣ сзываетъ гулять на Москву рѣку, какъ лѣтомъ сзывала за городъ. Ледъ изломало, мостъ снесло — мѣлкая промышленность строитъ временные переходы черезъ рѣку, садится въ лодку, и перевозитъ съ одного берега рѣки на другой. Надобно отправлять барки съ товарами въ Нижній — мѣлкая промышленность тащитъ ихъ лямками по мѣлководью Москвы рѣки, весело идетъ по поясъ въ водѣ, кричитъ и поетъ, выработывая скудный

хлѣбъ свой, и въ то-же время гонишъ въ Москву цѣлыя горы дровъ, песу, лѣсу....

Таковъ обширный, всеобъемлющій міръ мѣлкой промышленности, подставка крупной, оптовой, составляющій собою огромную, шумную дѣятельность Москвы!

»Но,« скажутъ читатели, »вы показали намъ многое; да, все это *промышленность*, все это *работаетъ*: трудится, брѣетъ, точитъ, пьетъ, женитъ, хоронитъ, поитъ, кормитъ. Покажите намъ *шарлатанство* и »*диковинки*«

Да, не уже-ли во всемъ томъ, что мы успѣли обглядѣть, все *трудится* и »*добываетъ хлѣбъ въ потъ лица*? Мм. Гг., извольте оглянуться назадъ, и подумать: въ мірѣ мѣлкой промышленности и торговли, нами описанномъ, много-ли надобно отнести къ *промышленности и торговлѣ собственно*, и сколько къ *шарлатанству*? Вы требуете *чистаго, безпримѣснаго шарлатанства*. Надобно условиться въ словахъ, Мм. Гг., и потомъ будетъ легче отвѣчать.

Все то, что разыгрываетъ свою спе-

куляцію болѣе на прихоти, на шалости человѣка, на удовлетвореніи его страстей, слабостей, нежели на пользѣ — какъ вы назовете все это? *Прозыбилеиностью*, или *шарлатанствомъ*? Сваха, которая, не думая о будущемъ счастьѣ жениховъ и невѣстъ, таскаетъ по домамъ длинные росписи приданаго, и служитъ поводомъ къ заключенію супружествъ, похожихъ на житье кошки съ собакою; женихъ, никогда не видавшій своей суженой, не спрашивающій: есть-ли у нея голова и сердце, а только: есть-ли у нея придача къ ея тѣлу; мамушка почтенная, не заботившаяся о душѣ христіанской, заключенной въ тѣло ея дочьки, и думавшая только о томъ, какъ-бы набить ея сундуки, и составить блестящую роспись приданаго; лекарь, увѣренный, что его наука состоитъ изъ невѣрныхъ опытовъ и замѣтокъ, не смотрящій на то, съ важностью пріѣзжающій къ больному, глубокомысленно щупающій ему пульсъ, ругающій своихъ товарищей, прописывающій гранами и долями всякую гадость, и размѣряющій часами пріемовъ время, которое надобно ему

промаячить до блаженной кончины больнаго; учитель, который ничего самъ не знаетъ, а что зналъ прежде, то забылъ, который учитъ не для того, чтобы знали, а чтобы просидѣть ему положенный часъ съ дитятею, и взять за это билетъ; папенька, если онъ ясно видитъ пустоту всего этого, и по пальцамъ можетъ разчесть, что учителю сына его, при 10-ти урокахъ въ день, поѣсть нѣкогда, а не только учить, или приготовиться къ ученью; авторъ, кропающій водевиль, или терзающій легкое произведеніе Скриба, вставляющій въ него множество плоскихъ двусмысленностей для р[illegible]ка, на колѣняхъ вымаливающій принятія на сцену его вздорнаго рукодѣлья, подкупающій хлопателей, и безстыдно вызываемый и выходящій предъ публику, и — все это ради нѣсколькихъ рублей, ради обѣда, или ужина: другой, открывшій торговлю изъ своего жалкаго пачканья, и презрѣннымъ торгомъ унижающій великое званіе писателя до поклоновъ безграмотному книгопродавцу, до цѣны, которой едва достаетъ у него на переписку

его измаранныхъ тетрадей — какъ вы все это, и тысячу подобнаго, назовете, Мм. Гг? *Шарлатанствомъ*? По моему, все это просто *промышленность*. Разница не велика между всѣми этими людьми, и поваромъ, который не кормитъ васъ на здоровье, а окармливаетъ, производителемъ дорогой бронзы, драгоцѣннаго фарфора, зефирной кисеи, погребщикомъ, ювелиромъ, выманивающими у васъ деньги хитрыми выдумками, сладкими лакомствами, и блестящими бездѣлками. Вы заспорите, что послѣдніе трудятся, и берутъ не даромъ, но за трудъ, съ лица. Очень хорошо; да, развѣ лекарь, сваха, учитель, пачкунъ бумаги, не трудятся? Развѣ они *даромъ* и *насильно* берутъ? Да знаете-ли вы, Мм. Гг., что легче иному мужичку вспахать двѣ добрыя десятины, нежели иной матушкѣ выдать дочьку свою за мужъ; легче иному мяснику убить быка, нежели иному лекарю спровадить упрямаго больнаго на тотъ свѣтъ? Все зависитъ отъ разности формъ. Что можетъ быть очаровательнѣе музыки? Но, спросите-ко вы у бѣднаго музыкальнаго учи-

пеля, чего стоило ему приобрѣсти искусство производить эти плѣняющіе васъ звуки, и каково ему давать уроки безголковымъ ученикамъ? Фильдъ просто бѣсился, и бивалъ учениковъ своихъ по пальцамъ — каково-то легко ему бывало гармонировать души и пальцы учениковъ своихъ! То-же скажетъ вамъ учитель рисованья, зѣвающій по цѣлымъ часамъ, пока ученики его уродуютъ прекрасныя формы Рафаэля и Корреджіо. А легкая работа *учить танцовать*? Да это настоящая пытка, и рѣдкій танцмейстеръ не сходитъ въ могилу ранѣе срока, положеннаго ему судьбою. — Между тѣмъ, какой дровосѣкъ, мостовщикъ, дрягиль, крехтя за работою, не скажетъ вамъ, что музыкантъ, живописецъ, танцовщикъ добываютъ деньги легкимъ трудомъ? Портной сидитъ цѣлый день на мѣстѣ, и только шевелитъ иголкою, а разнощикъ цѣлый день ходитъ, и таскаетъ два пуда тяжести; золотыхъ дѣлъ мастеръ спокойно раздуваетъ свою лампадку, и, сидя въ теплѣ, паяетъ серебро и золото, а извощикъ цѣлый день въ движеніи, какъ

быкъ добрый, ворочаетъ коробья и сундуки на морозѣ; но — кому легче?

Видите-ли, Мм. Гг., сколь трудно различить тяжесть и мѣру труда. Обратимся къ другому. Въ старые годы — теперь уже этого нѣтъ, и потому прошу не прилагать словъ моихъ къ настоящему — *въ старые годы, а не теперь* — повторяю — бывали въ Москвѣ слѣдующіе примѣры:

1. Человѣкъ живетъ пышно, великолѣпно, нанимаетъ прекрасный домъ, имѣетъ богатый экипажъ, ѣздитъ въ гости, у него всегда гости: это шулеръ, карточный игрокъ *навѣрную*; другой также всегда даетъ пиры, балы, обѣды, завтраки: къ нему собираются играть въ карты, и онъ живетъ долею, какую отдаютъ ему игроки, чтобы за то въ домѣ его имѣть мѣсто собранія и обирать несчастныя жертвы.

2. Купецъ имѣетъ прекрасный погребъ, торгуетъ, на огромный капиталъ и—что-же? Онъ мастеръ подваривать малагу изъ Лиссабонскаго вина, дѣлать мадеру изъ виннаго спирта съ вейндеграфомъ,

творитъ Ямайскій ромъ изъ Кизлярской водки; другой просто варитъ грушевку и яблоновку, и создаетъ *полу-шампанское*; третій распарываетъ Китайскій чай, мастерски засушиваетъ березовые листья, этими вѣниками разбавляетъ Китайское произведеніе, и продаетъ потомъ, искусно спаявши свинецъ, и хорошо сколотивши Китайскій ящикъ.

3. Изучивъ всѣ закоулки и кривизны юстиціи, человѣкъ дѣлаетъ себѣ изъ этого ремесло, *ходитъ по дѣламъ*, иногда за двухъ тяжущихся въ одно время, участвуетъ въ двадцати конкурсахъ, обираетъ и должниковъ, и кредиторовъ, умѣетъ успокоить совѣсть судьи, побѣдить скромность новычичка, обстричь золотыми ножницами когти секретаря, кстати напоить и накормить алчущіе желудки приказныхъ, и живетъ, какъ сыръ въ маслѣ катается.

4. Съ утра до вечера занятъ дѣлами человѣкъ — это лекарь, хирургъ: онъ обтачиваетъ ногти боярамъ, стираетъ имъ мозоли, вставляетъ фальшивые зубы, возвращаетъ румянецъ блѣднымъ

щекамъ и волосы плѣшивымъ головамъ. Но все это только предлогъ входа въ богатые домы. Настоящее ремесло этого хирурга....

5. Чудны дѣла вотъ этого человѣка: онъ всемірный услужникъ. Одному сыскиваетъ денегъ на заложенное имѣніе; другому нанимаетъ мошенника управителя, и идетъ въ дѣлежъ съ нимъ; третьему скупаетъ векселя его по 25 коп. за рубль; четвертаго рекомендуетъ судьѣ, зная неправоту дѣла; пятому сбываетъ за безцѣнокъ его картины; шестому продаетъ ихъ отъ себя въ три-дорога.

Какъ назвали-бы вы, Мм. Гг., занятія всѣхъ этихъ почтенныхъ людей? *Мошенничествомъ?* Но, если всѣ эти люди въ почетѣ и уваженіи между честными людьми, если имъ вездѣ рады, вездѣ ихъ принимаютъ, угощаютъ, если они успѣваютъ скопять деньги, строить и покупать домы, женятся потомъ, и за нихъ отдаютъ изъ лучшаго семейства, красавицу, и съ большою придачею, если эти люди готовы стрѣляться съ вами за малѣйшее грубое слово, и всегда перетянутъ у васъ доро-

гу, и въ залѣ вельможи, и за столомъ богача, и даже въ будуарѣ красавицы — какое имѣете вы право назвать ихъ мошенниками? Мошенникъ тотъ, Мм. Гг., кто краденъ копѣйку, обыгрываетъ въ пракпирѣ на сотню рублей, лишенъ бѣдняку просьбу, и за то объявляется ябедникомъ, обманываетъ на двѣсти рублей, и за то бываетъ лишенъ честнаго имени, вытаскиваетъ платокъ изъ кармана, доведенный до крайности, краденъ у васъ бездѣлку, и за то судится и наказывается. — Но кто краденъ милльонъ, обыгрываетъ на полъ-милліона, подкупаетъ совѣсть 25-ю тысячами, обманываетъ на сто тысячъ, вытаскиваетъ у васъ не платокъ, а родовую деревню, и съ лица краденъ у васъ, такъ или сякъ, на сотню тысячъ, тотъ не только *не мошенникъ*, но и *не шарлатанъ*.

Читатели удивятся, почему, обѣщавши сначала показать имъ *третій этажъ промышленности* — шарлатанство — я начинаю описывать шарлатановъ, и причислять ихъ къ народу промышленному,

шрудящемуся? Отъ того, Мм. Гг., что по зрѣломъ размышленіи мнѣ такъ начинаетъ казаться, и я вовсе не могу обозначить предѣла между шарлатанствомъ и промышленностью. Притомъ — опытъ, этотъ великій учитель, спрашиваетъ меня, и я трепещу за людей, если дерзкою рукою осмѣлюсь сорвать съ нихъ маску... Мм. Гг., какъ вы думаете: *не разсердитъ-бы гусей?*...

И такъ, великіе шарлатаны всѣхъ родовъ, вы, огромные спекулянты на честь, совѣсть и карманъ ближняго, вы ловкіе аферисты, разъѣзжающіе въ каретахъ и коляскахъ, живущіе въ чертогахъ, и.... будьте спокойны: я не трону васъ, когда васъ не трогаютъ другіе люди, и ваша собственная совѣсть только мусолитъ васъ, а не кусаетъ!

Послѣ сего совѣстно мнѣ трогать васъ, дрожжи человѣчества, пыль и прахъ общественнаго устройства, безъ того попираемая ногами знати и богачей, мѣлкіе шарлатаны, спекулянты, аферисты на рубли и копѣйки! Если надобно вызывать порокъ на дуэль, то надобно вызывать

порокъ гордый, знаменитый; если хочется вамъ дать щелчокъ, то дайте его не бѣдняку, и безъ того избитому судьбою и людьми, но пустите щелчокъ вашъ на гладкую щеку того, кто не боится грома небеснаго и воли человѣческаго....

Поговоримъ лучше о *ликовщикахъ* Московскихъ. И на это недостанетъ бумаги, которую въ годъ выдѣлаетъ фабрика Усачева.

Въ Москвѣ найдете вы тысячи людей, которые *никакого художества* за плечами не имѣютъ, ничего не дѣлаютъ, ни перомъ, ни шилою, ни заступомъ, ни удою. Одинъ изъ такихъ людей встаетъ по утру, надѣваетъ лоскутья и рубища, идетъ къ окну перваго дома, употребляетъ во зло милосердіе и вѣру ближняго, выпрашиваетъ у него именемъ Христа грошъ, идетъ къ другому окну, собираетъ гривны двѣ, три, обѣдаетъ на улицѣ тухлою печенкою, напивается попомъ въ кабакѣ, и идетъ вечеромъ въ убѣжищѣ, гдѣ сотни подобныхъ ему бродягъ собираются ночевать, платя ежедневно за ночлегъ съ головы. И день прошелъ, а

завтра будетъ тоже самое! Цѣлое семейство ходитъ иногда такимъ образомъ, и чѣмъ отвратительнѣе ихъ рубища, чѣмъ уродливѣе они сами, тѣмъ прибыльнѣе для нихъ. Иной вешаетъ по утру, надѣваетъ изношенный фракъ, беретъ извощика, и ѣздитъ изъ дома въ домъ; въ каждомъ подаетъ письмо на имя хозяина, гдѣ выхваляетъ его добродѣтель и милосердіе, а на себя наклеветываетъ неслыханныя бѣдствія. Неотмѣнный даетъ этому бродягѣ рубль серебра, пяти-рублевую ассигнацію, но онъ не отказется и отъ гривны. Къ вечеру возвращается онъ въ уголъ свой, гдѣ нибудь на чердакѣ, или въ подвалѣ, въ жилищѣ нищеты, отгороженное ветхими ширмами, сытый и пьяный, заготовляетъ снова письма, и назавтра отправляется вновь ѣздить по Москвѣ. Женщины такого рода называются *салотницами*, потому, что обыкновенно таскаются въ изношенныхъ салопахъ — не рѣдко безъ рубашки. — Есть многіе бродяги, выучившіе разныя поговорки, прибаутки, стихи, проповѣди; они обыкновенно ходятъ по рядамъ, и за-

бавляютъ купцовъ. Другіе притворяются, что не терпятъ какого нибудь слова, какого нибудь движенія, свисна, названія. Только, что является такой плутъ, со всѣхъ сторонъ раздается крикъ, шумъ, свистъ, слово, котораго онъ не терпитъ: *мокрая курица, рыту съѣлъ, икры объѣлся, волчьи ноги, куричій носъ!* И плутъ притворяется разсерженнымъ, бѣгаетъ, гонитъ, кричитъ, бранится, падаетъ: какъ не дать ему гроша послѣ этого? А для привлеченія другихъ, такой человѣкъ золото. Цѣловальникъ, трактирщикъ всегда даромъ напоитъ и накормитъ его. Противоположность этимъ весельчакамъ составляютъ плуты съ постною рожею, порядочно одѣтые, благопристойные: они вѣчно плачутъ, и собираютъ на похороны, на погребеніе небывалыхъ дѣтей, женъ, матерей своихъ.—Все это называется *нищими*; но тутъ тысячи подраздѣленій: есть нищіе, живущіе по-барски, въ большихъ домахъ, есть живущіе въ подвалахъ и подклѣтяхъ; они бродятъ въ мундирахъ и лохмотьяхъ, и—нищенно Правительство желало-бы истребить ихъ! Говорите по-

слѣ того, что люди жестокосерды, немилосерды, желѣзносерды; на чемъ основывается эта Московская диковинка, *пищіе*, если не на желаніи пособить ближнему, чѣмъ можно?

До сихъ поръ въ Москвѣ не вывелись люди, на которыхъ не поскупился красками своей фантазіи Шекспиръ, которые прежде составляли при Дворахъ особенное званіе, а нынѣ не имѣютъ тамъ никакого гласнаго званія, отправляя должность свою мимоходомъ при другой. Мы говоримъ о *шутахъ*, *записныхъ дуракахъ* и *дурахъ*. Въ Москвѣ есть они во всѣхъ званіяхъ, всякаго манера. Есть шуты бѣдные мѣщане, купцы, горькіе арфисты, пьяницы ученые, безъ которыхъ не совершается веселая купеческая пирушка; есть шуты боярскіе, которымъ позволяется говорить всякому правду, и ругать всякаго. Многіе шуты остались до нынѣ въ памяти народной: всѣ помнятъ *Савельича*, ходившаго по улицѣ, въ красномъ мундирѣ, съ большимъ пучкомъ, въ прическѣ. Еще не забыли другаго проказника, который, съ длинною оффиціею, въ сѣромъ кафтанѣ,

ѣзжалъ, разгоняя народъ при свадьбахъ и похоронахъ, и шерифъ не могъ свисна. Злой шутъ и дуракъ, плѣшивый старичекъ, въ красномъ сюртукѣ, желавшій зла цѣлому міру, и забавлявшій всѣхъ своими проклятіями, также замѣшенъ. Дама, въ чепчикѣ съ цвѣтами, не шерифѣвская голубаго цвѣта, составляла забаву многихъ. Наконецъ, и теперь найдете шутовъ, поющихъ пѣшухомъ, ходящихъ зимою босыми ногами, людей, бывавшихъ въ Іерусалимѣ, юродивыхъ, причудниковъ, ворожей, колдуновъ, обморочивателей. За тайну, тихонько (потому, что открыто не смѣютъ они дурачить православныхъ), вамъ откроютъ убѣжище гадальщицы картами, ворожеи на бобахъ, на кофе, человѣка, заговаривающаго зубную боль, и проч. и проч.

Кулачные бойцы въ Москвѣ совершенно перевелись. Изрѣдка, гдѣ нибудь въ Рогожской, Русаки вспоминаютъ старину: но это жалкіе остатки знаменитыхъ боевъ. Гусиный бой также совсѣмъ вывелся. За то, каждое воскресенье, за Тверскою и Рогожскою заставою, можете еще на-

сладиться грызеньемъ собакъ и травлею звѣрей. Объ этихъ бояхъ объявляется въ Газетахъ, съ приложеніемъ лубочной картинки, и надписью: *важатый черноморской дикой быкъ и свирѣпѣйшій медвѣдь стегало.* Громко описываютъ послѣ того, что »быкъ, нарочно приведенный изъ степей, и апробованный уже здѣсь напускомъ на большаго и злобнаго медвѣдя, лютостію своею равняющійся разъяренному льву, будетъ сражаться съ ужаснымъ медвѣдемъ Снегалою и лихою Макридою, нарочно пригоновленными и оголодалыми, кои будутъ вмѣстѣ пущены на полной свободѣ. А прежде травли быка, собаки извѣстнаго охотника Щелканова пустятся на медвѣдя Великана, и будетъ держано пари 200 рублей....« Въ заключеніе увѣряютъ, что надѣются посѣщенія и удовольствія почтеннѣйшей публики!...

Особые домы въ Москвѣ занимаетъ колонія Цыганскихъ пѣвуновъ и плясуновъ. Гумбольдтъ дивился этимъ бѣшенымъ Эоіонамъ, ихъ дикому воплю радости, ихъ восторгу пляски.

Каждую осень начинаются и продолжаются всю зиму особенные привозы въ Москву рѣдкостей со всего свѣта. Стѣны домовъ на Тверской закрываются въ это время огромными холстинами, съ изображеніями диковинокъ. Здѣсь показываютъ вамъ обманныя восковыя статуи; тамъ тонкихъ, полуиздохшихъ змѣй, рѣдкихъ птицъ, альбиноса, дикую Королеву, взятіе Адріанополя, космораму, панораму, діораму, Изидинъ храмъ, Китайскія тѣни, фантасмагорію, чревовѣщателя, ѣдуна огня, нестараемаго человѣка, глотателя ядовъ, ученика Пиненини; въ другомъ мѣстѣ фигляры скачутъ на лошадяхъ, проскакиваютъ сквозь бочки, перекидываютъ шары, кинжалы, топоры, ходятъ вверхъ ногами, подымаютъ зубомъ лѣстницу, обѣдаютъ на проволокѣ, пальцомъ ставятъ на спину сороковую бочку. Каждая диковинка возвѣщается громкимъ объявленіемъ въ газетахъ, и цѣна назначается по пяти рублей съ человѣка.

Но какъ такого дива нѣтъ,
Къ которому не приглядѣлся-бъ свѣтъ,

то и каждое диво привозное дешевѣетъ

постепенно, и наконецъ пяти-рублевое можете видѣть за гривенникъ въ балаганѣ подъ Новинскимъ.

Пора кончить: не стану описывать вамъ *Новинскаго* — этого раздолья диковинокъ, рѣдкостей, чудесъ. Кто не знаетъ, что тогда цѣлую Святую недѣлю, вся Москва сходится тамъ, гуляетъ, ѣздитъ вокругъ фигурныхъ балагановъ, съ цвѣтными флагами, пестрыми стѣнами. Тамъ увидите вы восковаго Наполеона, и барабанщика его, который бьетъ вдругъ въ 40 барабановъ, звѣрницы и Арлекина, ѣдуна огня, Полишинеля, Цыганскихъ плясуновъ и Русскихъ пѣсельниковъ, качели и палатку съ верблюдомъ, кабакъ подъ елкою и ресторацію Яра, съ фарфоромъ и бронзою, волшебный фонарь и живую картину модныхъ карикатуръ. Это волшебный городокъ, выросшій изъ земли по манію волшебницы — мѣлкой промышленности!

Пройдетъ Святая, и — волшебный городокъ исчезаетъ. Диковинки развозятъ по городамъ и ярмаркамъ. Изрѣдка остается, или вновь появляется въ Москвѣ ка-

кая нибудь обшитанная косморама, или солнечный телескопъ, или кочевой прыгунъ на веревкѣ. И тѣ переходятъ за городъ, въ Марьину рощу, въ Петровское, въ Нѣмецкій Клубъ, гдѣ можете увидѣть страшныя морскія сраженія на прудѣ, и цѣлые маскерады Бахуса, съ Силенами, Фавнами, Сатирами, и воздушный шаръ, къ которому до сихъ поръ не можетъ приглядѣться простонародье Русское, и фейерверки, съ бураками и ракетами.

Мѣстахъ въ двадцати, лѣтомъ, сходится простонародье гулять въ назначенные дни. Тутъ приготовленій бываетъ немного: ставятъ походный кабакъ, качели, и балаганъ безъ крыши. Неприхотливые гуляки пускаются грызть орѣхи, ѣсть пряники, смотрѣть въ волшебный фонарь, хохотать на паяца, глядѣть на несчастнаго какого нибудь прыгуна, напиваться до пьяна зеленымъ виномъ, и орать во все горло пѣсни. Лѣтнія гулянья совсѣмъ упали, съ тѣхъ поръ, какъ Москвичи начали выѣзжать на лѣтнее житье за городъ. Еще и нынѣ щеголяютъ экипажами о Святой подъ Новинскимъ, пер-

ваго Мая въ Сокольникахъ; но подъ Дѣвичьимъ, у Воздвиженскаго, Андроньевскаго, Новоспасскаго, Симоновскаго монастырей, является только купечество и простонародные весельчаки. Большой свѣтъ почти отказывается и отъ гуляньевъ въ Кремлевскомъ и Дворцовомъ саду. Шереметевыхъ, Орловыхъ нѣтъ уже въ Москвѣ, и только старики помнятъ, какъ вся Москва собиралась прежде, знатный и мужикъ, старый и малый, на даровое угощеніе Шереметева, на карусели, лошадиныя скачки и кулачные бои Орлова. На мѣстѣ Орловскаго манежа теперь строится больница; Останькино и Кусково разрушаются, и поросшіе тиною пруды ихъ сторожѣютъ при однообразномъ хорѣ лягушекъ. Маленькіе домики поспросены въ загородныхъ садахъ бывалыхъ вельможъ; тамъ живутъ Москвичи лѣтомъ, и смиренно ходятъ гулять по тѣмъ дорожкамъ, гдѣ нѣкогда великолѣпные хозяева шли торжественно, угощая Царей, Царицъ, Королей и Принцевъ. Изрѣдка какой нибудь случайный праздникъ оживляетъ однообразную тишину.

Кончимъ. Я показалъ вамъ, читатели, не всю картину, осмотрѣлъ съ вами не всѣ углы. Согласитесь-ли вы, что Москва только отлична характеристикою, но любопытна не менѣе Парижа въ мѣлкой живописи нравовъ? Можете дополнить сами, чего не успѣлъ, *не могъ, не хотѣлъ* я вамъ сказывать. Иного сказать вамъ было не льзя; другое высказать было-бы грустно. Таковъ человѣкъ, странное, *двуногое животное безъ перьевъ*, какъ говаривалъ покойникъ Діогенъ. Соединеніе неба и земли—онъ можетъ порадовать насъ высокимъ наслажденіемъ; можетъ навести тоску и грусть, если взглянемъ на него съ противной стороны. Вступая въ міръ мѣлкой промышленности, шарлатанства и диковинокъ Московскихъ, мы скинули философскую епанчу, спрятали ее тщательно, и заняли кафтанъ у шутки и насмѣшки. Надѣнемъ теперь опять ветхій плащъ Философіи, и посмотримъ на то, что мы переглядѣли. Посмотримъ: велико-ли участіе нравственнаго бытія человѣческаго въ мірѣ мѣлкой промышленности; велико-ли участіе безсмерти-

ной души человѣческой въ этомъ несчастномъ мірѣ вещественныхъ потребностей и нуждъ; глубоко-ли освѣщенъ онъ лучами образованности и просвѣщенія; достигаетъ-ли до него мысль о великомъ назначеніи человѣка?...

Не знаю какъ вы думаете обо всемъ этомъ, Мм. Гг., а мнѣ кажется—лучше не думать объ этомъ. И безъ того, у всякаго изъ насъ столько заботъ, хлопотъ, попеченій: иной женится, другой разженивается, тотъ продаетъ, этотъ покупаетъ, тяпому просто недосугъ, потому, что онъ самъ не знаетъ, за что взяться; иному нѣкогда потому, что онъ за многое взялся.

Комедія кончилась, и занавѣсъ опускается. Добраго здоровья Московскому міру мѣлкой промышленности!...

ВМѢСТО

ПОСЛѢСЛОВІЯ.

Издатель Телеграфа честь имѣетъ свидѣтельствовать читателямъ свое глубокое почтеніе.

Почти годъ тому проходящъ, какъ исполняя волю покойнаго *Новаго Живописца*, принялся я воздвигать ему памятникъ, *мягче металловъ* и *ниже пирамидъ*, то есть, говоря просто: по завѣщанію покойнаго Новаго Живописца печатать его статьи и сказанейки въ *шести* отдѣльныхъ книжкахъ. Печатанье это затянулось довольно долго. Не недостатокъ бумаги, не неохота типографщика были этому причиною — нѣтъ!—При звонкихъ средствахъ любезнаго книгопродавца, который принялъ на себя всѣ издержки изданія, нѣчего было опасаться ни того, ни другаго. И бумажныя фабрики, и стан-

ки типографскіе работали и двигались быстро и дѣятельно: однѣ съ излишкомъ нагоповляли бумагу; на другихъ нельзя было нагоповиться оригинала. Обстоятельства особенныя задержали печатаніе. Отдѣливъ рукописей *на шесть книжекъ*, я былъ спокоенъ, и даже напередъ отдалъ Изданелю записку о содержаніи двухъ послѣднихъ книжекъ, хотя онѣ не были еще напечатаны; но тутъ оказалась неудача: нѣсколько обѣщанныхъ статей не попало въ сіи двѣ книжки. Не подумайте, читатели, чтобы *цензура не пропустила*. Нѣтъ! *обстоятельства особенныя* принудили меня не печатать нѣкоторыхъ статей.

Всѣ эти обстоятельства заключались въ одномъ обстоятельствѣ, а именно:

Рукописи статей для двухъ послѣднихъ книжекъ были написаны такимъ *нечетким* почеркомъ (можетъ быть, рука почтеннаго старичка Живописца слабѣла, или слишкомъ торопился онъ, предчувствуя свою кончину), что я рѣшился отдать ихъ на просмотрѣніе одному почтенному моему пріятелю, Аристарху Пуганому.

Этотъ Г-нъ Пуганый большой мастеръ разбирать самые связные почерки. Подъ его присмотромъ переписаны были статьи: *Визиты провинціяла; Сравненія, замѣчанія и мечтанія по Московскимъ улицамъ; Письмо А. М. Хапченкинки; Разговоръ послѣ бесѣдъ съ литтераторами*, и *Кладбище.*—Работа шла успѣшно; переписанное печаталось, и — вдругъ остановилось! Г-нъ Пуганый сдѣлался нездоровъ, не могъ продолжать занятія; наконецъ совершенно отказался, и уѣхалъ лечиться въ Липецкъ, на воды. Можетъ быть, я разобралъ-бы кое-какъ самъ остальныя рукописи Живописца; но Г-нъ Пуганый, вѣроятно, ошибкою, взялъ эти рукописи съ собою. Изъ Липецка поѣхалъ онъ въ Воронежъ, или въ Кіевъ — право не знаю, только до сихъ поръ въ Москву онъ не возвращался, и гдѣ нынѣ находится, мнѣ неизвѣстно.

Воображите мое затруднительное положеніе? Надобно было печатать, а рукописей не было. Именно слѣдующія статьи:

I. Окончаніе Комедіи о женскомъ уборѣ,

называемомъ: *чепчикъ*, или великія дѣла отъ малыхъ причинъ.

II. Еще вольный мученикъ.

III. Второй отрывокъ изъ замѣтокъ старика, или исторія Цензуры въ одномъ маленькомъ Нѣмецкомъ городѣ.

IV. Третій отрывокъ изъ замѣтокъ старика, или исторія о Нѣмцѣ, великомъ прожектерѣ, и о томъ, какъ онъ подавалъ одному Нѣмецкому Князю свои проэкты.

V. Вторая часть приключеній по смерти Г-на Кохинина, или разсказъ о томъ, какъ хоронятъ богачей.

VI. Третья часть приключеній по смерти Г-на Кохинина, или слово о томъ, какъ дѣлятъ послѣ богачей наслѣдство.

VII. Рецензиты составляютъ всякую литтературную дичь.

VIII. Остальныя письма Г-на Бываловскаго къ его сыну.

IX. Описаніе экзамена, бывшаго въ пансіонѣ одного Нѣмца, великаго чудака и ученаго человѣка.

X. Отрывки изъ проэкта, о томъ, чтобы подьячіе взятокъ не брали —

Именно всѣ этѣ статьи увезъ съ со-

бою мой почтенный другъ, Аристархъ Пуганый! Не имѣя никакого слуха объ немъ самомъ, могу полагать даже, что всѣ сіи статьи *решительно пропали*....

Между тѣмъ время шло. Изъ типографіи приходили за оригиналомъ; любезный книгопродавецъ-издатель, хотя очень вѣжливо, напоминалъ мнѣ, что *пора кончить книгу*. Наконецъ, надобно было исполнить обѣщаніе передъ публикою.

Къ счастію, въ бумагахъ Живописца нашлась большая кипа бумагъ съ надписью: »Сіи рукописи напечатать отдѣльно отъ Новаго Живописца, и только тогда, какъ не достанетъ отмѣченныхъ мною для печатанія подъ симъ именемъ статей, помѣстить изъ нихъ что нибудь въ Новомъ Живописцѣ! « —

Дѣлать было нѣчего! Препоручивъ судьбу находившихся у Г. Пуганаго статей будущему времени, я рѣшился дополнить 5-ю и 6-ю части Новаго Живописца изъ вновь найденной кипы. Прежде этого, я сдѣлалъ было уже особое назначеніе бумагамъ этой кипы, начавъ печатать часть ихъ въ *Камеръ-Обскуръ*, при

Телеграфѣ сего 1832 года. Необходимость и законъ измѣняетъ. И такъ, въ 5-ю часть Живописца вышла большая статья изъ книги: *Воспоминанія на святкахъ*, въ 6-ю, напечатанныя уже въ Камеръ-Обскурѣ статьи,

I. Общество беззубыхъ литтераторовъ.

II. Трудолюбивый Муравей, или образчики историческо-политическо-литтературной газеты.

III. Парижъ и Москва, въ мѣлкой живописи нравовъ.

Такимъ образомъ составилось *шесть книжекъ* Новаго Живописца, и счетомъ выполнено обѣщанное публикѣ число. Но — если публика почтетъ неисполненіемъ обѣщанія то, что непомѣщены въ Живописцѣ десять выше сего означенныхъ статей? Она имѣетъ полное право сказать:

»М. Г., положимъ, что намъ понравятся разсказы о мертвецахъ, о беззубыхъ литтераторахъ, о мѣлкой промышленности Московской, и образчики газеты; положимъ, что все это также сочиненіе Живописца; но намъ извольте дать, что

обѣщано: Исторію Цензуры, Исторію Кохтина, рецензиы на лицинерапурную дичь, прозкиъ о томъ, чтобы подъячіе взяпокъ не брали, исторію Нѣмца, великаго прожекпера!«

Что мнѣ тогда дѣлать?.... О, несносный, хотя и почтенный Аристархъ Пуганый! чтобы небѣ ни дна, ни покрышки не было....

Но, нѣтъ! Читатели Живописца такіе добрые, такіе милые: снисходительны, добродушны, какъ Московская невѣста, и, конечно, они не стануютъ сердиться, разсмотрѣвъ, что совсѣмъ неожиданныя и *независящія отъ воли моей* обстоятельства, заставили меня не вполнѣ исполнить обѣщанное въ объявленіи книгопродавца о *Новомъ Живописцѣ*. Впрочемъ, если читатели ничего не захотятъ знать, даже не послушаютъ старыхъ поговорокъ: *нѣтъ правила безъ исключеній; человѣкъ предполагаетъ, а судьба располагаетъ*, и проч.: и проч.; что тогда мнѣ дѣлать? Сознаюсь въ винѣ—скажу откровенно:

Кто сколько мудростью ни знатенъ,
Но всякій человѣкъ есть ложь!

И въ слѣдствіе сего, по Русской пословицѣ: *повинную голову мечъ не сѣчетъ*, читатели должны будутъ, хоть *извинить*, если не совсѣмъ простить меня. А я всегда за долгъ мой почитаю, съ истиннымъ, глубочайшимъ почтеніемъ, быть ихъ покорнѣйшимъ слугою, и спѣшу поставить, въ красной строкѣ, крупными буквами —

КОНЕЦЪ.

7 JU 64

СОДЕРЖАНІЕ

ШЕСТОЙ ЧАСТИ.

Посланіе отъ М. А. Хапуневича къ І. І. Гейнелю, изъ Бердичева въ Броды. 5
Сравненія, замѣчанія и мечтанія по Московскимъ улицамъ. 27
Общество беззубыхъ лицемѣровъ. 59
Трудолюбивый Муравей. Образчики Историческо-Политическо-Литературной газеты.
Образчикъ I. 103
II. 128
III. 148
Парижъ и Москва, въ мѣлкой живописи нравовъ.
Парижъ. I. Мѣлкая промышленность Парижа. . . 175
II. Парижское шарлатанство, чудеса и диковинки. 210
Москва. Мѣлкая промышленность, шарлатанство и диковинки Московскія. 255
Къ читателямъ. 348

D023903355R
Duke University Libraries